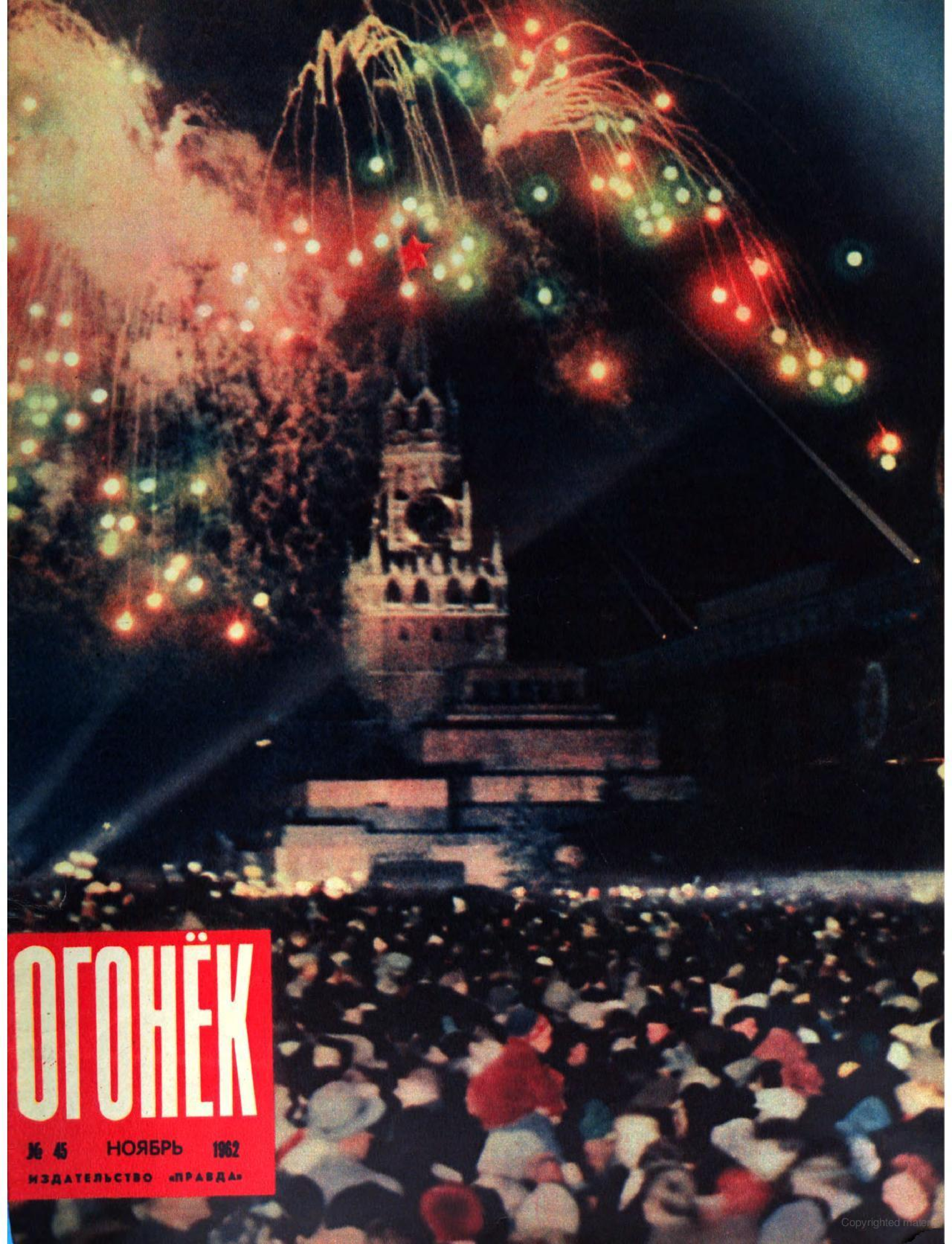

ОГОНЁК
№ 45 НОЯБРЬ 1962
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

РЕВОЛЮЦИЯ

Александр ПРОКОФЬЕВ

45

Ты меня повела за собой
Прямо в бой.
Научила на полную гамму ненавидеть врагов,
Ненавидеть врагов.
Реки вышли из берегов,
Покраснели от крови,
Почернели от крови.
Всё мы слышали, кроме
Тишины.
Мы на крыльях войны,
На дымно-багровых,
Летели за громом,
За молнией вслед.
Сколько было нам лет?
Восемнадцать?
Двадцать пять?
Пятьдесят?
Кто землею был взят,
А кто морем,
Кто упал — не поднялся.
Августовские звезды и военные зори
Под двуколки ложились стремглав
На дорогах России,
У переправ,
На просторах Кубани,
На равнинах Придонья.
На одно лишь мгновенье закроешь ладонью
Глаза — и увидишь,
Как мчатся тачанки по лазоревым долам,
По зеленым подолам
Степей в Семиречье,
И ветра революции плещут
И взвивают знамена.
Вдаль проходят полки,
Вдаль идут батальоны.
И не счесть, сколько далей в России,
Не окинуть их взглядом.
За Советскую власть
Шли с боями отряды.
За Советскую власть
Клали головы смолоду,
И разгромлено, стерто, размолото
Вековое вражье...
Все во имя твое,
Мы во имя твое, Революция,
Шторм вели,
Океан поднимали на гребень,
И твои ныне песни поются
Там, где молний побольше,
Чем в небе!

В. Серов. В. И. ЛЕНИН провозглашает Советскую власть (фрагмент).

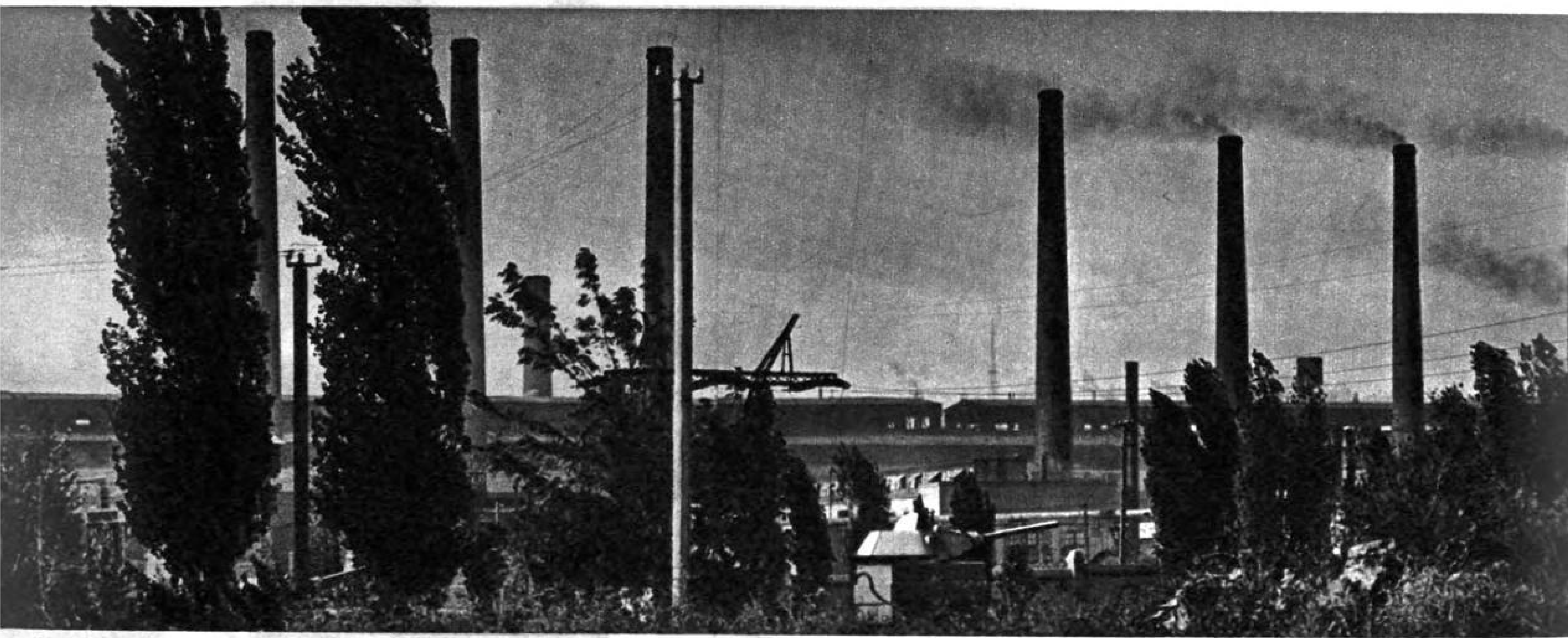
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

№ 45 (1846)
4 НОЯБРЯ 1962
40-й год издания
ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ИМЯ ГЕР

Танковая башня. Линия фронта рассекала завод надвое.

Н. БЫКОВ,

В. ПАВЛОВ

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА.

История волгоградского завода «Красный Октябрь» — это биография Героя, имя которого — Рабочий Класс.

История этого завода началась вместе с революционным рассветом в конце прошлого столетия, в то время, когда завод еще звался «французским» и принадлежал французским промышленникам.

История этого завода соткана из множества биографий людей старых и молодых. Людей, положивших жизнь за рабочее дело, и тех, кто здравствует и доныне.

...Крестьяне становились рабочими. Рабочие получали дипломы техников и инженеров. Вчера подручный — сегодня начальник цеха. Вчера начальник цеха — сегодня руководитель целой отрасли хозяйства.

«Красный Октябрь», как и десятки других заводов страны, дал своих талантливых сынов во все слои нового советского общества.

На заводе и сейчас помнят своих питомцев: главного металлурга Госплана СССР Николая Семеновича Девченко, директора совхоза «Волго-Дон» Виктора Ивановича Штепу, бывшего начальника «Главсевморпути» Василия Федоровича Бурханова, народных артистов республики Галину Палей и лауреата Государственной премии Константина Синицина...

Шагают на завод юноши и девушки, которые всего несколько дней назад впервые предъявили вахтеру пахнущий свежей краской пропуск. И многих из них когда-нибудь мы, наверное, встретим в научных институтах, крупных государственных учреждениях, на дорогах вселенной...

Новые жители «Большой Франции»

— Если пришлось пропустить день — проболел или что по домашности приключилось,— уже не спустят, проси не проси. Наш мастер — по-французски его звали Ламот, а по-рабочему Ломоть — с утречка тебя в цеху разыщет, поманит пальцем: «Алло! Вчера не был? Марш, гуляй еще два дня!» А что такое два дня без работы? Значит, два дня с пустым животом. И не один ты — вся семья. Просишь: «Господин мастер, не волею пропустил, с женой беда приключилась!» А Ломоть и не слушает. Сморщится да рукой махнет: знать, мол, ничего не хочу! И пошел дальше...

Домик нашего собеседника, бывшего рабочего-сварщика Александра Степановича Кирдяшева, стоит среди густых фруктовых деревьев, неподалеку от берега Волги, в том самом месте, где когда-то лежала «Большая Франция»...

Когда Кирдяшев в 1903 году впервые пришел на завод, ему и в голову не приходило, что настанет время, и сам он будет жить здесь.

В этом маленьком поселке, живописно раскинувшемся на обрывистом берегу Волги, тогда стояли особняки самых высших заводских начальников — французов. Вплотную к «Большой» прилегала «Малая Франция», в которой жили начальники-французы, но рангом пониже. А рабочий люд ютился в Русской деревне в Халтеевке, на Старом Базаре — в казармах-общежитиях, в крошечных мазанках, в ужасающей тесноте и грязи...

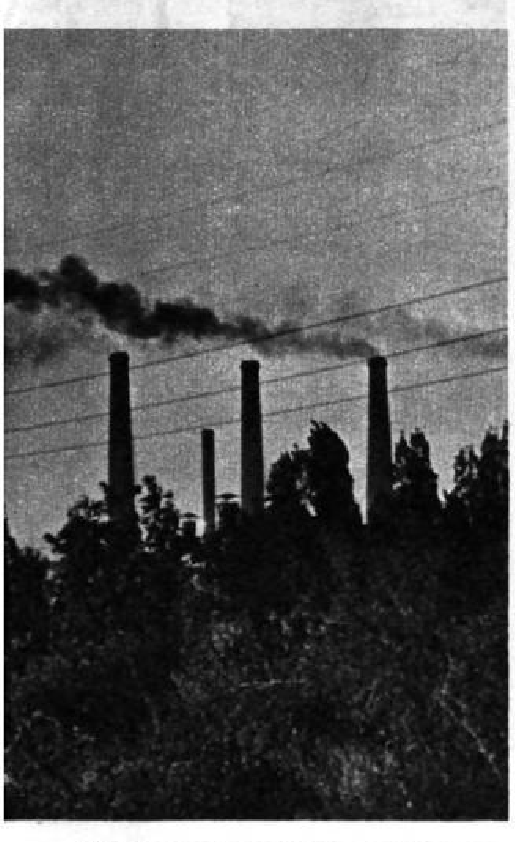
Поселков этих давно уж нет. На их месте раскинулся огромный, красивый, благоустроенный город, который почему-то (наверное, по старой памяти) тоже называется «поселком». Поселком Металлургов...

—Не выдерживали, конечно. Бастовали. В седьмом-то году меня казак ка-ак хватит плетью — так и рассек надвое новую рубаху... Да что рубаха — я сам две недели встать с кровати не мог!..

Александр Степанович Кирдяшев — это революционное прошлое завода. Сосед Кирдяшева девяностотрехлетний Павел Трофимович Филиппов (он живет через

РАБОЧИЙ КЛ

О Я-

Плавка на плавку не приходится. Начальник второго мартеновского цеха М. Глушцов и сталевар В. Яковлев. →

дорогу в той же бывшей «Большой Франции») сам строил и пускал «французский» завод — сначала обносил забором строительную площадку, возводил цеха, а потом, когда в цехах запылали первые мартеновские печи, стал вальцовщиком на прокатный стан...

Старый сталевар, недавно ушедший на пенсию, Иван Иванович Рожков в ту далекую пору по возрасту не мог принимать участия в сходках и забастовках. Но он отлично помнит, как принесли домой на рогоже отца, искалеченного в рельсопрокатном цехе, как его старший брат, коммунист, скрывался от жандармов, как металась в сыпняке мать и как он — в то время восьмилетний мальчонка — с ревом цеплялся за некрашеные доски гроба, когда мать несли на кладбище.

— Жили тяжко,— вспоминает Рожков.— Вся семья на заводе работала, а на хлеб не хватало — покупали сухари у бабки-побирушки. А когда в шестнадцатом умерла мать и отдали меня в приют, стало еще хуже. Сбежал я из приюта, вернулся на завод, жил среди рабочих — по отцу да по брату на заводе-то меня все знали. Как пе-

АСС

режил голод, разруху, сам до сих пор не понимаю. Потом стал на заводе рассыльным, учеником-электриком, вступил в комсомол, сделался сталеваром... Расправил плечи, одним словом...

И не один Рожков — весь завод расправил плечи.

По стране шагала первая пятилетка. Рядом с «Красным Октябрем» взметнулись строительные леса — рос первый в стране тракторный. От металлургов бывшего «французского» завода потребовали: к пуску тракторного выдать специальную, высококачественную сталь. И не только для соседа, но и для всей автотракторной промышленности, которая создавалась в то время...

Это было сложнейшим делом. В ту пору «французский» завод выпускал обычное поделочное железо — кровельное, шинное, обручное, железо для подков и гвоздей. Не только об анализе — о регулировке хода плавки и речи не было. Мастер все прикидывал на глазок и командовал: «Подкинь известки! Подбавь жару. Готово, выпускай!» Для низкосортной продукции, количество которой не превышало 250 пудов в месяц, других способов и не требовалось.

А теперь все это надо было менять. И на заводе появились новые люди.

Михаил Васильевич Глущов пришел сюда в тридцать четвертом, сразу после окончания Макеевского металлургического техникума.

Развалины бывшей заводской лаборатории. Это все, что осталось от завода после ликвидации окруженной армии Паулюса.

Заводские садоводы Галя Лапшина и Лида Кочекова. (Правый снимок.)

Начальник сталеплавильной лаборатории Герой Социалистического Труда Мария Петровна Лапшова и руководитель группы физики металлов Анеля Окенко.

Он начинал с рабочего на канаве — в то время все выпускники техникумов по распоряжению Серго Орджоникидзе должны были начинать с рабочей должности... А теперь Глущов — начальник крупнейшего и ответственнейшего на заводе цеха — второго мартеновского. Слушаешь его — и сам невольно чувствуешь, как пробуждается в тебе любовь к огненной профессии сталевара.

— Печь — она ж дышит, как живая! — говорит Михаил Васильевич.— Мы с вами — легкими, а она — насадками. Сталевар должен слушать и наблюдать печь, как доктор больного: нет ли где хрипа, хватает ли в пище калорий и какова их усвояемость. Не простое это дело — слушать и наблюдать мартен! Плавка — дело творческое. Одна на одну не приходится. Каждый сталевар — свой собственный почерк... Характер у каждого тоже свой — двух одинаковых сталеваров нет.

Идет война народная...

...Линия фронта проходила по околице города. «Красный Октябрь» был заминирован и подготовлен к взрыву. В мартенах кипела сталь. По камуфлированным крышам цехов скользили хищные тени «юнкерсов». На заводском дворе рвались бомбы и снаряды. Падали люди, скошенные осколками. Но из ворот «Красного Октября» неуклонно один за другим уходили вагоны, груженные листами первоклассной танковой брони.

Потом враг подошел к заводу вплотную, ворвался на его территорию. Фронт рассек завод надвое, прошел меж девятой и одиннадцатой мартеновскими печами. Завод ощетинился штыками. Роты народного ополчения вместе с регулярными частями Советской Армии заняли оборону среди родных цехов...

И именно здесь, в двух сотнях метров от берега Волги, враг был остановлен!..

Самые лучшие, самые преданные люди завода — гордость всего рабочего класса — отдали свои жизни в борьбе с врагом.

На берегу крошечной речки Мокрой Мечетки в бою за хутор Мелиоративный погибла женщина-сталевар коммунист Ольга Ковалева.

Пали смертью храбрых в боях сталевары Кузьмин, Орлов, слесари Володин, Иванов, Савченко, рабочий сортового цеха Жеряков, листопрокатчик Комчаров, рабочие Симонов, Познышев и другие.

Шли бои, а в это время все, кто не принимал в них участия, под руководством главного инженера (теперь директора завода) Паруйра Апетнаковича Матевосяна днем и ночью эвакуировали людей и материальные ценности на правый берег Волги. Принадлежащий заводу маленький катер «Сталь» под градом пуль и снарядов то и дело совершал героические рейсы через реку.

Шли бои, а на Урале из оборудования, привезенного с «Красного Октября», строился новый завод...

17 ноября 1942 года Паруйр Апетнакович Матевосян пришел к секретарю обкома партии прощаться. Главный инженер уезжал на Урал.

— Никуда ты не поедешь,— сказал секретарь.

— Как не поеду? У меня ж предписание!

— Не поедешь! Готовься восстанавливать завод.— И, понизив голос, добавил: — По секрету скажу: на днях жди больших перемен. Тут такое начнется — немец костей не соберет!

19 ноября гром орудий Донского и Юго-Западного фронтов возвестил о начале великого наступления, которое знаменовало собой перелом в войне и начало краха гитлеровской Германии...

А на «Красный Октябрь» вернулись люди.

— Первыми нашими квартирами были блиндажи и дзоты, которые остались на заводской территории после окончания боев,— вспоминает Матевосян.— Этот «жилой фонд» мы кое-как распределили и тут же принялись за восстановление завода. Начали с паровоза. Воду в него наливали ведрами. Топили досками. Когда паровоз дал первый гудок, стихийно собрался митинг. В глазах у людей стояли слезы... И это впрямь было счастьем: нам казалось, что мертвый, разбитый в щебень завод вдруг ожил и уже подал голос...

31 июля 1943 года, в самый разгар битвы под Орлом и Белгородом, «нулик» — мартеновская печь номер нуль — дал первую плавку...

В тот день в гости к заводским пришел бывший обрубщик Петр Гончаров — прославленный снайпер, Герой Советского Союза. Долго, с изумлением смотрел он на ревущую печь. Потом сказал:

— Дайте мне кусок металла. А то приеду в часть, ребята не поверят, что завод уже варит сталь...

Мастер Михаил Васильевич Нагорный отбил от корешка болванки кусочек теплого металла и протянул его снайперу...

С тех пор прошло много лет. Завод поднялся из руин и пепла и стал еще лучше и краше.

И только сохраняемые как реликвия руины заводской лаборатории да памятники над братскими могилами перед входом в центральную проходную напоминают о войне...

Инженер в степи

Рабочий класс — всему голова. Люди с «Красного Октября» раскачивали царский трон, били беляков, громили фрицев, строили и еще раз строили заводы у себя, на Волге, и на Урале. Учили металлургов в Сибири и за рубежом. Синеблузники уходили на профессиональную сцену, активисты пополняли ряды партийных руководителей. А вот инженер Виктор Штепа стал директором совхоза «Волго-Дон». Теперь его забота — хлеб.

Так уж бывало. Иван Иванович Рожков рассказывал, как ему приходилось организовывать в Дубовке сельскую комсомольскую ячейку. Тогда он уже был коммунистом. Мартеновцы послали лучших на коллективизацию. Иван Иванович и запалил в степных селах Поволжья огоньки комсомолии. У него беднота безлошадная училась перепахивать чужие межи, стоять стеной за общий надел, за общий урожай. В него стреляли. В рабочих всегда стреляли, когда они вставали за народное дело.

— Та плавка, я так считаю, была удачная,— рассказывал нам нестареющий металлург.

Случалось, не раз рабочие посылали лучших туда, где было трудно. Инженера Виктора Штепу коммунисты завода послали директором совхоза.

...Ползут по степи пароходы. Низкие самоходки едва видны за облетевшими на ветру топольками. Трехпалубные заметны издалека. Никакого тебе водного простора. Рыжая степь и белизна речных судов. Это степная трасса — Волго-Дон.

И совхоз называется в честь канала. Потому что с каналом сюда пришла жизнь. Пришла вода, пришли деревья, сады, бахчи. На поливных полях поднялись хорошие урожаи. Людей маловато. Ставка на воду и механизацию. Наверное, поэтому и понадобился сюда такой человек, как Штепа.

Теперь совхоз один из лучших в этой хлебной области. Здесь потомственные хлеборобы учатся тому, как переложить груз непроизводительных работ с людских плеч на плечи машин. Сюда зачастили делегации.

Виктор Иванович, конструктор по образованию и организатор по призванию, сделал, чувствуется, очень многое в совхозе. Машины здесь господствуют всюду. Сеялки заправляются механически, на обводнении — насосы, на фермах то и дело слышишь: транспорт, редуктор, электромотор, автокормушки, «елочка», кнопки... Да, кнопка — великая деталь в нынешних буднях совхоза, и в этом заслуга посланца «Красного Октября».

...Золотые руки у кузнеца Александра Синицкого. Он реконструировал «елочку» — автоматическую установку для дойки.

Бывшая Русская деревня. На завод идет смена.

— И о чем говорить,— отмахивается кузнец,— Виктор Иванович надоумил, а по чертежу — всякий мастак... Теперь вот на «карусель» замахнулись. Опять же он, директор наш, в запевалах. Мы, конечно, сделаем, что возможно, нам только мысль подавай да чертежи понятные.

Александр склонился над калькой и ватманом. Виктор Иванович затеял строить птичник — автомат с программным управлением. Дорогу кибернетике!..

Двухэтажные дома, водопровод и, конечно, электричество — таков совхозный поселок.

Но это лишь начало. В совхозе говорят: соседи, мол, завидуют, что у нас заводской культуры директор... Да, многие приезжие этому завидуют. Каждое хозяйство хочет иметь такие скотные дворы, где с помощью десятка кнопок можно управляться со стадом в двести пятьдесят голов. Да ведь пока это все идет от инициативы директора, именно от такого, как В. И. Штепа.

Вы слышали что-нибудь о технологических картах? Впервые они появились в бригаде Героя Социалистического Труда Николая Федоровича Мануковского. Разработка конкретной технологии сельскохозяйственного производства — проблема дня. Технологические карты, умело составленные, заранее расписывают, что, когда и где надо сделать. Они роднят труд на полях и фермах с трудом заводским. Родственное — в дисциплине и культуре производства. Вот почему В. И. Штепа ухватился за эти волшебные карты, и люди ничуть не жалеют. Немало нового и в оплате труда. А ведь в сельском хозяйстве так не хватает ясности именно в этом вопросе! В совхозе «Волго-Дон» принята аккордно-премиальная система.

...По голубому асфальту вдоль канала идут машины с овощами. Это совхозные. Это для Красноoктябрьского района Волгограда. Для рабочего класса. Картофель, лук, морковь. И арбузы. Навстречу им автобус. Среди пассажиров — работники проектного института, специалисты силикатного завода. Шефы совхоза «Волго-Дон». Не забывает город о селе. Рука, протянутая в семнадцатом,— верная рука, надежная.

Человек — должность ответственная

Что это, простое совпадение? Или закономерность, обретшая силу и значение символа? Анатолий Серков и Николай Сидельников пришли на «Красный Октябрь» из одной деревни. Сверстники. Из тех, кто в сорок первом остался дома за старшего. Любили гонять в ночное лошадей — из прошлой жизни это, пожалуй, вспоминается чаще всего... Теперь Анатолий — Герой Социалистического Труда, был депутатом Верховного Совета РСФСР, ныне депутат Волгоградского областного Совета. Николай — лауреат Государственной премии. Мальчишки из донской станицы стали знаменитыми сталеварами. Так что это — совпадение или закономерность?

Им было очень трудно, фабзайчатам сорок шестого. Город лежал в руинах. Завод? Он давал сталь, но его, по существу, еще не было. Когда их привели сюда, они не могли сделать ни шагу: их обступили обрушенные взрывами стены, вокруг грохот, свист, лязг. Из прикрытых печей рвалось жесткое пламя. Раскаленные глыбы пролетали, проползали, кружились совсем рядом. После степного простора с морозным воздухом здесь было трудно дышать.

— Так это же просто погибель... Люди, чай, живьем горят! — проговорил потрясенный Анатолий.

Их было сорок два, все из деревни, они приехали сюда по призыву Ленинского комсомола на восстановление завода.

Из сорока двух остались на заводе шестеро. Не потому, что Анатолий, Николай и четверо других — самые дюжие. Просто сердцем тверже были. И еще любопытство разбирало, как это простые рабочие в брезентовых робах, с небритыми впалыми щеками превращаются в артистов, в силачей и жонглеров, когда они у печи или у прокатных станов. Такими бы стать!

А стать такими было трудно. Хлеба — крохи. В общежитии — лед. Случалось, вытаскивали изза печей умерших от голода...

— Так я, донской казак, лошадь на печь променял,— смеется теперь Анатолий.

Мы всего-то несколько смен встречались с ним, а полюбили сразу и, верно, надолго. Конечно, он скромен, прост, откровенен. Но о нем не скажешь, что он обыкновенный. Именно необыкновенный. Вот в этой своей простоте, скромности. На «Красном Октябре» мало потомственных рабочих: уж очень многие ушли без возврата на фронты гражданской, большинство погибло в дни битвы на Волге... Тысячи, как Анатолий Серков, пришли в разное время на завод из деревни. Но и Анатолий и Николай Сидельников — все эти нынешние, молодые являются потомственными металлургами. В самом высоком смысле этого слова! Они по праву наследуют мастерство, стойкость, революционность от старших поколений.

Отцом Анатолий называет ветерана завода А. Г. Соколкова. И когда сегодня у печи стоит Серков, когда он выступает на сессии облисполкома, когда он учит своих подручных,— это продолжают с прежней молодой силой варить сталь, управлять городом, готовить себе смену Иван Иванович Рожков, Алексей Николаевич Чеканов и старый мастер Александр Григорьевич Соколков.

Анатолий частенько произносит слова: «совесть», «совестливый», «не по совести»... И еще слово «ответственность». Он за все в ответе: за качество новой марки, за время плавки в следующей смене, за поведение безусых на улице и во Дворце техники, за судьбу оступившегося. Он член парткома и член пленума областного комитета партии. Таких людей воспитал завод уже после войны.

— Человек должен быть ответственным работником, хоть какая у него профессия или должность. Сейчас жить без ответственности нельзя,— убежденно толкует Анатолий.— Видеть оболтусов не могу. У нас комбригада, все в люди вышли. Конечно, бывает... Но и повозиться же с человеком надо. Со мной-то сколько мучились! Правда! Другой никого не учит уму-разуму, просто не затрудняет себя. Совести у такого нет, неответственный, значит, он человек!

Помню, Соколков ходил за мной по пятам. А зачем это ему было? Вот то-то. Человек, мастер, большевик, он вперед глядел!..

Далеко глядел рабочий человек, воспитавший, выведший на крутую орбиту коммунистического общежития поколение Серкова, Сидельникова. Каждый из них стал человеком. А человек — должность ответственная.

Главная проба

На заводском дворе — руины. Бывшая лаборатория. На закопченной стене мазутом: «Здесь стояли насмерть таращанцы». Обрушенные стены, скрученные в жгуты балки, лестничная площадка, поросшая бузиной,— это памятник мужеству тех, кто выстоял в дни страшной осады.

Здесь, под стенами старой лаборатории, обернувшейся неприступной крепостью, фашисты взяли пробу нашей стали. Если бы хоть один из тех, кто корежил завод, ушел отсюда живым, он бы рассказал, какой оказалась эта сталь. Всеми своими огневыми точками лаборатория говорила: нержавеющая, без единой раковины, высокой советской закалки.

Рядом с руинами — через пестрые цветочные клумбы — здание новой центральной заводской лаборатории. За красными листьями дикого винограда окно лаборатории металловедения.

Металловеды — люди молодые, очень интересные, по уши влюбленные в металл, в премудрости физики металла. Таинственное варево мартеновских печей для них вовсе не таинственное. Когда-то сталевар то и дело заглядывал в огненный глазок, безброво щурился, разглядывал ход плавки. Теперь сталевары стоят, можно сказать, спиной к печи — следят за приборами. По-прежнему берут пробы на ходу плавки. Но как? Бывало, бежит третий подручный с пышущей жаром ложкой к мастеру. Тот посмотрит, подумает, даст команду... Подручный, ног не чуя, бежит обратно к печи. Пока туда, пока обратно, а процесс-то варки идет на бешеных молекулярных скоростях!.. Теперь команду подают автоматы, мастера их только расшифровывают. И еще неотрывно за сталеварами следит лаборатория. В бой за сталь вступили металловеды, химики, сама электроника и прочие весьма современные науки.

Заведующая лабораторией Анеля Петровна Окенко рассказывает о жизни металла. Это интересно. Но для нас более интересна судьба самой Анели Петровны. Родилась она далеко от Волги, в старой Польше. Запомнилось освобождение Западной Украины. Жизнь небогатой, многодетной семьи складывалась поначалу неплохо. Но потом пришли немцы. Мир рухнул. Надолго. Еще в сорок пятом и несколько лет после победы не давали житья бандиты Бандеры. Отца ее убили националисты.

Трудно было жить, трудно было учиться. И все же Анеля поступила в университет. Мать мечтала: будет врачом; дочь сказала: «Буду физиком».

Когда она приехала после университета на «Красный Октябрь», здесь не знали, куда пристроить такого специалиста. Анеля владела методами проникновения в душу металла, но не знала производства, собственно металлургии. А заводские товарищи знали, очень хорошо знали, как варить металл, но не представляли, как им и где использовать знания молодого физика. Ситуация любопытная и очень характерная для начала пятидесятых годов. Теперь-то Анеля Петровна не одна — она возглавляет лабораторию, а в лаборатории уже две группы специалистов, и нынче производство немыслимо без соучастия в нем молодых металловедов — пятого поколения, как они сами себя называют.

— Чем занимается лаборатория? — спрашивает Анеля Петровна. — Видите излом? Почему излом? Почему излом вязкий или хрупкий? Мировая проблема. Я не надеюсь решить ее полностью, но думаю, что какие-то детали уточнить возможно. А лаборатория наша хорошо оборудована. Да и ребята наши влюблены в электронику, сами многое усовершенствовали... Люблю завод! Огромная возможность для научной работы. Александр Киселев недавно защитил кандидатскую диссертацию по слитку. И я собрала материал для диссертации. Тема? Примерно так: «Природа хрупкости высокохромистых сталей»...

Анеля — аспирант Московского института металлофизики.

— Почему поступила в аспирантуру? Чтобы не отстать от науки. Физика развивается стремительно. Наши стали должны быть хорошими и разными. Это высокая поэзия! На заводе нельзя нынче работать вслепую. Без нас, металловедов, теперь ни одна марка не выпускается.— Анеля смеется.— А ведь еще восемь лет назад здесь не знали, что со мной делать!.. Нас породил металл.

И хочется добавить: революция!

Вот приехала сейчас на побывку к дочери Мария Юзефовна. Приехала из Польши. Привезла приветы от братьев. Дочь рассказывает о своем; мать, раскладывая варенье из лепестков роз,— о своем. У них общий язык. В нем нет больше горестных слов. Они тихо говорят о счастье. В общем, все сложилось хорошо. У Анели — любимая страна, любимый завод, любимая семья. Во имя них она живет с открытым сердцем, очень деятельно и очень радостно. Она каждый день склоняется над узкими полосками рентгенопленки, всматривается в спектры различных веществ, сплавленных в сталь «Красного Октября». Проба за пробой, проба за пробой... Какая из них главная? Анеля отрывает взгляд от окуляров электронного микроскопа, смотрит за окно сквозь рубин виноградных листьев. За багровыми руинами, она знает, течет Волга. Большая, многотрудная. И вечная, как жизнь. За нее нельзя было не драться, как нельзя было не драться за нашу советскую жизнь, за нашу революцию. Анеля знает: главную пробу берет время, быть может, сама История. И нам всем нельзя перед лицом времени, перед лицом Истории выдать плохую плавку.

...За окном кумачовый октябрь. Металловеды склонились над приборами: из мартеновского и прокатного только что пришли новые пробы...

Мустай КАРИМ

ОКТЯБ

В нашей многоликой революции, мне кажется, есть два основных символа: штурм Зимнего и парад, праздничное шествие на Красной площади.

Наступает главнейший из парадов века — Октябрьский. Нынче 45-й. Он проходит по земле поразному. Где-то в джунглях Африки или Азии его обозначает маленький кусок кумача на крыше хижины или обрамленный красной лентой портрет Ильича в жилище бедняка. На окраинах иных далеких городов вырастают, как бойцы, поднимающиеся в атаку, целые леса рук, сжатых в тугой кулак. О, эти трудовые руки, подпирающие небо! На них неслась и несется планета в завидную даль. Они не уронят ее и никому не отдадут.

Все же в сознании человечества этот праздничный главный парад проходит по древней величавой Красной площади города Москвы. Как лик времени, меняется лик парадов. Когда-то, копытами коней высекая искры из кремня, проходили здесь прославленная конница и боевые тачанки. За ними, будто под их прикрытием, тяжелой, но уверенной поступью шел рабочий люд, повторяя свою вековую клятву: «Мы наш, мы новый мир построим...» Тоненькими голосами ему вторили изнуренные годами разрухи дети, пока не познавшие как следует вкус хлеба и сахара: «Кто был никем, тот станет всем...»

Вместе с ними шел план ГОЭЛРО, за ними дымились трубы первых восстановленных заводов, зеленели первые озимые, взошедшие на полях подлинных хозяев земли.

А небо над площадью было тихое и будто безучастное.

Шло время. Мы наш, мы новый мир построили. Уже за Историческим музеем доносился не цокот подков, а грохот могучих гусениц и стук колес тяжелых орудий. Небо бороздили быстроходные для той поры боевые самолеты. Время заставило охранять завоеванное. Как прежде, за боевой техникой, словно мир за войной, шли люди, полные чувства исполненного долга. И лица и одежды их были светлее, ярче. Дети несли цветы. К той вечно молодой песне прибавилась новая: «Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек...»

За колоннами возвышались уже корпуса Магнитки, гиганты Кузбасса, сиял Днепрогэс, простирались бесконечные плодородные поля, от-

МЕСТЬ ФРАНЦА ИОЗЕФА

Г. ГУРКОВ

Прокуратура ФРГ отдала приказ об аресте Рудольфа Аугштейна, издателя журнала «Дер шпигель», и 15 его сотрудников по обвинению в государственной измене.

Из сообщения западногерманского агентства ДПА.

В ночь на 27 октября к зданию, где находится редакция крупнейшего западногерманского политического еженедельника «Дер шпигель», подкатили полицейские машины. Блюстители порядка действовали быстро и четко: опечатали все двери и начали повальный обыск.

В то же самое время, когда в штаб-квартире журнала в Гамбурге проходила эта операция, другие полицейские подразделения обшаривали боннское бюро «Дер шпигель» и дома сотрудников. Арест следовал за арестом. За решетку были посажены издатель журнала Рудольф Аугштейн, ответственные редакторы Клаус Якоби и Иоганнес Энгель. Из Испании пришла телеграмма: франкистская полиция арестовала заместителя ответственного редактора Конрада Алерса, находившегося на отдыхе в Малаге.

Что произошло? В каком преступлении обвиняют боннские власти руководство респектабельного буржуазного журнала?

«ОГОНЕК» СВЯЗАЛСЯ ПО ТЕЛЕФОНУ С ГАМБУРГОМ. Просим соединить нас с номером, который указан в адресном столбце журнала «Дер шпигель». После некоторой заминки западногерманская телефонистка сообщает, что аппарат «испорчен».

— Тогда соедините нас с любым другим номером редакции. Ведь там, надо думать, не один телефонный аппарат?

Проходит несколько минут. Затем в трубке слышится щелчок, и на том конце провода откликается бодрый баритон.

РЬ—КОСМОДРОМ ВЕКА

данные народу навечно; под ногами идущих красовались подземные дворцы метрополитена. Звучала симфония Шостаковича, в руках были книги Маяковского и Шолохова. А в маленьком городе Калуге разрабатывались планы вселенских путешествий.

Был год, когда по Красной площади в этот день прошла сама Священная война — суровая, справедливая, победная. Она прошла здесь по пути на запад и больше не вернулась. Вернулась Победа и низвергнула у подножия Мавзолея кровавые знамена сметенных с лица земли полчищ врага.

Казалось, после этого перед Мавзолеем Ленина люди пронесут только нежные цветы и шелковые знамена, а орудия и танки, бомбардировщики и крейсеры будут собраны в огромный музей в назидание потомству. Добрая и чуть забывчивая Победа принесла было такие простые надежды, которые потом оказались несколько преждевременными, поэтому наивными. Пусть пока эти надежды не сбылись, но они живут в нас и никогда нас не покинут.

Наступает 45-й Октябрь. По площади нашей славы сначала пройдет могучая боевая техника, в которую вложена гневная сила нашего народа и его ненависть и отвращение к войне. Это не парадокс. Разум и руки советского народа создали эту силу не из-за любви к войне, а во имя отрицания и обуздания ее. Представим себе, если бы ее, этой силы, не было, как неистово разгулялась бы уже по земле война, взметнувшаяся из заокеанского и боннского очагов.

Когда над площадью пролетят армады сверхскоростных самолетов, трудно будет слышать биение собственного сердца. Это, пожалуй, не от гула или восхищения. Неминуемы иные ассоциации. Нормальный человек может восхищаться чем угодно, только не оружием. Самое красивое оружие таит в себе смерть. Мы признаем только его необходимость у себя, пока миру угрожает война, жизни человечества — гибель. Мы — наследники всемирного прогресса — в ответе не только за себя, но и за судьбы человечества. Но мы глубоко знаем, что по воле Советского государства, по воле советского народа ни одна боевая ракета не взлетит ввысь, ни один самолет не спикирует даже на малый зеленый кустик в безлюдной степи. Это может совершиться лишь по чужой злой воле, на погибель тому, кто к этому нас вынудит.

Если бы сегодня началось всеобщее разоружение, если бы премьеры и президенты стран пришли к такому бесповоротному решению, то советский народ с легким сердцем тотчас же выбросил бы в море всё накопленное в боевых полигонах. Тогда мы в день Октября прошли бы по Красной площади, устланной коврами и осенними розами из наших южных садов. Советские люди это заслужили.

Оно непременно так и будет. Ибо, получив в наследство творения человеческих мускулов и человеческого гения, мы не были иждивенцами у истории. Она должна быть благодарна нам за свою судьбу, увенчанную вторым рождением. Октябрь поистине явился космодромом новой эры. Крут и труден был путь от первых субботников до космических полетов. Он не только по масштабам содеянного, но и по масштабам вложенного титанического труда и мысли народа равен векам.

И вот партия коммунистов вывела наш корабль, на борту которого написаны святые слова ее Программы: Мир, Труд, Свобода, Равенство, Братство, Счастье всех народов,— на орбиту коммунизма. С этой орбиты его никому никогда не сбить. Не сбить потому, что земля правильно вертится.

Мы на орбите. Говоря «мы», советские люди всегда подразумевают всех тех, кто был, есть и будет с нами. Наша сила и счастье в том, что в беде и радости мы имеем опору и поддержку всего трудового мира, в первую очередь коммунистов, кому присуще самое высокое братство. Не об этом ли говорит высеченное на Кремлевской стене имя пламенного американца Джона Рида?

Нас теперь полмира. Растущая половина. Время идет к полнолунию. Над континентами постепенно, неумолимо уходят тени, как уходят над весенней степью тени от облаков, гонимых ветром. Ветер эпохи отгоняет их. Помню разговор в августовский вечер у гостиницы «Москва» с черным высоким человеком средних лет, гостем из далекой Африки. В те дни двое сыновей советской земли были в космосе.

— Опять наши там,— показал он в небо.— О, там звезд много, всем хватит!

Страна коммунизма для миллионов и миллионов людей земли стала нашей, родиной осуществленной мечты. Поэтому мир внемлет той величавой музыке жизни, под которую продолжается наш парад. Нынче — 45-й.

Кого спросить? Все руководство журнала арестовано. Попросим ответить на наши вопросы кого-нибудь из оставшихся пока на свободе... Может быть, нам ответит сам баритон?

Мы спрашиваем, кто у аппарата.

— Один момент, я вам кого-нибудь позову. Я сам здесь не работаю...

Так, вопросов больше нет...

Снова ждем. В трубке слышится возбужденный женский голос. Кого-то разыскивают, кому-то звонят по другому телефону. Наконец, к аппарату подходит заместитель директора издательства д-р Томас Маркотти.

— Герр доктор, с вами говорят из редакции журнала «Огонек», из Москвы.

— Откуда?!

Мы повторяем. И задаем вопрос:

— Расскажите, пожалуйста, что там у вас происходит?

Герр Маркотти отвечает:

— В настоящий момент полицейские в штатском и в форме обыскивают редакцию. Осматривают помещение, шкафы и столы сотрудников. Произведены аресты.

И вдруг вне всякой связи с тем, что говорилось:

— Полицейские ведут себя вежливо и предупредительно, стараясь причинить нам наименьший вред.

Понятно. Баритон или его коллеги, по-видимому, находятся в комнате.

— В чем обвиняют журнал?

— Приказ об обыске и об арестах отдан федеральной прокуратурой по подозрению в государственной измене.

— Что вы лично думаете об этом обвинении?

— Оно ни в малейшей степени не обосновано.

— Что пишет пресса ФРГ в связи с налетом на редакцию «Дер шпигель»?

— Об этом пишут очень много. Можно сказать, общая реакция — в поддержку нашего журнала. Я не видел ни одной газеты, которая одобрила бы меры, принятые против нас.

— Позвольте задать вам еще один вопрос. Как, на ваш взгляд, следует расценивать действия полиции, которая произвела налет на редакцию журнала, не имея никаких причин и оснований для этого? Как это вяжется со свободой слова, с демократическим правопорядком?

— Спросите об этом господина федерального прокурора,— с мрачным юмором советует д-р Маркотти.

Мы так и поступили.

ТЕЛЕФОНИСТКА СОЕДИНЯЕТ «ОГОНЕК» С ФЕДЕРАЛЬНОЙ ПРОКУРАТУРОЙ В КАРЛСРУЭ. Один аппарат, второй, третий... Из Москвы? Извините, герр прокурор занят... Его заместитель? Один момент... Он куда-то вышел... И так далее.

Наконец, продемонстрировав незаурядное личное мужество, к аппарату подошел начальник отдела прессы федеральной прокуратуры г-н Берард.

Мы спрашиваем, чем были вызваны полицейские меры против редакции журнала «Дер шпигель».

— Не полицейские, а юридические,— поправляет нас чиновник и зачитывает текст соответствующего параграфа Уголовного кодекса. Потом еще одного параграфа, и еще...

Слышимость неважная, герр Берард к тому же на особый лад жует каждое слово, и то, что он отрывисто выплевывает в трубку, разобрать трудно.

После вмешательства телефонистки слышимость становится лучше, но дополнительной вразумительности речам пресс-шефа федеральной прокуратуры это, увы, не придает. Параграфы, параграфы...

— Скажите, герр Берард, считает ли федеральная прокуратура достаточным основанием для обысков и арестов только то, что на страницах печатного органа появился материал, направленность которого расходится с курсом официальной политики?

— Я не уполномочен комментировать решение герра федерального прокурора,— отвечает наш собеседник.

— А как реагирует прокуратура на протесты общественности и печати против полицейского... извините, против «юридического» произвола в отношении журнала «Дер шпигель»?

— Никаких дополнительных комментариев не будет...

Щелчок: трубка положена.

— Вы закончили? — щебечет телефонистка.

Нет, мы не закончили!

Нам понятна лаконичность высказываний и сдержанность оценок герра Маркотти: еще бы, он разговаривал с «самой Москвой»! Стоит сказать лишнее слово, и «Огоньку», если бы он захотел еще раз позвонить в Гамбург, пришлось бы искать другого собеседника. Должно быть, у заместителя директора издательства не было ни малейшего желания присоединиться к своему шефу и пятнадцати сотрудникам...

Понятно нам и односложное мычание в трубку представителя федеральной прокуратуры: что можно сказать, когда никакими параграфами не удается обосновать грубый произвол!

Но какие все же силы привели в действие боннскую Фемиду, обрушившуюся на журнал «Дер шпигель»?

В нескольких номерах «Дер шпигель» опубликовал материалы, разоблачающие грязные махинации всемогущего боннского министра обороны Франца Йозефа Штрауса. Эти материалы вызвали поток писем. Многие и многие читатели требовали убрать с политической арены этого более чем нечистоплотного деятеля. Официальный Бонн стеной встал за Штрауса, на откровенно жульнические проделки закрыли глаза, и даже нашумевшая «афера ФИБАГ» (о ней «Огонек» рассказывал в № 38 за этот год) закончилась для герра министра сравнительно безболезненно. Однако мстительный Франц Йозеф затаил, как говорится, «некоторую грубость».

«В средние века вы давно уже стали бы жертвой инквизиции и были бы сожжены на костре»,— писал в редакцию «Дер шпигель» один из читателей после опубликования статей о Штраусе. Костры пока еще не в моде в Западной Германии. Герр министр вынужден довольствоваться тем, что сумел упрятать строптивых журналистов за решетку...

«Дер шпигель» по-немецки означает зеркало. Что ж, на этот раз в гамбургском «зеркале» ясно и точно отразился процесс политического развития, который происходит ныне в Западной Германии.

Мрачный процесс! И очень уж напоминающий времена, когда коричневая чума неистовствовала в Германии. При Гитлере тоже начиналось с арестов, обысков и погромов. Потом были Лидице, Ковентри, Бухенвальд.

И Нюрнберг.

МОЙ СЕМЕЙНЫЙ АЛЬБОМ

Андре ВЮРМСЕР

Вы спрашиваете меня, каким я вижу моего современника, советского человека? Это очень просто!

Я закрываю глаза, и я вижу. Вижу их, моих современников, хотя не все из них мои ровесники. Я не могу про них сказать, что они люди той же эпохи, что и я. Они люди одной из тех эпох, которые мне довелось пережить.

Первый, кто возникает перед моим мысленным взором,— это здоровенный детина-латыш, который был и моложе и старше меня: он родился позже меня, а стал коммунистом раньше. Он был моим спутником на улицах морозной Москвы зимой тридцать четвертого года, когда я открывал Советский Союз. Высокого роста, блондин, веселый, терпеливый, с карманами, полными леденцов. Он был великолепен, леденцы — отвратительны. Он не знал ни слова по-французски, а я по-русски. Мы говорили на какой-то англо-немецкой тарабарщине. Иногда у нас даже появлялось впечатление, что мы понимаем друг друга. Время от времени мы останавливались посреди заснеженной улицы и разражались хохотом. 31 декабря он меня привел в латышский клуб. Существовал тогда в Москве такой клуб патриотов в изгнании. Со мной были очень предупредительны. Из многих бумажников появились дореволюционные билеты большевистской партии. На сцене играли латышскую классику. В полночь я обнимал всех латышей. Как я был взволнован этим братством! То же чувство я испытал недавно, спустя почти тридцать лет, когда меня окружили и засыпали вопросами журналисты из сочинской газеты «Красное знамя» и ереванского «Коммуниста». Каждый раз, когда я думаю о своих товарищах, не только о советских, но о них особенно, у меня возникает желание сказать: спасибо, спасибо... Но кем же ты стал, товарищ? Преодолел ли ты все испытания? Стал ли ты одним из руководителей твоей партии? Ты, наверное, сейчас тоже дедушка? Я никогда больше тебя не видел и никогда не забывал, дорогой мой советский современник зимы 1934-го.

Я закрываю глаза и вижу, как теребит свои медали украинская депутатка, сборщица свеклы, которая всем рассказывала об охватившем ее страхе, когда ей впервые пришлось выступать публично.

Я вспоминаю председателя рыболовного колхоза на Байкале. Он хотел изучать историю и читал по вечерам книги о Талейране. Но колхозники не хотели, чтобы он занимался историей: «Кто же тогда будет руководить колхозом?» Может быть, он стал учиться в университете?

Я вспоминаю секретаря горкома партии в городе, который был моложе его самого,— в Ангарске. Он стучал кулаком по столу, говоря, что он не дожидался XX съезда, чтобы утверждать, что французский народ пойдет к социализму своим путем.

И, конечно, я снова вижу немного грустную и насмешливую улыбку моего друга Ильи Эренбурга.

Я снова вижу инженера, который занимался строительством гидростанций еще в более далекое время, чем год моего первого приезда в Москву. В свои молодые годы этот человек каким-то чудом мог строить крошечные сооружения. Сегодня он возводит крупнейшие в мире плотины, и это теперь не чудо.

Я вижу секретаря партийной организации текстильного комбината в Ташкенте, более молодого, чем мой сын; я снова вижу старого большевика с завода имени Куйбышева в Иркутске, который годится мне в отцы; я снова вижу библиотекаршу в розовом платье с оборками из агротехнической школы в Верховине. В танцевальном зале замка мадам Ганской (в этом замке Бальзак прожил большую часть из трех последних лет своей жизни) она благодарила Натана Рыбака за то, что он помог ей понять французского романиста. Я снова вижу главного редактора журнала — узбека из Ферганы, такого забавного, что я начинаю смеяться, как только его вспоминаю; и педагога, который рассказывал о детях в осажденном Ленинграде, и, вспоминая об этом, я снова чувствую подступившие к глазам слезы...

Эти образы моих советских современников — рабочего, крестьянина, писателя, инженера, председателя колхоза, партийного работника, белых, смуглых, желтых, молодых, зрелых, старых, мужчин, женщин, девушек — сохранились в моей памяти и в моем сердце потому, что у всех у них есть нечто общее. Это не выдающиеся личности, не высшие существа, просто все они люди доброй воли, которые — как и я, честное слово! — принимают всерьез жизнь, солидарность со своими современниками, свое будущее.

Вовсе не значит, черт возьми, будто я наивно считаю, что Советский Союз населен одними положительными героями. К тому же если все будут положительными героями, то вообще не будет положительного героя. И потом, тот, кто положителен, совсем не герой, он просто человек, гражданин, тот, кто сейчас проходит под вашими окнами и кого не было бы, если бы Октябрь не был Октябрем.

И наконец: те, кого я вижу мысленным взором, для меня — представители своей страны, своего времени и подтверждение моей уверенности. Уверенности в том, что именно мы, люди доброй воли, скоро будем править миром, чтобы этот мир рождал только людей доброй воли.

Это произойдет скоро, гораздо раньше, чем наступит второе сорокапятилетие Октябрьской революции.

ЗНАМЯ КУБЫ НА «АВРОРЕ»

Государственный флаг Кубинской республики, преподнесенный в дар крейсеру революции.

Президент Республики Куба Освальдо Дортикос Торрадо на крейсере «Аврора».
Фото Н. Ананьева.

...Старые путиловцы, участники Великого Октября, посетили на днях легендарный крейсер «Аврора». Они задержались у знамени: на широких — черной и красной — полосах большие белоснежные цифры: «26». Это революционное знамя преподнесла в дар «Авроре» кубинская правительственная делегация.

Ветеран Октябрьской революции Николай Васильевич Кукушкин, глядя на портрет Кастро, подаренный авроровцам кубинскими журналистами, говорит:

— Какую смелую, пламенную речь произнес Фидель! Нет, никакими провокациями не запугают американцы народ Кубы.

А вот еще одна интересная фотография: президент Республики Куба Освальдо Дортикос Торрадо на борту «Авроры».

— Это было в сентябре 1961 года,— вспоминает офицер Борис Васильевич Бурковский.— Президент Кубы живо интересовался историей «Авроры», восхищался героическим подвигом матросов Балтики в дни Октябрьской революции.

Рядом с этой редкой фотографией — новенькое разноцветное полотнище. В левом углу на красном фоне — белая пятиконечная звезда. Это Государственный флаг Кубинской республики, преподнесенный кораблю революции кубинской правительственной делегацией.

У развернутого флага путиловцы ведут оживленный разговор.

— Нелегко сейчас кубинцам,— говорит участник Октябрьской революции В. В. Васильев.— Но нам еще трудней приходилось: мы-то были одни. А с Кубой — все честные люди мира. Куба непобедима!

К. ЧЕРЕВКОВ

С новыми надеждами

Корреспондент журнала «Огонек» А. Сербин связался по телефону с Бертраном Расселом и попросил его высказать свое мнение о мирной инициативе главы Советского правительства Н. С. Хрущева и надеждах на будущее. Английский общественный деятель сказал:

— В том кризисе, который потряс мир, премьер Хрущев действовал с огромным мужеством и большой человечностью. В результате на земле создана благоприятная атмосфера для решения международных проблем. Мне хотелось бы, чтобы вопросы, которые волнуют мир — разоружение и берлинская проблема,— были решены в пользу человечества. Очень надеюсь, что более дружественная атмосфера будет способствовать этому. Желаю, чтобы обе стороны проявили для этого добрую волю.

Москва, 18 августа 1962 года. На трибуне Мавзолея В. И. Ленина Н. С. Хрущев и космонавты Г. С. Титов, Ю. А. Гагарин, А. Г. Николаев, П. Р. Попович с дочкой Наташей.

Фото Л. БОРОДУЛИНА и Ю. КРИВОНОСОВА.

Эти снимки сделаны А. Г. Николаевым и П. Р. Поповичем во время их группового космического полета.

Первые минуты после приземления космонавта А. Г. Николаева.

Фото АПН.

СОЛЬ И СПИЧКИ

Галина ШЕРГОВА

Я представляла себе это так: остроплечие скалы топорщатся к небу, и, точно мятые рваные полотнища, развешанные для просушки под горными ветрами, свисают с каменных плеч снега. И беспомощная горстка людей плетется от уступа к уступу.

Или так: госпитальной белизны снежная пустыня обступила человека. У нее ни начала, ни конца. И ни начала, ни конца человеческому пути, и кажется, только одно чувство владеет идущим — безысходность. И вдруг за скалой или на краю снежной целины встречает путника хижина, не отмеченная на карте. И он идет к ней сквозь огромные хлопья снега, похожие на пух гигантской гагары, он идет уже торопливо, открывает дверь... А там сложены в поленницу дрова, спички и соль аккуратно завернуты в тряпицу кем-то неизвестным, кто ушел, не назвав своего имени, думая о тех, кто придет когда-нибудь.

Мне представлялось это сотни раз, и в зависимости от того, было ли это в детстве, юности или когда пришла зрелость, история меняла образы и подробности. Но неизменные соль и спички, оставленные неизвестным для неизвестного, занимали всегда мое воображение. И я всегда хотела узнать: какие они — ушедший и идущий? Неожиданно я узнала их.

В этом году, в канун первомайского праздника, Всесоюзное радио обратилось ко всем слушателям с предложением прислать праздничные поздравления людям, которые оставили в жизни того или иного человека добрый след. Приветствия, было сказано, будут переданы с Красной площади во время первомайской демонстрации. Пришли тысячи писем. Часть из них была отдана нам, журналистам, ведшим репортаж с Красной площади. Разумеется, мы смогли рассказать лишь о сотой доле этих удивительных документов человеческой доброжелательности и тепла. Праздник прошел, и, казалось, к письмам незачем было возвращаться.

Но вот недавно я вытащила эти пухлые папки с листками, исписанными разными почерками, по-школьному старательными и старчески неуверенными, напечатанными строгим шрифтом печатных машинок и испещренные карандашными каракулями. Я стала перечитывать письма, и снова мне вдруг представился человек, идущий в снегах, и хижина, ожидающая его, где люди одарили путника своим участием и заботой.

Наверное, жизнь каждого из нас похожа на особую, незримую карту, координатами на которой стали события, пересекшие наше бытие. И на хитросплетениях жизненных путей разбросаны, наверное, маленькие флажки, отметившие встречи с людьми, сделавшими тебе добро, поделившимися душевной теплотой. Годы не стирают этих вех — пусть новые меридианы и параллели больших и малых событий испещряют карту твоей жизни.

Я хочу рассказать о таких флажках, хочу рассказать несколько историй, которые прочла в письмах неизвестных мне людей.

* * *

«Это было двадцать лет назад. Меня, шестнадцатилетнюю девчонку, война забросила в город Вольск на Поволжье. Немцы оккупировали родной город на Брянщине, расстреляли моего отца, старого учителя, сожгли дом, где прошло детство. Куда эвакуировалась мама с младшими сестренками, я тоже не знала. В ту первую военную зиму я казалась себе беззащитной песчинкой в каком-то страшном водовороте: было голодно, холодно и очень страшно...»

На конверте стоял адрес: Москва, Ломоносовский проспект, Валентина Черникова (Жехова). Номер телефона.

Я могу набрать этот номер и попросить к телефону женщину, живущую в новом доме, на новом проспекте, женщину с новой фамилией. Но я уже не могу вызвать ту бесприютную девчонку военных лет. У той нет телефона и крыши над головой. И, может быть, оттого я так отчетливо представляю ее отчаяние: ей некуда было позвонить, чтобы позвать на помощь трех братьев, сражавшихся где-то за тридевять земель. И тогда она написала им через радио. Но мертвые не слышат даже радиопозывных: двух братьев уже не было в живых. Третий — летчик — был на задании. Он тоже не услышал ее.

И все-таки ответы пришли. Пришли десятки писем. Девчонке ответили моряки 1001-й полевой почты. Они стали ее названными братьями. «Письма приходили в самодельных конвертах, свернутые треугольником. Иногда они были написаны на бланке с рисунком корабля и призывной надписью:

Чтобы в бою обеспечить
победу,
Держи наготове снаряд
и торпеду.

Моряки писали о своих боевых успехах, требовали отчета о моих делах, подбадривали, успокаивали, журили...

Я и сейчас храню эти пожелтевшие от времени, но овеянные дыханием жизни письма. Это была моя вера, моя надежда».

Прошло двадцать лет, и женщина, живущая в новом доме, на новом проспекте, женщина с новой фамилией шлет привет от имени той затерянной в просторах войны девочки людям, избавившим ее от одиночества. И новая женщина называет по-старому моряков 1001-й полевой почты: братишки.

Да, столько лет прошло, а я тоже до сих пор вижу девчонок военной поры в старых материнских платках, крест-накрест перехвативших солдатские ватники. Я вижу девочку на станции Ляки, замерзшую у железнодорожного полотна. Точно разминая на ходу застоявшиеся железные суставы, грохочет мимо нее воинский эшелон, и девочка машет и машет дырявой варежкой... Вот какой-то солдат высунулся из теплушки и, улыбнувшись ей, бросил зеленый карандаш. Бросил и крикнул: «На школьное счастье, дочка!»

И долгими вечерами пульсирует в висках девчонки перестук колес, и она, слюнявя карандаш, выводит цифры в самодельной тетради, веря, что зеленый карандаш принесет ей это счастье.

Она тоже пришла ко мне из письма. Пришла и рассказала, как годами хранила зеленый огрызок, так странно подаренный ей в пору, когда думалось, что уже не до учебы в многодетной семье.

Я вижу холодную комнатенку в Вятских Полянах и другую девчонку. Она мотается из угла в угол, прижав к груди изъеденные голодными нарывами руки. А потом входит в комнатушку раненый боец и, вытащив из-за пазухи бутылку с сахарным песком, будто невзначай забывает ее на столе. А девочка знает, что чужой этот человек — Денис Павлович Наталич, из соседнего госпиталя,— неделю ссыпал в бутылку свой госпитальный паек, что сейчас он начнет удивительные рассказы, и когда она заслушается, будет бинтовать ей руки, усыпляя сказками боль.

Много лет прошло, а женщина — Лидия Умовист, пеленая собственных детей, смотрит на синие пятна на своих руках и снова вспоминает все... Наталич поправился тогда и уехал на фронт.

«Дядя Дима писал нам письма и просил мать не обижать меня, в каждом письме он просил ее об этом.

Однажды я потеряла хлебные карточки за целый месяц. Меня мать порола страшно, и действительно, мы попали в жуткое положение. Я в тот же день написала дяде Диме, и он нам помог из солдатской зарплаты. Он на что-то копил деньги, но тут же выслал их нам — всю тысячу рублей. Ну как же мне забыть такого человека, который в трудную минуту протянул руку помощи?» — читаю я торопливые строчки и понимаю, почему многие годы ищет девочка с забинтованными руками человека, входившего в комнатушку в Вятских Полянах.

Через время, через толчею событий и лиц несешь ты благодарность людям, одарившим тебя участием. Но бывает, что мелькание лиц и перекличка земных звуков оставляют человека, отдав его в безраздельное владение воспоминаний. Так случилось с А. Чураковым из города Игреня, бывшим танкистом, раненным под Кенигсбергом.

«Девяносто дней я был без сознания и не знаю, кто из врачей боролся за мою жизнь.

Мои документы или сгорели, или были утеряны, а поэтому на папке истории болезни было написано только: «Танкист». Под этой «фамилией» меня перевозили из госпиталя в госпиталь. А в сознание я пришел в санитарном поезде, который вез меня в глубь тыла (в Чкалов); после последней операции на голове я стал поправляться.

Глаза мои вытекли, слух утерян, а осколки так и не были удалены. Таким я остался жить. И как бы эта жизнь ни была трудна и мучительна, все же она хороша, и мне хочется жить.

Живя во мраке и в глухоте, я вспоминаю белый свет, зелень, воду, дающую красоту природе, и всегда остаюсь благодарным всем медицинским работникам, которые вырвали меня из лап смерти и, можно сказать, заставили еще пожить.

Вернувшись к жизни, я больше не мог работать учителем. Но, желая и впредь быть полезным, я написал детскую книгу. Она уже читается, теперь я пишу вторую. И за эту единственно оставшуюся мне радость труда я также бесконечно благодарен врачам. Имен их я не знаю, но если кто из них жив и помнит пациента под именем «Танкист», я прошу принять мой низкий поклон и сердечную, искреннюю благодарность».

И каждый, кто прочтет эти строки, увидит негасимый свет человеческой души, зажженный во мраке и неподвижности тишины неизвестными для неизвестного, упрямый свет костра в хижине на краю холодной пустыни.

По-разному входят в нашу жизнь эти незнакомые вчера люди. А сегодня, часто произнося само слово «жизнь», мы хотим назвать его именем этого незнакомца, ибо, случается, ему и обязаны мы тем, что живем, дышим, любим и ненавидим.

Где-то в городе Коврове живет человек — Иван Павлович Абросимов. И жизнь его, может, самая обычная: утром идет на работу в свой Дом культуры, сидит за графиками работы кружков художественной самодеятельности, ссорится с киномехаником, организует «мероприятия» и вечерами, усталый и чуть безразличный, смотрит из дверного проема, как молоденький токарь отплясывает с суровой блондинкой модный танец «липси». А за полночь, придя домой, лежит с открытыми глазами и думает о том, что это чередование дней, и графиков, и фильмов прекрасно. И «липси» — отличный танец. И что он ведь мог ничего этого не увидеть, если бы в тот день августа 1941 года его, плетущегося в колонне

военнопленных, не оттеснила в толпу горожан какая-то женщина. И снова и снова вроде сидит он у нее в избе, она вытирает слезы и твердит: «У самой трое на фронте. Разве я не понимаю...» А когда он спрашивает: «А если узнают, что вы помогли побегу, что будет?»,— женщина безучастно ведет плечом: «Что будет? Расстреляют...»

И вот он снова идет в Дом культуры, ссорится с киномехаником, и пары кружатся упоенно перед ним, радуясь жизни. А он даже не знает, как зовут ту, что подарила ему жизнь.

Я перебираю листки, и то и дело настойчивым повтором, как страстный призыв морзянки, бьются в письмах слова: «Мой учитель». Человек, стоящий у истоков самостоятельного бытия, открывший в премудростях азбуки необъятность мира и давший плоть словам: долг, человеческое достоинство, верность, правда.

Недолгой зеленью горит ненецкая тундра, и любопытными стеклянными глазами смотрит на короткий век полярных цветов домик правления оленеводческого колхоза «Путь Ильича». Сюда приходят люди, и когда бы ни зашли они — найдут парторга колхоза Надежду Федоровну Ардееву. Здесь или на оленьих выпасах. Найдут в любое время, может, оттого, что полярный день не знает сумерек, а может, потому, что рабочий день парторга не стиснут рамками служебного времени. А может, дело тут в том, что Надежда Федоровна давно привыкла чувствовать себя нужной людям.

Ведь она была с теми первыми ненецкими ребятишками, кто пришел из чумов в первую школу-интернат. И там с первыми русскими словами и первыми буквами она познала первые навыки новой, непривычной жизни—первые стежки на первом матерчатом платье, первую зубную щетку и первую таблетку аспирина. Тогда и пришло чувство нужности людям. «В те годы, кроме нас, первых выпускников школы, не было среди оленеводов-ненцев грамотных людей, поэтому все возлагалось на нас. Как сейчас помню, как будто это было вчера. Кому письмо написать детям в школу, кому весточку сынку-солдату, кому справку, заявление... А когда напишешь, поможешь, от тебя люди уходят счастливыми и засыпают тебя благодарностями...» А она всякий раз повторяла про себя: «Это их благодарить нужно — учителей моих и воспитателей: Николая Степановича Карпова, Анатолия Петровича Анашкина, Марию Павловну Карпову». Они научили ее не только буквам, они вдохнули тепло и мудрость в те слова, которые пишет она в письмах матерей, в наставлениях отцов. И люди эти остались для ненецкой девочки вечным примером для подражания, героями, каких не создала даже познанная ею литература.

...Я читаю и читаю, а письмам нет конца. Значит, нет конца добру на земле. И я думаю о том, что мне, пожалуй, больше всего хотелось бы не славы, не всенародного признания, о которых мы мечтаем в юности.

Мне хотелось бы стать маленьким флажком на чьей-то жизненной карте. Флажком, отметившим мои соль и спички.

Ева ПРИСТЕР

ДЕКАБРЬСКОЙ

Вас вызывает Москва,— сказала телефонистка.

Звонок из редакции «Огонька». Нужна статья. Тема: «Мой советский современник». «Расскажите о своей встрече с советским человеком, о встрече, которая была для вас особенно значительной и памятной»,— слышу я голос товарища из Москвы.

Разговор окончен. Через открытое окно в комнату врываются пронзительный визг трамвая, шуршание автомобильных колес по асфальту, бесконечные приливы и отливы венского городского движения.

Встреча с советским человеком? Их было много, и всегда это были встречи с друзьями.

Но какая из них оставила наибольшее впечатление?

Венское осеннее солнце врывается через окно. Но у меня перед глазами слабый желтый свет электрической лампочки, она мигает, потому что напряжение слабеет, я вижу оконное стекло, на котором мороз нарисовал толстые снежные ветки, я вижу серо-коричневую шинель и юное лицо с темными тенями под глазами. Эту встречу я никогда не забуду. Может быть, она определила всю мою дальнейшую жизнь. Но прежде чем начать, я хотела бы сказать два слова о себе.

Я австрийка, но я родилась в городе, который сегодня называется Ленинградом, а тогда носил имя Петроград. В 1918 году, когда я была еще ребенком, мои родители эмигрировали из страны, только что провозгласившей всему миру рождение новой эпохи. Почему уехали мои родители, этого я никогда не могла понять, и позднее они сами не вполне понимали это, потому что они были людьми, которые всегда работали и хотели только одного: иметь возможность работать. То, что гнало их, было страхом перед неопределенным будущим, перед голодом и гражданской войной, перед слухами, которые приносили соседки, перед мрачными пророчествами родных и знакомых. Позже они глубоко сожалели о принятом в панике решении, разрушившем их жизнь.

Но в ту декабрьскую ночь 1917 года я еще лежала в постели в детской комнате старого петроградского дома, и меня разбудили голоса перед дверью. Я слышала, как моя мать взволнованно, почти со слезами, говорила: «Здесь только детская комната! Малышка спит, она проснется, испугается до смерти, и в конце концов у нее будет обморок». И я слышала другой голос, голос усталый, терпеливый, как будто человек в сотый раз повторял одно и то же: «Гражданка, мы должны осмотреть все комнаты. Мы ничего не сделаем ребенку. У нас у самих дети».

Дверь отворилась. Я увидела свою мать, бледную, растерянную, а рядом с нею двух мужчин. На них были грязные серо-коричневые шинели, зеленые форменные штаны. Хотя на улице стоял сильный мороз, один был в башмаках, перетянутых веревками и тряпками, вероятно, для того, чтобы они не развалились. Второй носил дырявые валенки. У старшего на плече висела винтовка дулом вниз, второй был вооружен огромным пистолетом в деревянной кобуре. У обоих были красные повязки на рукаве. Это значило, что они из молодой Красной гвардии, которая проводила в те дни обыски в квартирах богатых кварталов города, разыскивая припрятанную муку, сахар, консервы; спекулянты зарабатывали фантастические суммы на голоде сражавшегося Петрограда.

— Но я же говорю вам, что у нас ничего нет,— вновь услышала я голос матери.

— Я верю, гражданка,— повторил старший красногвардеец,— но мы должны все осмотреть.

Они принялись открывать ящики и заглядывать под мебель. При этом они несколько озабоченно косились на меня, по всей вероятности, с тревогой ожидая, что я буду плакать или в самом деле упаду в обморок. Мать тоже смотрела на меня и была, как мне показалось, несколько разочарована тем, что я не проявляла ни малейших признаков страха. Напротив, все происходившее я находила весьма интересным.

Когда обыск был закончен, моя мать и старший красногвардеец покинули комнату. Младший, обменявшись с ним несколькими вполголоса сказанными словами, остался: из моей комнаты он мог наблюдать переднюю и все ведущие в нее двери.

Он был очень молод, лет восемнадцати, или, может, девятнадцати. Лицо его, прежде, вероятно, веселое и круглое, с курносым носом, широким лбом, толстыми добродушными губами, сейчас было серым и вытянувшимся. Он стоял в дверях и смотрел на меня чуть боязливо, не исключая возможности «обморока», о котором столько говорили...

Мне всегда объясняли, что «маленькая дама» должна развлекать гостей беседой, чтобы они не чувствовали себя скованно. Поэтому я вежливо спросила:

— Что вы делаете ночью в чужих домах? Вы грабители?

Он покраснел.

— Это глупости, что ты говоришь,— строго возразил он.— Мы ищем склады продовольствия, спрятанные, понимаешь ты?

— А зачем это вам нужно?

Он сказал:

— Потому что есть люди, у которых деньги, и они тайно скупают все продовольствие, так что другим не остается ничего. И тогда у детей нет даже каши, и люди не могут сварить себе даже супа, а если они голодают все больше и больше и видят, как голодают их дети, тогда они отдают тем, кто спрятал продовольствие, все, что

С днем рождения!

Н. И. Курочкин

Звездам Московского Кремля исполнилось двадцать пять лет. Конечно, по сравнению с седым Кремлем звезды очень молоды, однако и они имеют свою историю. Итак,

НЕМНОГО ИСТОРИИ

Передо мной пожелтевшая фотография, сделанная летом 1935 года. Растопырив хищные клювы, растопырив когти над узорчатыми шатрами кремлевских башен, раскинули крылья двуглавые орлы — последняя фотография, запечатлевшая кремлевские башни в таком виде. Осенью этого же года по решению Советского правительства орлы были сняты и установлены пятиконечные звезды. Это были не те звезды, которые мы видим сегодня. Отлитые из металла, они освещались светом направленных на них прожекторов. В середине каждой звезды сверкали выложенные из драгоценных камней серп и молот. (Одна из этих звезд «жива» и поныне, венчает шпиль Речного вокзала в Химках.)

А в день двадцатилетия Велико-

имеют, за горстку муки. Они продают свою обувь и свои пальто и в мороз оказываются раздетыми и разутыми, понимаешь ты, потому что голод — это самое страшное.

Я посмотрела на его разорванные валенки и подумала, что свои собственные ботинки он уже наверняка продал. Вслух я сказала:

— Тогда заберите у тех людей муку.

Он громко рассмеялся и стал еще моложе.

— Именно это мы и делаем.

Затем его лицо снова сделалось серьезным, и он сказал тихо:

— Они хотят голодом заставить нас сдаться. Но мы...

Я не понимала ни слова из того, что он говорил. Но все же предложила:

— Возьмите меня с собой, когда вы пойдете отбирать муку. Это, наверное, очень весело.

НОЧЬЮ

— Что ты говоришь! — сердито сказал он.— Это дело не для детей. Ты должна еще вырасти. И учиться. Учиться — это самое главное. Ты ходишь в школу?

— Еще нет,— сказала я, обиженная тем, что он переменил тему.— Но я уже знаю несколько букв, мне показал их отец... Так вы в самом деле не хотите взять меня с собой?

Он промолчал.

— Я знаю, вы — красногвардейцы (в то время даже дети знали, что означают красные повязки и оружие в руках). Мой дядя говорит: все красногвардейцы — разбойники. Я очень хочу стать разбойницей. Моя мама читала мне об одном разбойнике, он жил в лесу и не должен был в восемь идти в кровать.

Мой собеседник, очевидно, решил не дискутировать на эту тему. Он просто сказал:

— Ну, ладно, ты лучше учись. И будь довольна, что можешь учиться.

Я ничего не сказала. Он некоторое время переминался с ноги на ногу. Молчание становилось гнетущим. И он снова спросил:

— А во что ты играешь? Играешь (он на мгновение задумался)... играешь в лапту?

— Девочки не играют в лапту,— надувшись, ответила я.— Это для мальчишек.

Он сказал смущенно:

— Ах, так...

Снова молчание. Красногвардеец вертел головой, не зная, о чем еще меня спросить. Внезапно в его глазах блеснула искорка. В углу комнаты он увидел игрушечную железную дорогу.

— Это твоя? — спросил он.

Я решила, что не имеет смысла продолжать дуться, и кивнула головой.

— Да, моя. Но она не работает. Она сломалась.

Он еще раз взглянул на железную дорогу, сделал шаг по направлению к ней, помедлил, потом сделал еще шаг.

— Знаешь,— сказал он,— я могу попробовать ее починить. Может, она не совсем сломана, а?

И прибавил: — Я ведь раньше хотел стать механиком. Но вот война...

Так как я не возражала, он поднял с пола железную дорогу, его руки, казалось, погладили ее, он сел около моей постели и принялся крутить винты.

— Знаешь, когда я был маленьким, я видел такую железную дорогу в витрине одного магазина,— говорил он, разбирая маленькую машину.— Я часто ходил туда и все время думал: вот бы хоть один раз поиграть в нее...

Когда моя мать и старший красногвардеец, обойдя весь дом, вернулись в мою комнату, они увидели занятную картину: рельсы железной дороги были разложены перед кроватью, рядом сидел молодой красногвардеец и пускал паровозик в самых разнообразных направлениях, а я, стоя в постели, давала ему советы.

Старший красногвардеец подошел ко мне и улыбнулся. А мой красногвардеец (я уже называла его про себя именно так), покраснев, сказал:

— Я думал, что она будет бояться, и я решил с ней поиграть, чтобы ей не было страшно... Ребенок... Она не должна бояться...

Старший еще раз улыбнулся и сказал:

— Да, дети не должны бояться. Ты ведь не боишься?

Я отрицательно покачала головой.

Он промолвил задумчиво, словно разговаривая с самим собой:

— Ведь то, что мы делаем,— это все для вас. Для вас, дети...

Дверь закрылась за ними.

На следующий день моя мать сказала:

— Бедный ребенок так испугался, когда увидел этих людей, что проплакал всю ночь!

Я возразила:

— Но, мама, ведь это неправда!

Сердитый взгляд.

— Ты даже сама не знаешь, как ты была испугана.

Через пару дней соседка, полная дама, которая носила на каждом пальце по кольцу и густо пудрилась, рассказывала:

— ...И эти изверги с длинными бородами и с ножами в руках ворвались в квартиру несчастных людей и начали громить все вокруг себя!

— Но...

— Тебя никто не спрашивает. Ты что, не знаешь, что дети не должны вмешиваться, когда разговаривают взрослые?

Неделей позже одна из моих теток уже сообщала всем знакомым, что «изверги» (их число тем временем возросло до восьми) разграбили всю квартиру и так испугали бедное дитя (то есть меня), что «три дня оно находилось между жизнью и смертью». Когда я сказала: «Это неправда, красногвардеец был гораздо добрее, чем ты»,— мне дали по затылку. С годами история о красногвардейцах, число которых неуклонно росло, стала семейной легендой, а я научилась понимать, что не во всем можно верить взрослым.

Я никогда не забывала тех двух людей. Много лет я видела перед собой усталое, тонкое лицо молодого красногвардейца, видела его руки, ласково касавшиеся игрушечной железной дороги, слышала голос его товарища: «Ведь то, что мы делаем,— это для вас, для вас, дети...» Когда позже я слышала или читала об Октябрьской революции, я думала о них, и в моем сознании лицо революции сливалось с их лицами.

Я росла в Германии в то время, когда фашизм тянул к власти свои лапы. И хотя уже надвигался коричневый мрак, нам со всех сторон твердили, что наш настоящий, наш смертельный враг — это красная Россия, это коммунизм. Нам разрисовывали Октябрьскую революцию как нечто страшное и уродливое. Но для меня революция всегда имела другой облик.

Есть на Западе люди, которые слепо поверили в то, что им твердят изо дня в день, и потому видят в коммунизме кровавый призрак. Но если отказаться от предвзятости и попытаться разобраться в том, что же это на самом деле, то начинаешь рано или поздно прислушиваться к словам самих коммунистов. А прислушавшись, убеждаешься: они правы. И однажды сам становишься коммунистом. Таким был и мой путь.

Двое красногвардейцев, которых я узнала декабрьской петроградской ночью, помогли мне вступить на этот путь. Я ничего не знаю об этих людях, я помню только их лица и их голоса. Но если они еще живы, я хотела бы, чтобы они знали: мир, который они помогали создавать, стал и моим миром.

Вена.

го Октября, когда колонны демонстрантов вошли на Красную площадь, над кумачом знамен, над ликующей толпой светили с башен Кремля новые звезды — из стекла рубинового цвета. Рубиновые звезды. Они навечно вписались в московский пейзаж, стали символом нашего государства.

ЗВЕЗДНЫХ ДЕЛ МАСТЕРА

Над созданием кремлевских звезд трудился большой коллектив специалистов. Народный художник СССР Ф. Ф. Федоровский рисовал эскизы. Главным конструктором был Г. Л. Мазур, главным инженером — А. Ф. Ланда. В разработке проекта принимали участие светотехники, электрики, металлурги. А главным стекольщиком был назначен Никанор Илларионович Курочкин.

Вот уже несколько лет Никанор Илларионович на пенсии, а до сих пор среди людей, причастных к стекольному делу, как легенда, сохранился рассказ о его удивительном таланте, необыкновенном мастерстве. О том, как он, деревенский парнишка, благодаря своему пытливому уму и прирожденному дару познал «душу» стекла.

Никанор Илларионович первым в нашей стране стал изготовлять гнутые стекла различной формы и размеров: параболические стекла для первых отечественных прожекторов, стекла для светокопировальных аппаратов, гнутые стекла для самолетов, речных и морских судов, автомобилей. Среди многочисленных документов, свидетельствующих об изобретениях Никанора Илларионовича, о его замечательной работе, есть и такой: «Настоящим комиссия ЦИК Союза ССР по увековечению памяти В. И. Ленина выражает Вам благодарность за срочную и тщательную работу по установке саркофага (зеркальных стекол) в Мавзолее В. И. Ленина».

К Никанору Илларионовичу Курочкину, рабочему, окончившему лишь четыре класса сельской школы, приходили за советом крупные инженеры, специалисты по стеклу, имеющие высокие научные степени и звания.

Все работы, связанные с остеклением кремлевских звезд, проводились под руководством Курочкина. За высокие достижения в области стекольного производства Никанор Илларионович Курочкин был удостоен Государственной премии.

КТО УПРАВЛЯЕТ ЗВЕЗДАМИ

В отличие от своих небесных сестер кремлевские звезды управляются людьми. Это главный энергетик Кремля М. Тополин, электрик А. Бряев, верхолазы М. Матюшкин и В. Макаров.

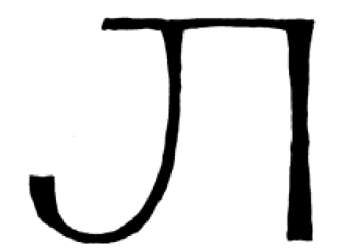
Михаил Александрович Тополин раскладывает чертежи.

— Кремлевские звезды — уникальное инженерное сооружение,— говорит он.— Их ажурный каркас из нержавеющей стали очень прочен. Вес каждой звезды — примерно около тонны, а они свободно вращаются под действием ветра. Размеры звезд различны. Диаметр самой большой звезды — на Спасской башне — 3 метра 75 сантиметров, а самой маленькой — на Водовзводной — 3 метра. С земли же они все кажутся одинаковыми, так как сконструированы с учетом высоты и формы башен. Изнутри каждая звезда освещается лампой в тысячи ватт. Лампа как бы одета и в скафандр — рефрактор из жароустойчивого стекла, отчего свет ее равномерно распределяется по всей звезде. Кроме того, для каждого луча смонтирован зеркальный отражатель. Лампа создает внутри звезды очень высокую температуру, и потому два вентилятора, работая поочередно, непрерывно подают в звезду охлажденный воздух. Автоматическое устройство следит за работой вентиляторов. Если они выходят из строя, немедленно отключается и лампа. В каждой башне есть пульт управления звездой, кроме того, есть централизованный пульт управления всеми звездами.

Раз в четыре года звезды чистят. Верхолазы М. Матюшкин и В. Макаров вместе с М. Тополиным по крутой винтовой лестнице поднимаются до последнего этажа башни. Через узкую бойницу они вылезают наружу и продолжают свой путь по металлической лестнице, укрепленной на крыше шатра.

Л. КАФАНОВА

Мирзо **ТУРСУН-ЗАДЕ**

ЛИР

ВЕКОВОЙ ДУБ

Могучий дуб, ты прожил семь веков
Под сенью проходящих облаков.

Но до сих пор, как в ранние года,
Твоя листва шумна и молода.

Случилось мне войти в счастливый день
Под эту историческую тень.

Шумит его былинная листва,
Как будто бы старинные слова.

И прошлые событья наяву
Мне светятся сквозь вечную листву.

Я слушаю его рассказ о том,
Как он служил Хмельницкому шатром,

Как мчались в битву, выдернув клинки,
Чубатые казацкие полки.

Семи столетий ты свидетель был
И ничего на свете не забыл.

Недвижный сторож неба и земли,
Перед тобой столетья протекли.

Осталось семь столетий позади
С тех пор, как жил великий Саади.

Здесь расстилался утренний туман,
А там в те дни писался «Гулистан».

Могучий дуб, свидетель тех времен,
Ты в будущее время устремлен.

Семьсот промчалось приднепровских зим,
И все же ты остался молодым.

Живи, шуми. И этот братский край
Своим зеленым шумом украшай!

Перевел с таджикского
Ярослав Смеляков.

СЕРДЦЕ НЕ ВЕРНУЛОСЬ ДОМОЙ

Ждет гостей Украина, таджиков сестра,
Как невеста, нарядна, мила и добра,
А на улицах — праздничных красок игра,
Где трава и цветы — как узоры ковра.

Здесь каштаны — подсвечников тонких светлей,
Голубиные крылья — листва тополей,
Здесь пленителен воздух тенистых аллей,
От весенних улыбок — на сердце теплей.

Город Киев, ты дружбой, как солнцем, согрет,
Город Киев, которому равного нет!
Город Киев, какой излучаешь ты свет!
Город Киев, мы слышим твой братский привет!

Мы дивимся, как сказке, твоим чудесам,
Мы внимаем былым и живым голосам.
Ты открыл свое чистое сердце друзьям,
Мы узнали тебя по лучистым глазам.

Здесь я слушал сказанья седого Днепра.
О, как в душу запало мне слово Днепра!
Благородство и смелость — основа Днепра,
Не забуду я прелесть ночного Днепра!

Хлеб и соль киевлян я вкусил в добрый час,
Этот хлеб, эта соль крепче сблизили нас.
Киев, Киев родной, о тебе мой рассказ,
Я твоих не забуду каштановых глаз.

Я домой возвратился дорогой прямой,
Только сердце мое не вернулось домой.
Земляки мне простят грех единственный мой,
Ибо сердце мое отнял Киев родной!

ХЛЕБ И СОЛЬ

К нам она подошла с доброй солью и хлебом,
Улыбаясь глазами — лазоревым небом.

Все, что дорого нам в Украине, слилось
В этой девушке: в прелести русых волос,

В теплоте ее взгляда, и в ласковой речи,
И в улыбке, расцветшей от дружеской встречи.

Я подумал, что мне преподносит народ
Украинского солнца певучий восход.

Я увидел в ее круглом хлебе и соли
Украинскую радость днепровских раздолий.

Я увидел в улыбке ее молодой
Украинскую душу с ее чистотой.

Показалось мне: это сама Украина,
Словно брата, встречает таджикского сына.

Я приблизился к свету смеющихся глаз,
Начал речь, как наказывал сердца наказ,

Я почувствовал щедрость широкой равнины,
И поднес я к глазам хлеб и соль Украины.

ПЕСНЯ ЛЮБВИ

Когда красавицу Шираза своим кумиром изберу,
За родинку ее отдам я и Самарканд, и Бухару.
Хафиз

Поэт без любви — как бескрылая птица,
Как плоть без души и без блеска зарница.

Поэту любовь преподносит планету
И щедрое сердце дарует поэту.

Любовь для поэта — не шум фейерверка,
Любовь для него — испытанье, проверка.

Прикажет любовь — станет капля рекою,
А маленький дворик — всей ширью земною.

Любовь на поэта поласковей взглянет,
И звезды он с неба для милой достанет.

Прикажет — сгорит он, стихов полководец,
Прикажет — в пустыне пробьет он колодец.

Прикажет — как сад расцветет он весенний,
Прикажет — увянет от горьких мучений.

Когда-то любовь овладела Ширазом,
Отняв у поэтов и сердце и разум.

За родинку нежной подруги порою
Поэт отдавал Самарканд с Бухарою.

С Хафизом, друзья, не хочу я сражаться,
Но разве мы хуже, скупее ширазца?

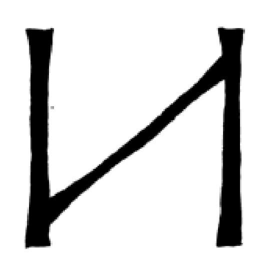
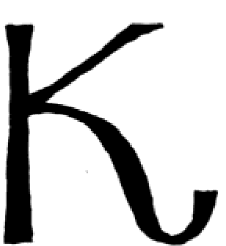
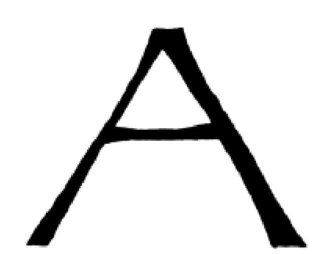
Подарим любимой и море и сушу,
Горячее сердце, широкую душу!

Весь мир ей подарим, стремления наши,
Чтоб стала, красивая, лучше и краше!

А разве не стоит она мирозданья?
Смотрите, она создана из блистанья.

В глазах ее светится счастья огромность,
И разум, и ласка, и гордость, и скромность.

Ничьей она силе, борясь, не уступит,
Такую никто не продаст и не купит.

Затмила она — это видно мне сразу —
Красавиц, чьи очи сияли Ширазу!

Она полноправна у нас, полновластна,
Она, как Восток пробужденный, прекрасна.

Спускаясь к долине с вершины высокой,
Приходит, как солнце, как песня Востока.

А песня летит от громады к громаде:
«Мое отраженье ищи в водопаде,

Как вольные воды, я — песня свободы,
Я — сила, и знанье, и прелесть природы!»

Красавица наша — как радость рассвета,
Как звонкое слово таджика-поэта.

Да будет мой голос и нежен и жарок.
Я два континента принес ей в подарок,—

Планеты Земли две пылающих части,
Что ищут упорно заветное счастье.

Две части Земли, что, для жизни воспрянув,
Мужают, борясь, низвергая тиранов.

Две части Земли, полных славы и чести,—
Дарю тебе Азию с Африкой вместе,

Прими их, таджичка моя дорогая,
Для дальних сестер, как надежда, сверкая!

РУКИ МАТЕРИ

Руки женщины той, что очаг разожгла,
Что земле подарила дыханье тепла;

Руки женщины той, что одела сады
В благовонье и свежесть, в цветы и плоды;

Руки женщины той, что воздвигла жилье,
Что украсила время твое и мое;

Руки женщины той, что пришла на поля,
Чтобы стала щедрей и богаче земля;

Руки женщины той, что свободе верна,
Твой Верховный Совет избирает, страна;

Руки женщины той, что всю ночь напролет,
Чтоб заснуло дитя, глаз своих не сомкнет;

Руки женщины той, что, как песня, добра,
Что баюкала песнею нас до утра;

Руки женщины той, что всегда нам близка,
Что вскормила нас первым теплом молока;

Руки женщины той, что, заботясь, любя,
Выводила нас в путь — и меня и тебя;

Руки женщины той, что с улыбкой не раз
Прогоняла обиды слезу с наших глаз;

Руки женщины той, что до зрелой поры
Приводила в порядок мальчишьи вихры;

Руки женщины той, что, как утро светла,
В ту, далекую, ночь жениха обняла,—

Поднимитесь, прошу вас, не бойтесь
разлуки,
Материнские руки, прекрасные руки.

Столько дел впереди, столько славных
событий —
Вы детей уезжающих благословите!

ОСЕНЬ

Осень, имя твое на земле всем известно,
Осень, слава твоя на земле полновесна.
Ты пришла и плоды принесла нам в подоле,
Сразу видно, что ты поработала честно.

Здравствуй, женщина-осень с улыбкой
отрадной,
Ты увенчана, осень, лозой виноградной,
Как хозяйка земли, приглашаешь нас
в гости,
И гостей ты встречаешь в одежде нарядной.

Осень, в дом твой, наполненный смехом
и звоном,
Прихожу с уваженьем и низким поклоном,
Я склоняюсь к земле, как жених
к новобрачной,
Как плодовое дерево к травам зеленым.

А гора, посмотри, как дехканин одета,
Как дехканин, стоит под лучами рассвета
И, поднос золотой с головы опуская,
Отдает его нам со словами привета.

ЗОЛОТОЕ КОЛЬЦО

Плывет по реке золотое кольцо,
Блестит вдалеке молодое лицо.

Играет красавица с влагой речной,
Играет, и дружит, и спорит с волной.

Она и сама создана, как волна,
Свободы, веселья и смеха полна.

Нырнула, исчезла, как отблеск зари,
И вижу я только одни пузыри,

И лишь догадаться могу я тогда,
Что крепко ее обнимает вода.

Трепещет она, устремляясь ко дну,
Как будто ягненок у барса в плену.

Но вот поднимает из влаги лицо —
Роняет сережку, роняет кольцо...

На эту потерю не жалуйся ты:
Что пользы в кольце без твоей красоты?

Скажи: не тускнеет ли блеск золотой
В сравненьи с живою твоей красотой?

Пропала сережка, но ты мне поверь:
Твоя красота не боится потерь!

Теперь без кольца золотого плыви
Ко мне, к золотому безумью любви!

На реки в горах не копи ты обид:
Вода здесь хохочет, шалит и кипит,

Но светом богата, дарует земле
Источники света в огромном числе.

Когда я на воды реки ни гляжу,
Твое отраженье в них нахожу.

Такой чистоты нахожу я черты —
Источником света мне кажешься ты!

ПОЭТУ

Гори, поэт; из теплоты горенья
Бери, поэт, свои стихотворенья.

Ты видишь сталь? Она прошла сквозь пламя.
Ты видишь даль? Она горит, как знамя.

Есть ремесло у солнца и поэта:
Творить тепло, творить источник света.

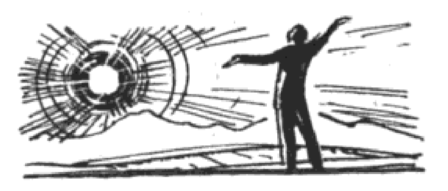
Дом без тепла — разрушенный могильник,
И без тепла не нужен мне светильник,

И сердце без тепла подобно камню,
И песня без тепла не дорога мне.

Нет без тепла цветения живого,
И без тепла мертво любое слово.

Смех без тепла, хотя б звенел он звонко,
Подобен колыбели без ребенка...

Гори, поэт, и пламенем зажженный,
Твори, поэт, грядущего законы!

Любовь, и стих, и сталь — одной породы:
Им нужен, чтобы жить, огонь свободы.

Пусть сердце у тебя пылает печью —
Тогда согреешь душу человечью.

Горящей речью, вольною, как пламень,
Вдохнешь дыханье жизни даже в камень.

Гори, чтоб век твой не был даром прожит:
Жить без огня любовь твоя не может!

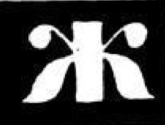
Перевел с таджикского
С. Липкин.

Сергей ЗАЛЫГИН

Самый главный дом

Рассказ

Рисунки В. БОГАТКИНА.

Женька Зеленков пришел в нашу школу после начала учебного года. Он был тихий, большеухий и большеглазый. Осмотрел школу своими огромными темными глазами и сказал:

— Плохая...

— Как? Двадцать вторая советская плохая?! Знаешь ли ты, что за это бывает?

Женька узнал, что за это бывает, стал очень грустным и очень грустно сказал:

— Плохая...

Тогда мы заинтересовались:

— Почему — плохая?

— Деревянная...

— По-одумаешь! Вон первая советская — каменная, а весь город знает, что она хуже двадцать второй. Но все-таки сходи и посмотри первую. Угол Томской и Московского. А напротив — шикарные горелые дома.

Горелые дома — целые кварталы, целые районы, оставшиеся после пожара пятого мая 1917 года,— были в нашем представлении красой и гордостью города Барнаула, по ним можно было путешествовать целыми днями, можно было забраться на пятый этаж бывшего Смирновского пассажа и на глазах у публики, которая стояла в очереди за билетами во «Второе Совкино», пройтись по металлической балке.

Женька сходил на угол Томской и Московского, посмотрел первую школу, пришел и сказал:

— Плохая...

— Почему???

— Двухэтажная...

— Ну и что же из этого?

— Трехэтажная лучше...

Мы задумались... Потом посоветовали:

— Пойди и посмотри шестую школу. Сколько ты сосчитаешь в шестой школе этажей? У нее один этаж можно сосчитать под землей, а можно над землей.

Женька сходил, посмотрел шестую школу.

— Ну, как? — спросили мы его.

— Плохая..— И пояснил: — Некрасивая.. Вокруг тоже все сгорело, тоже некрасиво.

Молча, не сговариваясь, мы решили, что Женька — чудак, усмехнулись, посмотрели на него с сожалением.

А он вдруг закрыл глаза и с закрытыми глазами показал нам руками:

— Школа должна быть вот такая — очень красивая!

Открыл глаза и сам с удивлением и даже как будто с радостью посмотрел на то, что у него в руках...

И странно, кажется, я увидел в его руках сказочно красивую школу: каменную, трехэтажную, светлую, просторную...

— Где же такая школа?

— Далеко отсюда... Далеко-далеко...

— А где?

— В городе Енисейске (Женька приехал из Енисейска).

И вот спустя чуть ли не сорок лет я иду по главной улице города Енисейска и вдруг... Каменная... Трехэтажная... Светлая... Просторная... Первая средняя...

Она!!!

Женька воспитывался в большой семье. В этой семье были: дед, когда-то сосланный в Енисейск за участие в польском восстании; бабка из енисейских жительниц; их старшая дочь и Женькина старшая тетка — врач и глава всей семьи; муж этой тетки — столяр и студент; и еще две тетки, одна из которых, Леля, была всего на несколько лет старше нас с Женькой. Семья была большая, но в ней не хватало двух человек: Женькиной матери и Женькиного отца.

Нас — Женькиных товарищей и друзей — это совершенно не смущало. А его?

Мы не скоро еще поняли, почему Женька так долго собирается пойти к кому-нибудь из нас, обещает и все откладывает. Почему, когда все-таки приходит, он становится вдруг грустным. А главное, почему у себя дома Женька такой послушный.

Кое в чем мы даже завидовали ему: у него была тетка, эта тетка была Лелькой, а с Лелькой Женьку отпускали куда угодно. Не только его, но и меня: еще бы — ведь тетка!

Мы втроем с нетерпением ждали ветреных

дней, когда на Оби начинали разгуливать волны, и в маленькой лодчонке выплывали на середину. Если мне становилось страшно, Женька и Лелька кричали:

— Ты думаешь, это буря?! Вот у нас в Енисейске!..

И я охотно верил, что у них в Енисейске... Очень охотно!

А теперь я гляжу на деревянную, полуразрушенную стенку набережной, на береговые приплески и на отмелый спуск к воде, на котором стоят лодки... Много лодок, и все с моторами. Во времена Женьки Зеленкова моторов, конечно, здесь не было... Но вот женщины поблизости от дебаркадера полощут с мостков белье — это было. И церковь повыше на берегу была. И вот эти каменные дома за небольшой березовой рощицей были.

А еще был такой же, как и нынче, Енисей. Он спокоен, величав и как бы даже безразличен к людям. Но это кажется так, на самом же деле его можно любить и он тоже может. Женьку Зеленкова он любил... Я не могу себе представить, что Женька не испытывал в своей любви взаимности, ясно вижу, как лопоухим мальчишкой он валяется на прибрежном песке, а Енисей щекочет Женькины пятки, как Женька и Лелька качаются в лодке на его белякак....

Однажды мы выпустили стенную газету под названием «Шесть». Мы подвергли безжалостной критике пережитки прошлого: учителя, который написал на доске какое-то слово через «ять», нашего приятеля Тольку Маккавеева, который каждую перемену одним пальцем барабанил по клавишам пианино, непорядки в уборной для мальчиков и в раздевалке.

Мы вывесили нашу газету вечером, а наутро пришли в школу гордые, в полной уверенности, что совершили выдающееся дело.

Однако за это дело нас принялись «прорабатывать», а наших родителей вызывать для бесед в директорском кабинете.

Тут мы поняли, что хуже всех положение у Женьки Зеленкова, потому что родителей у него не было. В семье тетушки к нему было на редкость доброе отношение, а все-таки тетушки и дядюшки — это не отец и мать, их приходится стесняться.

Нас «прорабатывали» так долго и так нудно, что в конце концов один из нас — мой «длинный тезка» — решил застрелиться. Не думаю, чтобы это было всерьез, вряд ли; наверное, было вполне достаточно того осуждения, которое в перемену быстро и деловито мы вынесли в уборной моему «длинному тезке», но Женька на этом не успокоился, отправился к нему домой и отобрал у него ружье — старую берданку, которая, по всей вероятности, давно уже не стреляла.

Мы долго думали, куда ее девать, эту берданку, а потом решили пойти и утопить ее в Оби.

И когда поздно вечером, хоронясь от посторонних взглядов, мы шли на Обь, Женька говорил нам, что в его красивой школе никогда и никто не собирался стреляться. В его школе вообще не знали, что это такое.

Потом нам стало известно, что наша школа будет с «уклоном» и что уклон этот будет дошкольным: из нас должны готовить инструкторов-организаторов дошкольного воспитания на селе.

Мы — и дошкольное воспитание! Подумать только, каким образом можно совместить эти два понятия! Это было совершенно немыслимо для представителей мужского пола!

И я подал заявление в сельскохозяйственный техникум, а все мои друзья — в пятую школу с электротехническим уклоном, в которой готовили монтеров и радистов. (Кстати, пятая школа тоже была двухэтажной, деревянной!)

Все, кроме Женьки.

Женька сказал:

— Что же, наша, двадцать вторая, хуже всех?

А ведь он был математиком номер один не только в нашей седьмой «Б» группе, но и во всех седьмых группах. На доске мы рисовали мелом круг, внутри круга, как можно плотнее друг к другу, знаки радикалов, квадратные и кубические уравнения, и каждому было ясно, что это такое: Женькина голова в разрезе.

Мы учились по небезызвестной звеньевой системе, в соответствии с этой системой были разбиты на звенья по признаку успеваемости, социальному и другим признакам, и за все наше звено математику сдавал Женька Зеленков, я — географию, Петька Ончуков — физику, два других моих друга не сдавали ничего, так как им было некогда — они конструировали детекторный приемник, а еще один из нас даже и не ходил в школу; каждое звено должно было иметь отстающего, чтобы его подтягивать, воспитывать и коллективно за него отвечать.

Итак, мы ушли из двадцать второй школы и при встречах стали звать Женьку «тетей Женей — воспитательницей».

Он и в самом деле вскоре поехал в Сорокинский и Кытмановский районы организовывать в деревнях детские ясли.

Василий Чернов уже летал радистом на дирижабле, Николай Дудкин работал монтером на заводе, я уже побывал уполномоченным по коллективизации, а Женька все еще был «инструктором-дошкольником».

Но это несколько позже.

А прежде мы решили достойным образом отметить окончание семилетней школы и совершить путешествие на Алтай.

План был коварным.

Мы уговорили одного из учителей отправиться с нами в путешествие и выбрали самого доброго, самого робкого учителя, а он, ничего не подозревая, согласился.

С ним родители отпустили нас на Алтай.

А как только мы выехали из Барнаула, учителю был предъявлен ультиматум: он во всем должен подчиняться решениям нашего отряда, быть со всеми на равных... И он согласился снова.

Мы тотчас же объявили о том, что небольшой маршрут, который был намечен еще в школе,— Барнаул — Колыванский гранильно-шлифовальный завод — Барнаул — отменяется, а вместо этого наш отряд отправляется в глубь Алтая, к верховьям рек Коргон и Кумир; трех малодушных, которые стали было протестовать и среди которых снова оказался мой «длинный тезка», мы эвакуировали домой, а сами двинулись вперед, нанимая для нашего незатейливого багажа одну подводу или двух верховых лошадей.

Мы были преисполнены решимости достигнуть этих рек, побывать на Тигирекских и Коргонских белках, и в самом деле мы там побывали, но к этому же времени мы исчерпали все наши скромные финансовые возможности.

Всю прошедшую зиму мы работали, чтобы скопить эти деньги, и даже пустились в одно «нэповское» мероприятие: арендовали на один день «Второе Совкино» с повторным фильмом и с обязательством распространить билеты на этот фильм.

Теперь нам негде было заработать и нечего было арендовать, но мы не падали духом. Мы стали бродячей труппой и разыгрывали в поселках и деревнях спектакли. Здесь и началась моя литературная деятельность: я стал драматургом, а кроме того, суфлером. Это очень удобно, когда суфлирует сам автор. Весь наш отряд был занят на сцене, и только Женька Зеленков играть не смог — в его исполнении роли оказались ниже всякой критики. Он был крайне обескуражен этим обстоятельством и выполнял обязанности кассира, получая со зрителей натурой: калачами, шанежками, крынками молока.

Так или иначе, но продовольственный вопрос нашей экспедиции был решен. А транспорт?

Мы приуныли... Была уже осень, пора уборки и кедрового промысла, нанимать лошадей становилось все труднее. Приближался новый учебный год.

И надо же было случиться, что я нашел десять рублей! В глухом лесу, на едва приметной тропке нашел десять рублей!

Женька, как только узнал об этом, сказал:

— Все! Теперь мы дома!

У него была такая привычка — не пропускать ни одной лодки на берегу, обязательно ее осмотреть со всех сторон, поговорить с хозяином, узнать, сколько лодка стоит и когда сделана.

И вот где-то недалеко он заприметил почти совсем новую лодку, которую хозяин не прочь был продать за десять рублей.

Мы нашли этого хозяина, купили у него лодку и назвали ее «Красиным». «Красин» не был знаменитым ледоколом, ему не было написано на роду спасение арктической экспедиции итальянца Нобиле, но нашу экспедицию он должен был спасти... И мы раздобыли еще две худенькие лодчонки и во главе с «Красиным» под общим руководством Женьки Зеленкова пустились в плавание по реке, по которой до нас никто еще и никогда не сплавлялся, по крайней мере в верховьях. Горжусь до сих пор: я был первым помощником Женьки Зеленкова на «Красине». Вот что значила выучка — его собственная и его тетушки Лельки!

Мы тонули, и голодали, и, как это ни странно, один раз даже горели. Но все кончилось не только хорошо — превотлично, вероятно, это было самое увлекательное путешествие в моей жизни. Мы прибыли в Барнаул и еще долго продолжали дивиться, как это наш смелый командир стал вдруг «тетей Женей — воспитательницей»?

А он, приезжая иногда из деревень, в которых собирал женщин и разъяснял им, что такое детские ясли и для чего они нужны, тоже вспоминал наше путешествие и совершенно неожиданно говорил вдруг:

— А красивая река — Енисей...— И показывал руками, какая она широкая, как быстро течет...

И все-таки в конце концов Женька решил поступить на завод, а сначала — в фабзавуч.

Но он стеснялся идти и говорить с директором фабзавуча о себе: с ним ходил я. Как же, я был студентом сельхозтехникума и расторопно объяснял директору, кто такой Женька Зеленков, а он стоял тут же у порога и краснел.

Ну вот, должно быть, как раз от этого самого порога и разошлись наши с Женькой Зеленковым дороги... Мы стали встречаться все реже и реже, потом поехали учиться в разные города: он в Томск, а я — в Омск.

Я знал, что в фабзавуче у Женьки обнаружился вдруг организаторский талант. Не пре-

увеличиваю — именно талант, может быть, он открылся в нем еще раньше, когда Женька выступал перед женщинами в Сорокинском и Кытмановском районах...

Он стал секретарем комсомольской организации школы ФЗУ, а потом и всего завода, и в Томске, в Электромеханическом институте инженеров железнодорожного транспорта, он тоже не оставлял комсомольской работы, а когда вернулся в Барнаул на свой ПВРЗ — паровозо-вагоноремонтный завод — был не только прекрасным инженером, но и страстным партийным работником.

В июле 1941 года я получил короткую открытку.

«Наконец-то добился, чтобы меня призвали в армию — еду на краткосрочные курсы при Военно-политической академии имени Ленина»,— писал мне Евгений.

Еще через два месяца: «Еду на фронт».

Еще через месяц политрук Евгений Зеленков погиб...

Ну, вот он, город моего друга.

Если оставить в стороне лесокомбинат и аэродром, за час-два город можно обойти по периметру.

Главные улицы в асфальте, но асфальтированных тротуаров гораздо больше. Что ж, пожалуй, так и должно быть в городе, где больше ходят, чем ездят.

Тротуары часто только по одной стороне улицы, а по другой их нет, там тропки среди зеленой травы. И это опять-таки лучше, проложить односторонние тротуары на двух улицах, чем асфальтировать обе стороны одной. Разумнее.

Он приятный, этот город, хорошо распланирован, наполнен северной воздушной чистотой, пахучей, тоже северной, почти лесной травкой, старинный воеводский город Сибири, с бывшим мужским монастырем в центре, в который когда-то заключен был ссыльный декабрист Мусин-Пушкин.

О Енисейске нельзя сказать, что он похож на большую деревню,— это город. Нельзя даже сказать «городок». Нет, это небольшой, но город...

Можно и дальше говорить о его городских достопримечательностях, о многих его гражданах. Конечно, были среди них Герои Советского Союза, ученые, выдающиеся инженеры. Конечно, были, я в этом не сомневаюсь, но для меня он неизменно останется городом Женьки Зеленкова, моего друга...

Мы уезжали из Енисейска в предвечерние часы.

Небо было густо-синее, мрачноватое и в то же время чистое, просматриваемое далеко-далеко, торжественное.

И Енисей, отражая это синее и прозрачное небо, тоже был таким же.

Я смотрел в это небо, в этот Енисей, и мне казалось, будто я снова повстречался со своим собственным детством и юностью, с Евгением Зеленковым и его детьми.

У Евгения были сын и дочь. Теперь они уже взрослые, оба радиофизики, кончили Томский университет, и у сына и у дочери уже свои дети.

Внуки Женьки Зеленкова... Вот как идет время. Скоро эти внуки пойдут в школу, не минуют и они четвертых и седьмых «а» и «б» классов, у них будут свои первые путешествия...

Енисей удалялся в темно-синее торжественное небо, две тонкие и высокие трубы лесокомбината исчезли из поля зрения первыми, а последними — белые фигуры самолетов на аэродроме.

Я долго еще стоял на корме паротеплохода «Байкал», как будто прощался с Зеленковым... А он в этом путешествии напомнил о себе снова.

* * *

Конечным пунктом плавания «Байкала» был Усть-Енисейский Порт. Мы прибыли туда ночью, я вышел на палубу и при рассеянном свете полярного незаходящего солнца увидел на довольно высоком замусоренном берегу неаккуратные деревянные постройки.

Двухэтажный деревянный дом, половина окон которого была вкривь и вкось заколочена досками, с выцветшими лозунгами, глядел оставшимися стеклами в промоину, забитую разноцветными бутылками, консервными банками и почему-то ржавыми металлическими кроватями.

Левее попыхивал рыбозавод с залатанными стенами.

«Наверно, поселок несколько дальше, в глубине берега и с палубы его не видно,— подумал я.— Завтра утром нужно будет его рассмотреть».

Но утром я убедился — осматривать и в самом деле нечего: несколько десятков домов, домишек и бараков, на окраине — в беспорядке разбросанные «балки» какой-то экспедиции, в центре — что-то вроде площади. Подобие улиц и вдоль них узкие деревянные тротуары в две доски. Вокруг — почти плоская, едва всхолмленная тундра с темно-зелеными пятнами можжевельника. Пронзительно-звонкий писк комаров.

Дальше по берегу Енисея — еще один, тоже небольшой поселок зверофермы, издали он кажется опрятным, хотя и в нем ни деревца, ни палисадничка.

Самое оживленное место здесь — берег. На берегу местные жители пилят бензопилами дрова из плавника; из трюмов с двух или трех крутобоких деревянных рыбниц бросают в грузовик огромных осетров, а с лихтера сгружают каменный уголь.

Ни грузов, ни пассажиров здесь почти нет, и поутру же «Байкал» дает отвальный гудок.

Уже три гудка, но кто-то из местных жителей застрял в буфете «Байкала» — там продается бочковое пиво, а когда этот кто-то наконец выходит по трапу, оказывается, что он не последний, в буфете все еще пьют пиво и едят огурцы.

Так продолжается довольно долго, а последней оказывается румяная и веселая женщина, она выскакивает на корму лихтера, к которому мы были пришвартованы, когда уже отданы все чалки, и машет нам вслед авоськой, наполненной зелеными помидорами и желтыми огурцами.

Вот и обратный путь.

Енисей здесь широк, огромен,— вероятно, километров десять — двенадцать. Вода коричневого цвета, такая же, как и во всех реках полярных широт; здесь Енисей уже не может удержать при себе свои собственные краски бурной горной реки — сизые, зеленые, чуть голубоватые.

На палубах «Байкала» никого. Спокойно, только иногда глубоко вздохнув, работают механизмы.

Все усеяно вздрагивающими каплями росы. Капли очень крупные, и там, где была тень, они казались неестественно прозрачными на белом и маслянистом настиле палубы, а там, где их освещало солнце, отражали это неяркое, северное солнце, на которое, только чуть прищурившись, можно было глядеть незащищенным глазом, и даже дальние и плоские, тоже неяркие берега как будто можно было рассмотреть в них.

Каплями было покрыто все: палуба, желтые откидные скамьи, поручни, лестница в рулевую рубку и металлическая дощечка на лестнице с узкими, продолговатыми и прямыми буквами, извещавшими о том, что пассажирам не разрешается подниматься в рубку.

Но пассажиров не было, их ждали на следующей пристани — в Дудинке, и «Байкал», тихий, одинокий, с прильнувшей к его бортам слегка журчавшей и гладкой волной, скользил по рябоватой поверхности Енисея.

Только один человек прошел по палубе на корму и оставил следы, на которых капель уже не было, а появилась водяная корочка — тонкая, плотная и блестящая, как стекло.

Эти маленькие, подтаивающие следы подчеркивали нежилой простор всего окружающего: коричневой реки, бледно-зеленых берегов, безоблачного, одноцветного неба, безлюдной палубы и даже удалявшихся за горизонт построек Усть-Енисейского Порта.

И такой безлюдный и далекий, как будто тоже уплывающий по волнистой, мерцающей серебряным отблеском воде, Усть-Енисейский Порт был даже красивым, и кто-то, стоя на корме, до сих пор любовался им.

Это была маленькая девушка в темной жакетке и светлой косынке. Она оглянулась на мои шаги, и я увидел смуглое, широкое лицо, чуть раскосые глаза.

— Вы, наверно, из эвенков?

— Нет! — ответила она и покачала головой.

— Из долганов? Из нганасанов? — Я припоминал, кто еще живет на Енисейском севере, на Таймыре.— А может быть, вы из Якутии?

— Я ненка.

Когда-то и довольно долго я жил в Ямало-Ненецком округе и теперь упрекнул себя: как это я не узнал ненку? Низенькая, широкое лицо, цвет кожи чуть буроватый...

Ее фамилия была Пальчина, а имя — Татьяна.

— Русское имя...

— Ненцы теперь часто дают детям русские имена... Вера. Тамара. Даша.— Она улыбнулась.— Это все имена моих сестер. Есть еще брат. Егор.

— Ваши сестры в тундре?

Нет, в тундре у Тани Пальчиной брат. У них в семье рано умер отец, и с тринадцати лет брат — глава семьи. Вдвоем с матерью он пасет в тундре оленей. В верховьях реки Малая Хита, на пастбищах совхоза. Егор пасет, мать готовит пищу и шьет кисы.

— А сестры?

Тамара окончила педучилище в Игарке, учительствует севернее Караула.

— Вы знаете Караул?

Я знал, что Караул — еще севернее Усть-Порта, а больше ничего.

— И Вера тоже окончила педучилище и тоже работает севернее Караула. Много севернее. Зимой, пока у нее идут уроки, школу то и дело заносит снегом до крыши. Очень плохой климат. Очень холодный.

— Плохой климат? По сравнению с чем?

— Ну, хотя бы по сравнению с Усть-Портом...

— Понятно... А Даша?

— Что Даша?

— Учится? Работает?

— Даша еще учится. Тоже в педучилище.

— А вы?

— Еду учиться...

— В Игарку?

— В Ленинград. В Институт народов Севера.

Удивившись, я начинаю рассказывать Тане Пальчиной, что это за город Ленинград: какой он огромный, какой красивый.

— Я была в Ленинграде. Три года тому назад. Мы ездили на экскурсию из школы.

— Ну вот что: тогда вам обязательно нужно побывать на юге! В Крыму. На Кавказе. На Черном море. Будете студенткой, соберетесь несколько человек земляков и поедете!

— Я была на юге,— сказала Таня Пальчина.— В Артеке. Меня посылали из школы, из седьмого класса.

— Что же это у вас за школа?

— Хорошая! — сказала Таня.— Очень хорошая! Из нашей школы все поступают в институты. Видели: трое ребят едут с нами? Не видели? Они внизу, на носу что-то делают вместе с матросами. Они учатся в Красноярске. Один — в медицинском, а двое — в политехническом. Из нашей школы.

— Почему же это выпускники вашей школы всюду выдерживают экзамены?

— Потому что нас мало в классах: пять, шесть, десять человек, и каждый день учителя всех успевают спросить. Разве можно что-нибудь не выучить? Не знать урока?

— Где же ваша школа? Уж не в Усть-Порту ли?

— Конечно, в Усть-Порту! А вы были там и не заметили?! Такой красивый дом?

Вспоминаю... В самом деле, в Усть-Порту не то на площади, не то на пустыре стоит большой дом... Деревянный... Одноэтажный... С большими, светлыми окнами...

Я вспоминаю, а Таня Пальчина смотрит на меня с удивлением и упреком.

Плывут мимо берега реки. Кажется, будто они уже давно-давно плывут мимо меня — годы, даже десятилетия...

У меня появляется желание сказать Тане Пальчиной: «Слушай, Танюша, я, кажется, постарел. И здорово постарел, если забыл то, чему учил меня Женька Зеленков... А он учил меня везде находить самый главный, самый красивый дом, но я забыл его науку!»

Так я хотел сказать.

Но мы, взрослые, пожилые, никогда не говорим так с молодыми и юными...

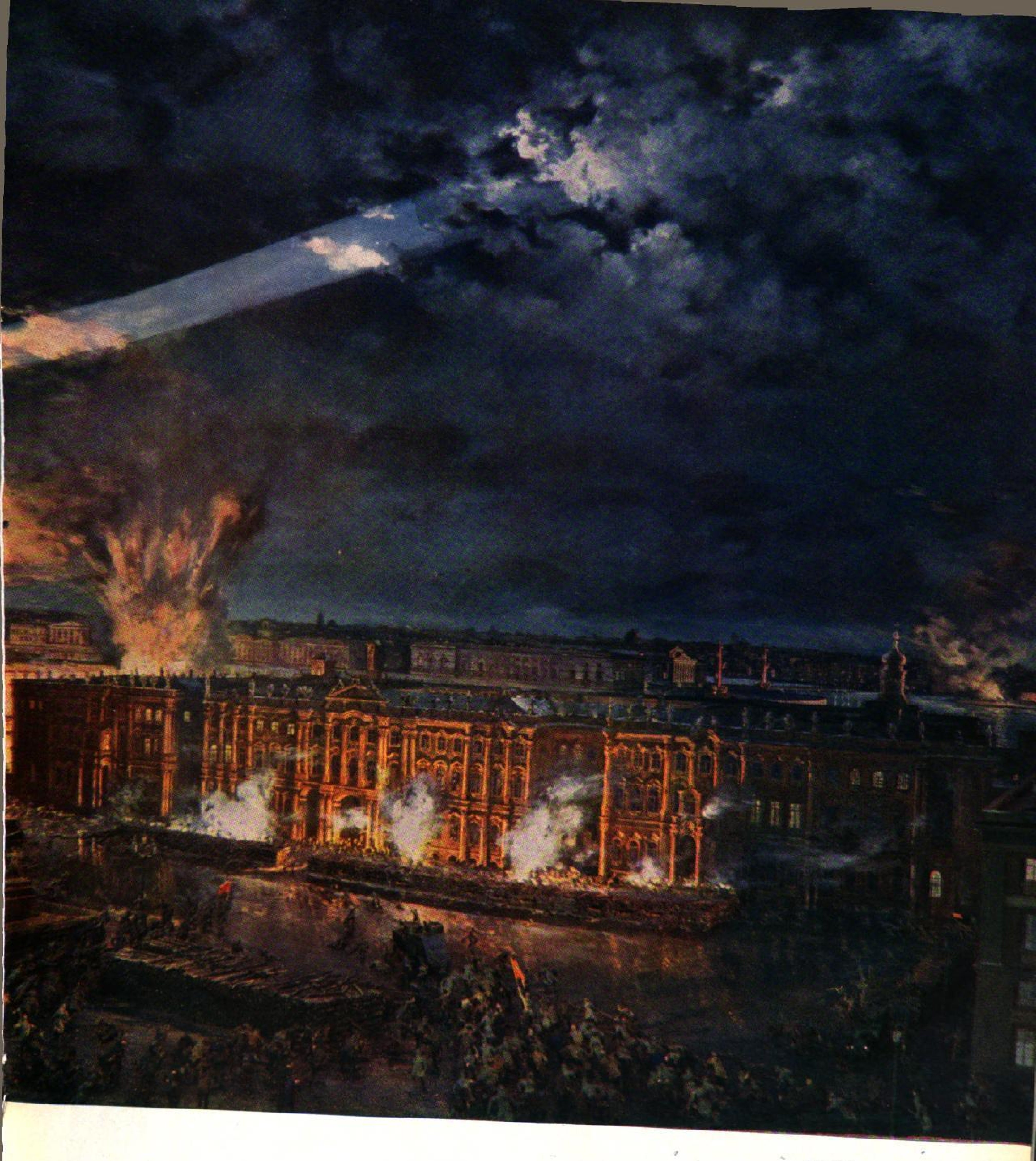
В. И. ЛЕНИН

Художник И. Бродский.

Центральный музей
В. И. Ленина.

Е. Дешалыт. ШТУРМ ЗИМНЕГО ДВОРЦА (диорама)

Музей Революции СССР.

С. Лукин. СВЕРШИЛОСЬ Центральный музей В. И. Ленина.

Этот небольшой клочок бумаги, исписанный неровным почерком, мы обнаружили среди документов времен гражданской войны.

Писалась записка, видимо, в спешке, рукой, непривычной к перу.

«Начальнику милиции товарищу Абметсу! Убедительно просим Вас удовлетворить нашу просьбу, а именно: быстро взять на учет все движимое народное имущество, а также зерно, чтобы оно не было расхищено или уничтожено кулацкими злоумышленниками. Просим Вас как можно быстрее дать распоряжение об этом, так как иначе народу останутся одни голые стены.

Член совета, красногвардеец Я. Раат».

Письмо это так и не было тогда доставлено адресату. Человек, посланный с ним, видимо, был убит белобандитами, и адресованная начальнику милиции записка попала в руки вражеской контрразведки. А когда белогвардейцам удалось схватить самого Раата, записку эту приобщили к другим изъятым у него при обыске документам...

Перелистываешь «дело» депутата Вана-Антслаского волостного Совета Яана Раата, расстрелянного в марте 1919 года по приговору буржуазного военно-полевого суда за преданность Советской власти, и перед глазами встает светлый образ самоотверженного солдата революции.

«Яан Иоханович Раат, без сомнения, красный и враг буржуазии,— читаем мы в полицейском рапорте,— состоял в рабочем совете, вел большую агитационную работу в пользу большевиков, призывал отстаивать дело коммунизма».

«Еще во время немецкой оккупации,— значится в другом полицейском донесении,— он вербовал людей в Красную гвардию и подготовлял этим дорогу большевикам».

Как свидетельствуют документы, свою деятельность Яан Раат продолжал и в ноябре 1918 года, когда немецкие оккупанты, уходя из Эстонии, оставили у власти кулацких сынков и серых баронов.

На листе судебного протокола приведены слова, с которыми Раат обратился на одной из тайных сходок к батракам, малоземельцам и рабочим Антсла:

«Эстонское временное правительство — буржуазное правительство, и оно не может оставаться у власти... Мы должны объединиться с коммунистической Россией... Красная Армия вернется... Власть во всем мире перейдет в руки трудящихся... Так учит Ленин».

ДЕЛО ЯАНА РААТА

Красная Армия Эстонской трудовой коммуны освободила Антсла, а когда проходили новые выборы в волостной Совет, Яан Раат был избран его депутатом.

В январе 1919 года силы контрреволюции, поддержанные империалистическими интервентами, перешли в наступление, и трудовой народ мужественно встал на защиту Советской власти.

К тем суровым январским дням и относится адресованное начальнику милиции Абметсу письмо, в каждой строке которого сквозит хозяйская забота депутата Совета о народном добре.

Не так давно нам посчастливилось разыскать Пеетера Христиановича Абметса и сообщить ему об обнаруженных в архиве документах.

Внимательно перелистывал он эти документы, воскрешавшие пору революционных битв. Пристально вчитывался в строки, дошедшие до него более чем через четыре десятилетия. Бережно отложив документы в сторону, Пеетер Абметс поделился с нами своими воспоминаниями.

В пору первой германской оккупации Эстонии, находясь на нелегальном положении, он приехал в родной Антсла. Вместе со своим братом Арнольдом и другими антсласкими большевиками Пеетер Христианович участвовал в создании подпольной партийной ячейки. А вскоре его избрали председателем созданного в Антсла подпольного революционного комитета. Вот тогда он и встретился с батраком Яаном Раатом, записавшимся одним из первых в антсласкую Красную гвардию.

Когда в середине декабря 1918 года в Антсла вступили первые части Красной Армии, партия поручила Пеетеру Абметсу ответственный участок деятельности: его назначили начальником антслаской милиции.

Однако тогда Советская власть продержалась в Антсла не более пятидесяти дней. Эстонской буржуазии удалось с помощью иностранных империалистов потопить в крови власть трудящихся и установить временно свою диктатуру.

Пеетер Христианович вступил добровольцем в 5-й эстонский стрелковый коммунистический полк и сражался на фронтах гражданской войны под Псковом, Двинском, под Киевом и Варшавой. Ну, а затем учился, долгие годы был на партийной, советской и профсоюзной работе. Сейчас вот уже несколько лет — персональный пенсионер.

Ветеран революционных боев Пеетер Абметс и сегодня еще не прекращает активной общественной деятельности. Он член комиссии старых революционеров Эстонии, страстный пропагандист.

Не забывает он и свой родной Антсла.

ДАЛЕКОЕ — БЛИЗКОЕ

Пеетер Абметс.

Медвежий уголок превратился в цветущий город. За последние годы здесь построены жилые дома, выросли новые предприятия, работает Дом культуры, библиотека, городская больница.

Там, где сорок с лишним лет назад батрак Яан Раат, Пеетер Абметс и их товарищи проводили в жизнь Декрет о земле, сейчас раскинулись необозримые поля колхоза «Партизан», опытные участки Антслаского сельскохозяйственного техникума.

Е. ЗАЙДЕЛЬСОН,
научный сотрудник Центрального государственного архива Октябрьской революции и социалистического строительства ЭССР.

КОМЕНДОР ОКТЯБРЯ

Кто тот артиллерист, чей выстрел с крейсера «Аврора» послужил сигналом к штурму Зимнего дворца, штурму твердыни старого мира? Как сложилась его судьба?

Выстрел произвел комендор крейсера «Аврора» Евдоким Павлович Огнев.

Осенью 1908 года в Балтийский флотский экипаж пришел вместе с другими новобранцами Евдоким Огнев, рослый парень, родом из станицы Хоперской, что под Царицыном. Огнева определили в артиллерийскую школу, окончив которую он получил назначение на крейсер «Аврора».

В первые дни Октябрьского вооруженного восстания Евдоким Огнев принимал активное участие в установлении Советской власти в Петрограде, утверждая вместе со своими товарищами революционный порядок. Осенью 1918 года, когда на юге России начала поднимать голову контрреволюция, для борьбы с белогвардейцами были отправлены балтийские моряки и среди них Евдоким Огнев. Он отважно сражался с белыми бандами на Дону и на Кубани.

В бою под хутором Хомутец вражеская пуля сразила героя. Так погиб балтийский моряк Евдоким Огнев, отдав свою жизнь за счастье грядущих поколений, за счастье, которому он салютовал октябрьским выстрелом.

Моряки Краснознаменной Балтики установили на крейсере «Аврора» бронзовый бюст Евдокима Павловича Огнева.

А. БРОДСКИЙ

ЗДЕСЬ БЫЛ ЛЕНИН

В Красноярске много мест, связанных с именем Владимира Ильича Ленина. В этом городе молодой Ленин был проездом по пути в ссылку.

Не раз беседовал Владимир Ильич с сибиряками-революционерами. По его совету в бывших железнодорожных мастерских был организован первый марксистский кружок. С тех пор рабочие этого предприятия всегда были надежной опорой партии. В 1905 году они поднялись на вооруженную борьбу с царскими сатрапами. Заводские стены и сейчас хранят следы пуль.

Подолгу засиживался Владимир Ильич в известной библиотеке Юдина.

Однако жандармы торопились выпроводить опасного революционера к месту ссылки. В 1897 году весна оказалась ранней. В апреле Енисей быстро почернел и вскоре сбросил с себя ледяные оковы. И вот 30 апреля Ленин отбыл из Красноярска. На пароходе «Святой Николай» он плыл до Минусинска, а остаток пути добирался на лошадях.

Речники Енисея решили разыскать пароход, на котором Владимир Ильич плыл по сибирской реке. Судно разыскали, но восстановить его в прежнем виде, чтобы поставить на вечную стоянку у речного вокзала, не удалось. С годами пароход износился. С него были сняты палубные надстройки, а корпус переделан под наливную баржу. Однако на Енисее есть еще немало речников, которые хорошо помнят, как выглядел «Святой Николай». Кое у кого нашлись даже снимки тех лет.

По рассказам очевидцев и по старым фотографиям и был сделан макет парохода «Святой Николай». Теперь он установлен на гранитном постаменте под плексигласовым колпаком на самом оживленном месте набережной Енисея.

А. ЗАДУНОВ

Макет парохода «Святой Николай», установленный на набережной Енисея в Красноярске.
Фото автора.

ПОД ЗВЕЗДАМИ

Ник. КРУЖКОВ,
Л. СТЕПАНОВ

...Очей очарованье!

Есть в этой стране какое-то ни с чем не сравнимое обаяние. Если вы хоть раз, пусть ненадолго, попали в нее, оказались под ее чистым небом, дышали ее воздухом, любовались вершинами ее гор, вас неизбежно снова и снова потянет сюда с неудержимой силой. Но ведь на свете много красивых гор, и полноводных рек, и шумных городов, и синих озер,— почему же именно Болгария так сразу и решительно берет в полон ваше сердце и ваши чувства? Да, видно, потому, что живет здесь удивительно славный народ — добрый и мужественный, ласковый и гостеприимный, работящий и веселый, располагающий к себе всякого, кто с ним столкнется, укладом своей жизни, своим трудолюбием и характером. Душа болгарского народа озаряет особым светом и седые вершины Балкан, и цветущие долины, и берега бурных рек, и широкие пажити, и всю красоту плодоносной болгарской земли.

Был конец сентября, когда мы приехали в Болгарию,— время огненного бушевания осенней листвы, тучного нагромождения виноградных гроздей, перца, кукурузных початков, всяческих овощей; время прохладных горных ветров, ласкового, нежаркого солнца и светлого высокого неба, чуть подернутого легкой блеклостью. Прекрасна была в эти дни Болгария!

Одному из нас повезло: он был в Болгарии четыре года назад. Тогда был июнь, с каждым днем все больше и больше накалялся воздух, и совсем иные краски лежали вокруг — ярко-зеленые, голубые, синие, земля жадно вбирала в себя летний зной. Но страна была так же чудесна в своем летнем буйном убранстве. Другому повезло еще больше: он попал в Болгарию первый раз, и его впечатления были особо обострены. Влюбленность в страну надвигалась на него стремительно, захватывала разом и не выпускала из своих ласковых объятий в течение всего времени, пока длилось наше путешествие. И первый завидовал второму, ибо нет ничего на свете прекрасней новизны чувств и восприятий. Но и второй завидовал первому, ибо он был лишен емкой возможности сравнения.

А страна, идущая по пути социализма, на каждом шагу являла приметы бурного роста, и то, что только намечалось четыре года назад, стало или становилось действительностью.

София — милая, уютная,— как всегда, сверкала чистотой своих опрятных улиц, блеском магазинных витрин, приветливыми улыбками прохожих, прибранностью многочисленных бульваров. Но, черт возьми, не было прежде вот этих новых кварталов отличных домов, возникших там, где раньше были пустыри. Усилился и стал стремительней поток машин на улицах болгарской столицы. Лучше стал одеваться народ.

Таковы были первые встречи с Софией. Но чтобы их проверить, нужно было двинуться в глубь страны, узнать пообстоятельней, как живет народ Болгарии, как он строит свою промышленность и передовое современное сельское хозяйство.

Флаги наций над Пловдивом

Как раз в эти дни в Пловдиве, втором по величине городе Болгарии, расположившемся на семи живописных холмах, шумела, гудела, гремела, кипела XX юбилейная международная ярмарка. Флаги наций развевались на огромной площади, занятой ее павильонами. Двадцать семь стран приняли участие в ярмарке: СССР и США, Польша и ФРГ, Чехословакия и Куба, ГДР и Югославия, Венгрия и Италия, Австрия и Япония, индивидуальные экспозиции фирм из Франции, Англии, Швейцарии, Швеции, Дании, информационные бюро из разных стран — все разместились в дружелюбном соседстве. Болгария заняла восемь павильонов.

В 1892 году, когда открылась первая Пловдивская ярмарка, Болгария предъявила импортерам розовое масло, кустарные изделия, плоды и овощи. «Чем богаты — тем и рады»,— большего Болгария тогда предложить не могла. В 1939 году Болгария вывозила около 200 видов товаров, но опять-таки сельскохозяйственного происхождения. За полвека мало что изменилось в экономике страны.

Когда волею народа, освободившегося от монархо-фашистской клики, от иноземного засилья, от капиталистической эксплуатации, Болгария стала на путь социалистического развития, все изменилось под солнцем этой чудесной страны! Старая, дореволюционная Болгария вынуждена была ввозить швейные иглы и дверные ручки. На любом станке, на любой машине стояли иностранные клейма. «Ваше дело — виноград, томаты, перец, картофель, хлеб,— говорили болгарам иностранцы, торговавшие втридорога промышленными товарами.— Мы вам поставим все остальное». Во время немецкой оккупации по приказу правительства сокращались посадки знаменитой казанлыкской розы. Фашистской грабьармии был нужен картофель, розовое масло оккупантам не требовалось. Царская Болгария была колонией для своих хищных «покровителей», и эта роль ей была уготована на века.

Болгарский журналист, наш друг Богдан Веселинов, бесконечно влюбленный в свою страну (нам так понятна была эта влюбленность!), говорил:

— Мне почти 50 лет, все перемены происходили на моей памяти, и все-таки я до сих пор глазам своим не верю: болгарские сверлильные и токарные станки, электродвигатели, трансформаторы, аккумуляторы, сельскохозяйственные машины, железнодорожные вагоны, морские суда, кабель, оборудование для самых сложных предприятий! И все это свое, болгарское, родное, добротное.

Мы видели, как крестьяне, приехавшие на ярмарку из далекого родопского села, внимательно рассматривали болгарскую промышленную продукцию. Держась по-крестьянски кучкой, они медленно переходили от одного экспоната к другому, пробуя все руками, как бы ощупывая, и улыбались при этом, обмениваясь впечатлениями, и радость светилась в их глазах.

Неподалеку висела карта мира. На ней световыми желтыми кружочками были отмечены 79 стран, куда Болгария вывозит свои промышленные товары.

Чудеса! Но чудеса эти — дело рук талантливого народа, ставшего свободным.

Если сравнить болгарскую социалистическую промышленность 1962 года с прежней, капиталистической, то кривая роста покажется ошеломляющей: продукция черной металлургии увеличилась в 65 раз, цветной — в 226 раз, машиностроительной и металлообрабатывающей — в 98 раз, химической — в 41 раз.

Над ярмарочным Пловдивом.

Около советского павильона.

Невольно испытываешь чувство гордости за братскую страну, народ которой способен так деятельно и продуктивно трудиться!

Директор итальянского павильона на Пловдивской ярмарке Серафино Пучиано в своем выступлении перед корреспондентами сообщил:

— Высокий уровень болгарской промышленности и современного земледелия, показанный на ярмарке, предполагает большие возможности для заключения сделок.

В павильоне сельского хозяйст-

БАЛКАНСКИМИ

ва Болгарии мы увидели горы винограда, прекрасных фруктов и овощей. Все это поражало размерами, красками, свежестью, запахами, вкусом. Кисть старых фламандских мастеров остановилась бы в нерешительности перед этим великолепием плодов болгарской земли. Директор павильона, приветливая изящная женщина, агроном Станка Лазарова давала нам пояснения. Пояснения, впрочем, были не так уж нужны: товар говорил сам за себя всем своим блеском и мощной силой. Мы знали, что наш гид была боевой партизанкой в годы борьбы с фашистами, и поделились с ней своей осведомленностью.

— О! — воскликнула она, смеясь.— Я была тогда молодой и ужасно храброй.

Здесь, в Болгарии, нередко приходилось открывать героев среди самых мирных людей — нелегко досталось болгарам право на счастье. Кровью и жизнью тысяч своих сынов и дочерей заплатили они за свою свободу...

В дни ярмарки Пловдив напоминал собой переполненную до краев чашу. Народ съехался со всех сторон. Гостиницы, рестораны, кафе были переполнены. Разноязычная речь звучала на улицах. По вечерам на дорогах из Пловдива мелькали бесконечные пунктиры огней — это возвращались экскурсанты на автобусах, мотоциклах и автомашинах. Вероятно, не менее миллиона человек посетили Пловдивскую ярмарку за двадцать дней ее существования. Сотни торговых сделок были заключены на ярмарке. Она явилась живым свидетельством того, как важно людям жить в мире.

И на всю эту праздничную ярмарочную суету Пловдива взирал с высоты горы Бунарджик, именуемой теперь Холмом Освободителей, гигантский монумент советского солдата, поставленный болгарским народом. Памятник этот пловдивцы любовно называют «Алеша».

У старых друзей

Хороша ярмарка и красива, хорош кипучий, жизнерадостный Пловдив, перерезанный Марицей, рекой, воспетой в старинных песнях и легендах, но кругом с обеих сторон, тесня долины, высятся кудрявые горы в многоцветении осенних красок и манят к себе, под свою сень. Один из нас был в этих благословенных местах, и, конечно, его потянуло опять туда же. Второй, естественно, возражать не стал: его томила жажда новых впечатлений.

Дороги в Болгарии отличные: прошло совсем немного времени, и мы оказались в большом селе Брестник. Как же живет это село, его кооператив, его селяне — крепкий, кряжистый народ, любящий свою землю и труд на своей земле? Нас радушно встретил Константин Андреев, председатель кооператива, высокий человек лет тридцати пяти, с приветливым загорелым лицом, освещавшимся веселой улыбкой. Э, да это старый знакомый! Четыре года назад был он в здешних местах председателем сельского совета, а теперь избрали его руководителем кооператива. А где же прежний председатель, Атанас Янов? О, Атанас далеко пошел: он сейчас в Пловдиве на ответственной хозяйственной работе. Конечно, первым делом Константин Андреев показал нам новый Дом культуры, построенный кооператорами. Тогда он стоял еще в лесах, и мы осторожно пробирались по доскам, чтобы заглянуть внутрь. Теперь здесь отличный зрительный зал на триста мест, библиотека — все сверкало чистотой, было обжито, заселено любителями книг, участниками сельской самодеятельности: жизнь идет.

Как дела в кооперативе? Жаловаться не приходится, работаем дружно, хоть наше хозяйство в этом году на трудном подъеме: меняем виноградники, сажаем новую лозу. Выдадим по 2—3 лева (в новом исчислении) на трудодень. Да, целиком перешли на денежную оплату: так удобней и выгодней для кооператоров. Приусадебные участки, конечно, остались, но обрабатываем их сообща, всем кооперативом. Личный скот есть у каждого — коровы, овцы, свиньи. Птица не в счет: ее у нас много. Для нужд личного хозяйства кооператив дает своим членам кукурузу, ячмень. Нет, живем неплохо. Как только поправим виноградники, будет еще лучше...

А вот тоже старый знакомый — крестьянин Триандофил Русев. Конечно, он немедленно затащил нас к себе в дом, обычный крестьянский болгарский дом — кирпичный, в два этажа, крытый черепицей. В саду и на огороде бушевала земная благодать: сливы, груши, виноград, перец, помидоры. Четыре года назад в этом доме нас принимала 15-летняя Петка — дочь Триандофила, славная девочка с чистыми, ясными глазами. Где же Петка? Вышла замуж, живет неподалеку, в Куклене, у нее уже двое детей. Вот познакомьтесь, вы его тогда не видали, это мой младший сын, брат Петки. Не шутите: он студент, учится в Пловдиве.

Смуглый стройный паренек держался с достоинством. Как же! Будущий техник!

Триандофил поставил перед нами блюдо с отличным виноградом, и потекла беседа, обычная беседа пожилых людей: о том, как быстро растут дети; что старость, конечно, не за горами, но ее теперь не боятся,— жизнь пошла общая, дружная; что лето было засушливое, жаркое, но со всеми трудностями справились, в прежнее время это было бы нелегко.

Как живет Рангел Пиперов?.. А что ему делается, старому?! Здоров, силен. Вот он идет по улице. Рангел, заверни-ка к нам!

Рангел вошел, широко улыбаясь. Как же, и с ним давно знакомы! Четыре года назад встретились «на томатах», поговорили по душам... Рангел в прошлом имел 30 гектаров земли — это большое богатство по здешнему счету — и в кооператив до 1956 года не вступал: а вдруг из этого дела ничего путного не выйдет? Потом присмотрелся, вступил, стал жить, как все. И на душе стало легко, и жизнь потекла веселей. Нет, зачем жаловаться! Все хорошо. И сыты, и одеты, и обуты. Вот сын становится механизатором — хорошее дело, ничего не скажешь.

Триандофил хлопал по плечу Рангела, Рангел — Триандофила. Оба они смеялись, здоровые, крепкие, жизнерадостные люди.

...С Родопских гор дул осенний ветер, гулял по садам, шумел листвой. Село Брестник — выросшее, украсившееся новыми крестьянскими домами — лежало в широкой долине, овеваемое горной свежестью, добротное болгарское село, которое не сразу и отличишь от города.

...А на другой день побывали мы в древнем Хисаре — курортном городке, расположенном в 40 километрах к северу от Пловдива, там, где начинаются отроги Средней Планины. В Хисаре много санаториев, но нас прельстил один, где отдыхают и лечатся крестьяне-кооператоры. Это учреждение дало нам возможность ознакомиться с той стороной жизни болгарского крестьянина, которую вовсе нельзя было представить в условиях старой Болгарии. Здесь за минимальную плату, вносимую кооперативами, крестьянин-труженик получает отличное лечение, пользуется услугами первоклассных врачей-специалистов, отдыхает и набирается сил.

Туристы любят ездить в Хисар смотреть развалины римской крепости, но крестьянский санаторий показался нам объектом куда более значительным...

В Болгарии уважают, любят, чтят нелегкий труд земледельца, и труд этот творит славные дела на щедрой болгарской земле.

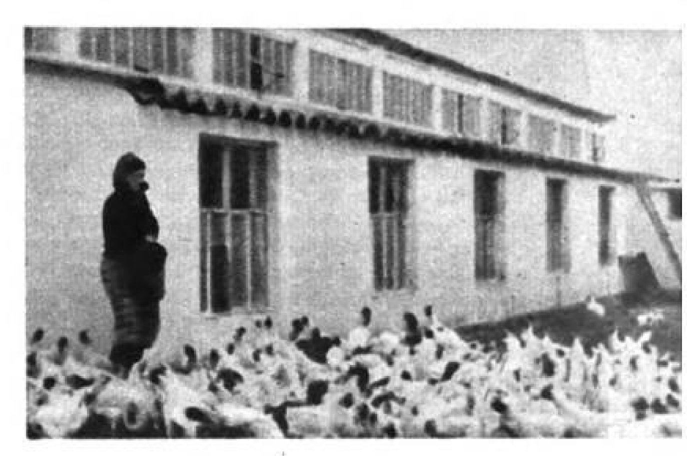
(Продолжение следует.)

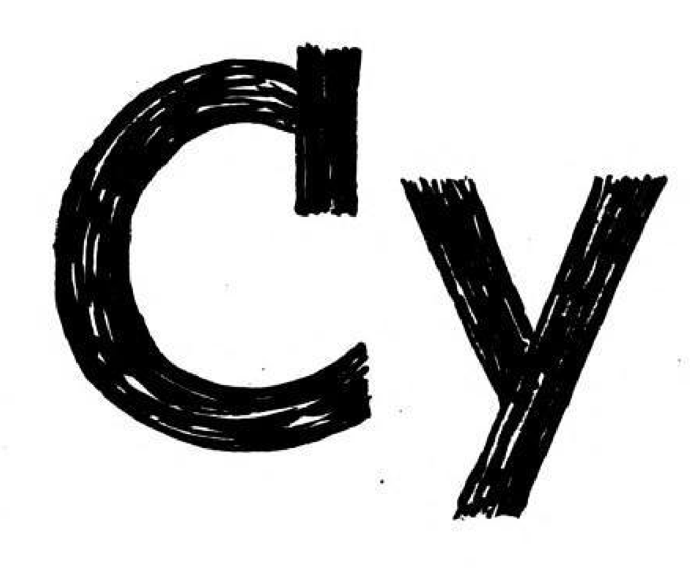
Алеша.

Кросс сельской молодежи в честь съезда БКП.

У Еленки Ивановой сотни беспокойных подшефных, а всего в кооперативе села Девне их 12 тысяч.

Суд шел пятый или шестой день. Все еще допрашивали свидетелей. Как видно, клубок разматывался большой, подсудимых было много, человек сорок, мужчины и женщины, и всех их обвиняли в шпионаже. Самое скверное обвинение! Петрулас и слышать не мог спокойно по должности — да и не только по должности — о таких вещах, как шпионаж. Из всех, кого карает закон, иуды, которые приезжают из-за границы шпионить,— самые что ни на есть подлые преступники.

Потому, когда в отделении объявили, что из жандармов будет сформирован отряд в подкрепление тюремной охране, Петрулас расстроился. Охрана — работа невеселая, утомительная. Весь день на ногах, и если б только день! Такие процессы, как этот, продолжаются с раннего утра до поздней ночи. Эти черти, шпионы, сидят, а жандарм должен стоять, как штык. Потом приходится бегать туда-сюда, выталкивать всяких там, которые лезут посмотреть и послушать. Ну, и другие неприятности... Петруласа, собственно, не это огорчало. Просто перед началом процесса ему обещали отпуск на восемь дней. Первый отпуск с тех пор, как он служит в жандармерии. Он и невесте уже написал, и она ответила, что ждет. Ждала его и мать. Давно он их не видел, соскучился. По всей деревне соскучился. И вот все полетело к дьяволу.

— Давно, Петрулас, не виделся ты с невестой?

— Да с тех пор, как уехал, господин начальник, полтора года уже!

— Потерпи еще немного. Вот кончится процесс...

— А нельзя ли, господин начальник, кем-нибудь заменить меня? Ведь я уже написал, ждут они.

— Нет, нельзя. Четверо из отделения в отпуску. Если в эти дни кто-нибудь вернется, ты поедешь. А пока... Сам видишь: людей не хватает, а шпионов целая рота!

Тьфу, чтоб им пусто было! Поехали за ними чуть свет, все отделение, на машинах. Если у всех других были причины ругать этих шпионов, то у Петруласа тем более: они испортили ему отпуск... Обвиняемых вывели на тюремный двор. Пересчитали, прежде чем принять. Оказалось тридцать шесть. Разбили на шестерки. Шестью шесть—тридцать шесть.

— Теперь смотрите в оба! — сказал начальник.— Вон тех троих посадите отдельно. Это главари. В отдельную машину.

Двое высокого роста, третий пониже. Все трое хорошо одеты: в новых костюмах, при галстуках и в чистых рубашках.

— Это что за главари? — спросил Петрулас надзирателя.

— Вот тот, в черном костюме, знаменитый капитан Мораитис, слыхал? Нет? Так ты, выходит, и о том, что случилось в Пигаде, не знаешь? Когда у власти был ЭАМ, они половину Пелопоннеса залили кровью. И тот вон, коротышка, с усиками, тоже убийца! Мурганиотис его фамилия, не слыхал? Ну, конечно, когда эти душегубы людей резали, ты, небось, еще молочко сосал. Все трое — отъявленные коммунисты. Но ребята хорошие, что правда, то правда. Как бы там ни было, а мы здесь жили с ними дружно... А третьего видишь? Вон того, седого, что лезет в машину? Это

грозный и жестокий
капитан Лариссинос!

Хе! Хе! Здорово сказано? Уж о нем-то ты наверняка слыхал!

— Я?—Взглянув сначала на надзирателя, потом на Лариссиноса, Петрулас сказал: — Про дьявола-то? Слыхал!

А про себя подумал: «Не только слыхал, даже видал. Но зачем мне понадобилось называть Лариссиноса дьяволом?»

— Не так уж они страшны, как о них болтают,— продолжал надзиратель,— и уж, конечно, не кусаются. Особенно теперь, когда военные судьи поукоротили им руки,— мухи не обидят! А, ты с ними едешь? На той же машине? Это хорошо, они народ смирный. Смотри только, уши не развешивай, когда начнут говорить. Профессора!.. Самого патриарха сагитируют в партию вступить.

Петрулас сел в машину. В глубине — те трое, в наручниках, и шесть жандармов, по трое с каждой стороны.

День обычно начинался так:

— Здравствуйте, ребята! А ну-ка, пошарьте у нас в карманах, достаньте закурить.

Но в первый день сигарет им не дали и на «здравствуйте» не ответили. Потом начальник сказал, что сигареты можно давать.

— Откуда вы родом, ребята? — в первый же день спросил их тот, кто был виновником гибели Мелигала.

Но старый жандарм оборвал его:

— Я из Мелигала! Рядом с Пигадой, знаешь?

— Слыхал.

Остальные засмеялись. Смеялись так, будто на праздник ехали.

— Слыхал, значит? «Слыхал»! Будто не ты погубил ее! Или ты не Мораитис?

Тот засмеялся.

— Ну и влип же я! Нет, друг, зовут меня,

конечно, Моралтисом, но родился и жил я в Кавалле. На Пелопоннесе знаю одни тюрьмы...

Это развлекло и жандармов.

— Но ведь так рассказывают!

— Понятно. Только мало ли чего болтают, неужели всему верить? Вот теперь и нас выдают за шпионов!

— Это ты брось! Тут совсем другое дело. Суд решит, за кого вас выдают и кто вы есть на самом деле.

— Суд-то ладно,— вступил в разговор низенький.— Это мы еще увидим. А сам-то ты как думаешь? Веришь этому?

— Чему?

— Да вот этим басням о шпионаже.

— То есть как это басням! — не удержался Петрулас.— Раз вас судят, значит, вы шпионы!

— Ах, вот оно что! Ну, а если бы тебе сказали, что... Погоди! Как тебя зовут-то?

Петрулас вдруг разозлился:

— Что пристал ко мне: как думаешь, да как тебя зовут...

Ларисcинос, обернувшись, посмотрел на него и улыбнулся.

— Молодой еще. Горячий.

— Дикарь! — сказал Мораитис.

Но дело было не в этом. Петрулас решил, что лучше оборвать разговор. Боялся, как бы Ларисcинос не узнал его.

— Ладно! — проговорил Ларисcинос.— Не хочешь говорить, не надо. Я и так вижу, что мы с тобой земляки. Ведь ты из Фессалии, точно?

— Не твое дело.

Он и вправду был из Фессалии. Мало того, его деревня была рядом с деревней капитана — разделял их только хребет. Скажи он капитану, что он Петрулас из Ренеси, тот, того гляди, и вспомнил бы, как однажды вечером, еще при немцах, проходил со своим партизанским полком через Ренеси и увидел его, шестилетнего мальчугана, плескавшегося в ручье с другими деревенскими мальчишками. Капитан, высоченный, бородатый мужчина в сапогах, с белыми сверкающими зубами, наклонился и — оп-ля! — высоко подбросил его.

— Как тебя зовут, малыш?

— Андрико, сын Кирьякулы!

— Ты, наверно, штанишки мочишь, когда слышишь о немцах?

— Не-е!

Немцев-то он боялся, но на вопрос капитана ответил истинную правду.

— А партизаном хочешь быть, Андрикос?

— Хочу!

Маленький, слабенький, он выглядел пушинкой в руках капитана.

— Ну и худой же ты, Андрикос. Хлеба дома нет?

— Мать говорит — нет.

Капитан опустил его на землю, потрепал по голове. А потом сказал своим:

— Накормите-ка этих ребятишек из наших запасов!

Так было в тот вечер. И еще не раз проходил он со своим полком через Ренеси. И всегда останавливался поболтать с ребятами и приказывал покормить их.

Какого роста был тогда Андрикос, сын Кирьякулы? Вряд ли по колено теперешнему. Где ж капитану узнать его, да и может ли он обо всем помнить?

По утрам и вечерам перед зданием суда собирался народ. Все дни, пока шел суд, лил, не переставая, дождь, словно подрядился. Но толпа — мужчины и женщины, кто с зонтом, кто без зонта, в основном студенты,— не расходилась. Всем хотелось посмотреть на обвиняемых. Появлялась полиция, расталкивала, била, оцепляла проход. Собравшиеся приветствовали подсудимых, кричали, называли их патриотами и требовали справедливого приговора.

А в зале суда те, кто взял на себя обязанность справедливо решить их судьбу, называли их не иначе, как шпионами. Всех, в том числе и Ларисcиноса. Другие-то — чтоб они провалились! — наверно, и вправду были шпионами. А Ларисcинос... Он, конечно, заодно с ними, но дай бог, чтобы на суде этого не доказали.

Однако по всему было видно, что и ему несдобровать. Прибыл один высокий полицейский чин, который разузнал все секреты шпионов: откуда они приехали и когда каждый из них перешел границу; знал он все их явки. Семь месяцев подряд он вел за ними слежку, а они и не подозревали. Он говорил целый день. Отвечал на вопросы. Защитники набрасывались на него по двое, по трое, как осы, но сбить с толку так и не смогли. Петрулас не успевал следить за всем, что говорили судьи, защитники и свидетели,— голова шла кругом. Но когда называли имя Ларисcиноса, Петрулас напрягал все внимание, чтоб не пропустить ни слова.

— Хорошо, но откуда вам известно, что в тот день подсудимый Ларисcинос ездил за город?

— Я следил за ним.

— Лично?

— Так точно, лично!

— Каким образом?

— Я ехал за ним в такси.

— И сколько времени это продолжалось?

— Около двух часов.

— Господин свидетель, как, по-вашему, подсудимый — умный человек?

— Умнейший!

— Умнейший, а не догадался, что целых два часа за ним следят. Как это у вас получается, а?

Защитники хохочут, видно, полицейский попался. Защитников Петрулас терпеть не мог: как это можно защищать шпионов. Но теперь ему тоже захотелось посмеяться,— ведь речь шла о земляке. Однако изворотливый полицейский сразу нашелся:

— Я знал, с кем имею дело, и все время менял такси. Пересаживался из одного в другое. Так и провел его!

Перестали смеяться защитники, засмеялись судьи и полицейские. Петрулас взглянул на Ларисcиноса: «Эх, земляк, умен-то ты умен, а вот не догадался, что тот менял машины. Ай-ай!»

А Ларисcинос как ни в чем не бывало. В перерывах вставал, закуривал, разговаривал с другими подсудимыми, и все они, как видно, были убеждены, что выиграют дело. Подходили защитники и вместе с ними чему-то смеялись. Петрулас прислушивался: о чем это они, черт возьми, говорят? Волосы у Ларисcиноса были теперь седые. Здорово он изменился: ни бороды, ни усов, да и весь он как будто съежился, стал меньше. В один из перерывов к нему подошел какой-то человек, обнял, поцеловал. И Ларисcинос поцеловал его. Оба улыбались, видно, были рады встрече. Ларисcинос спросил:

— А мать? Приехала?

— Нет, не смогла.

— Ей надо приехать во что бы то ни стало. Слышишь?

— Она очень плоха, лучше не настаивай.

— А на машине нельзя ее привезти?

— И на машине нельзя. Она в постели, не двигается. Да и дорога от деревни... Она велела тебя поцеловать, передать привет.

И опять обнял его. И поцеловал.

Начальник жандармского отделения увидел их и закричал:

— Это еще что там? Эй, господин! Воспрещается!

— То есть как воспрещается, это же мой брат! — сказал Ларисcинос.— Значит, даже с братом нельзя, а? Господин начальник!

— Нельзя! Не могу я, Лефтерис,— начальник так и назвал его.— Не имею права. Только с разрешения господина прокурора. Отойдите, господин! Жандарм, выведите этого господина.

Петрулас стоял ближе всех, но ему очень не хотелось прогонять его.

— Выйдите, господин! — Он знал, что брат Ларисcиноса — врач.— Выходите, воспрещается!

— Да, да, сынок...

— Поди к прокурору! — крикнул Ларисcинос.— А если не увидимся больше, то скажи матери...

— Постараемся, Лефтерис!

Во время перерыва среди обвиняемых вдруг оказался мальчик-гимназист. Один старик, самый старший, с белыми, как лунь, волосами, обнял его и стал целовать. Мальчик прижался к нему и все смотрел, словно не узнавал. Подсудимые глядели на них с улыбкой. Начальник отделения снова поднял крик. Обвиняемые запротестовали, они говорили, что мальчик — сын старика и что старик видит его впервые! Нельзя же запрещать ему и это!

— Ничего подобного! — не унимался начальник.— Только с разрешения господина прокурора...

Старик обнимал мальчика, начальник твердил, что не может разрешить, обвиняемые протестовали, а корреспонденты с аппаратами уже сбежались, чтобы сфотографировать эту сцену. Вспыхивали блицы. Не исключено, что какой-нибудь аппарат захватил и Петруласа и завтра он увидит свою физиономию в газетах.

Наконец заседание суда возобновилось.

На второй же день Петрулас сделал открытие: как хорошо, что он не уехал в деревню! Суд начинал ему нравиться, и он опасался, как бы в один прекрасный день начальник не заявил, что он может уезжать и что на его место назначен другой. Но пока все шло хорошо. Он внимательно слушал, стараясь ничего не пропустить, словно собирался вынести обвиняемым свой собственный приговор.

В первые дни, пока шел допрос офицеров полиции, было ясно, что обвиняемым не сносить головы: ни Ларисcиносу, ни старику — он тоже был в числе зачинщиков.

Но вот закончился допрос полицейских, и стали приходить врачи, учителя, даже депутаты и какие-то престарелые генералы. И все в один голос утверждали противоположное.

— Что представляет собою, по вашему личному мнению, мой клиент?

— Истинный патриот! Сын прекрасных родителей!

— А не шпион ли он?

— Чепуха!

В качестве свидетеля на суд пришел и бывший министр генерал Феодосиу. Защитник задал ему вопрос:

— Известно ли вам, господин свидетель, где был мой подзащитный во время войны?

Мицос АЛЕКСАНДРОПУЛОС

Рассказ

Рисунки В. ВЫСОЦКОГО.

— Разумеется! Он добровольцем пошел на фронт!
— И как он сражался?
— Геройски! Он воевал под моим командованием! Награжден медалью!
— Может ли быть, господин свидетель, чтобы человек, проявивший героизм во время освободительной войны, оказался шпионом?
— Что вы! Абсолютно исключено!
То, что говорили врачи, адвокаты, учителя и генералы, сводило на нет показания полицейских.
Вечером в отделении сразу же принялись ругать генерала.
— Ничего себе! Эдакий генералище, знаменитый, весь в орденах, и туда же — защищать шпионов!
— Какие там шпионы, что за чушь!
— То есть как это какие шпионы?
— Эти, кум, похуже шпионов, им еще много чести оказывают, когда так называют. У шпионов есть родина, а у этих что? Откуда у них родина, если они коммунисты? Снять им головы — и дело с концом, а генералы пусть себе болтают, что хотят!
— Ладно об этом. Значит, они не шпионы?
— Чушь! Их привлекли по новому закону, чтобы поставить к стенке. Неужели непонятно?
— Стало быть, они невиновны?
— Ерунда! Как могут они быть невиновными, раз они коммунисты!
Утром опять в тюрьму. Лица капитанов так и сияют. Конечно, если так пойдет, они выиграют дело. Во дворе начальник разрешил им спокойно покурить. И называл их просто по имени. Моратиса, например, он звал просто Стерьосом, они, оказывается, земляки, оба из-под Каваллы.
— Эх, не знал я,— говорит Моратис.— Надо было пригласить тебя свидетелем защиты!
— Ничего, Стерьос, пригласишь в следующий раз...
— Я-то приглашу, да ведь ты не придешь. Но я не злопамятен. Когда будут судить тебя, я приду. И буду тебя защищать!
Засмеялся начальник, засмеялись жандармы. И заключенные. Все засмеялись.
Покурили и сели в машины.
— Счастливо, ребята! — крикнули надзиратели.
— Спасибо! И вам того же!
Опять смех.
— О, с нами опять самые хорошие парни,— сказал низенький капитан.— На нашей машине самая хорошая охрана.
— Начальник отделения их нарочно подобрал, ведь он мой земляк. Закуривайте, ребята!
Закурили.
— Сколько дней мы ездим вместе,— сказал Ларисснинос,— а все еще не познакомились.
— И правда, ребята, может, есть среди вас эпироты? — спросил низенький.— Из Погони, из Лакка, из Загори или из Коницы — есть кто-нибудь из тех мест?
— Я,— отозвался один жандарм.
— А откуда?
— Из Пирсоянни. Такиса Папасарандоса знаешь?
— А кто это?
— Коммунист из нашей деревни. Я учился у него, а потом он стал коммунистом. Не знаешь такого?
— Кажется, слыхал. Хороший он был учитель?
— Учитель-то он был хороший и объяснял все здорово, а вот закона не соблюдал.
— Почему?
— Да потому, что объяснял-то он хорошо про все и про родину тоже, а потом стал коммунистом!
— Ну и что? Значит, придет время, и учителя тоже привлекут за шпионаж?
— Разве можно так об учителе... Он, конечно, коммунист, ничего не скажешь, но только не шпион.
— Стало быть, если про учителя, так ты не веришь, а что про меня говорят, веришь? А ведь я, земляк, тоже учитель...
— А, значит, и ты учил, а закона не соблюдал?
И опять все засмеялись: и жандармы и заключенные.
— Ну и ловко поддел тебя земляк! — сказал Моратис товарищу.— А теперь фракийцы. Ну, кто из вас из Фракии?
— Погоди-ка, Стерьос, ты уже нашел земляка, да еще самого начальника жандармского отделения. Пусть ребята скажут нам сначала, есть ли среди них фессалийцы.
Петрулас и сейчас не хотел признаваться. Эпирот сказал, и все. А вот если Петрулас признается, что он из Ренеси, Ларисснинос одно за другим может и вспомнить... А о чем ему, собственно говоря, вспоминать-то? Да так... Не совсем подходящее это дело.
И он ничего не сказал. Но Ларисснинос глядел прямо на него.
— А ты фессалиец, голову даю на отсечение.
— Дай что-нибудь другое, голову тебе и так отсекут!
— Одну отсекут, другие останутся!
— Брось! Сколько же у тебя голов?
— Много. Сейчас, как видишь, одна. А как только ее снимут — цук! — вырастут еще десять!
— Ну?
— А ты думал: нет?
В тот день в суде слушались речи обвиняемых.
Конечно, они твердили свое. Называли обвинение политической стряпней. О шпионаже говорили, что это плод фантазии: свидетели обвинения сами не верят тому, что утверждают. И военные судьи не верят, ведь нынче судят не этих вот обвиняемых, а партию...
— Оставь в покое партию!
Председатель суда не разрешал даже произносить это слово.
Поднялся старик, к которому приходил сын:
— Господин председатель! Господа военные судьи!
— Предупреждаю,— остановил его председатель,— говорить о партии я тебе не разрешу. С этим условием, изволь, мы готовы тебя слушать.
Старик громко произнес:
— Жил да был однажды король...
— Какой король?
— Так, один король...
— Это сказка?
— Господин председатель,— сказал старик просительно.— Много сказок было выслушано за эти дни, позвольте и мне рассказать одну. Да и по возрасту из всех присутствующих я больше всех имею право рассказывать сказки. Иначе как же я смогу воспользоваться своим правом защиты на этом процессе?
— Давай послушаем, если это не про партию. Так что же сделал этот король?
— Король этот правил много лет,— продолжал старик,— но правил незаконно.
— Стоп!—перебил его председатель.—Правила судопроизводства не допускают намеков и запрещают пропаганду. Имеешь ли ты еще что-нибудь нам сказать?
— Тогда я расскажу вам о том, что придумал волк, чтобы съесть ягненка...
— Это всем известно. Об этом еще Колокотронис рассказывал своим судьям!
Объявили перерыв, и Петруласу захотелось узнать, о чем рассказывал морейский старец и что это был за суд. Если бы можно было спросить капитанов, они все прекрасно объяснили бы ему, на этот счет они мастаки. Но спрашивать их нельзя.
К счастью, нашелся один жандарм, который знал историю Колокотрониса.
— И, говоришь, его осудили?
— Приговорили к смертной казни!
— За что?
— За шпионаж в пользу русских.
— Самого Колокотрониса? Который разбил турок?
— Сперва его осудили, а потом король Оттон помиловал.
— Стало быть, разобрались и нашли ошибку?
— Так ведь то был Колокотронис!
— Да, но судьи-то его осудили...
— Тогда правили баварцы, понимаешь, в чем дело...
— Ладно, кум, а что хотел сказать старик, когда говорил председателю о волке?
— Который съел овцу?
— Он говорил: ягненка...
— Волку, понимаешь ли, захотелось его съесть, и он выдумал, будто тот мутит ему воду...
— Волку!.. Ха!.. Вот черт! Ну и хитер старик!
— Ста-а-арый коммунист!
— Посмотрим теперь, что скажут капитаны.
— Говорят, их будут слушать завтра.
К Ларисснносу опять пришел брат. Петрулас видел его, но сделал вид, что не заметил. Пусть братья побеседуют, ведь говорят они о семейных делах.
Ему было видно, как они протягивали друг другу руки через головы других обвиняемых.
— А мать не приехала...
— Нельзя, Лефтерис, совершенно невозможно.
— Процесс не сегодня-завтра кончится.
— Понимаю. И ей хотелось приехать, очень хотелось...
— Через три-четыре месяца, если, конечно, мне сейчас не снимут голову,— сказал Ларисснинос и улыбнулся,— намечено провести еще один процесс в Янине, так защитники говорили. Может быть, тогда, а?

К 75-летию со дня смерти Эжена Потье, автора «Интернационала».

ВСЕ ДЕЛАТЬ НАДО СНОВА

Эжен ПОТЬЕ

Гражданину Лисбонну [1]
при его возвращении с каторги.

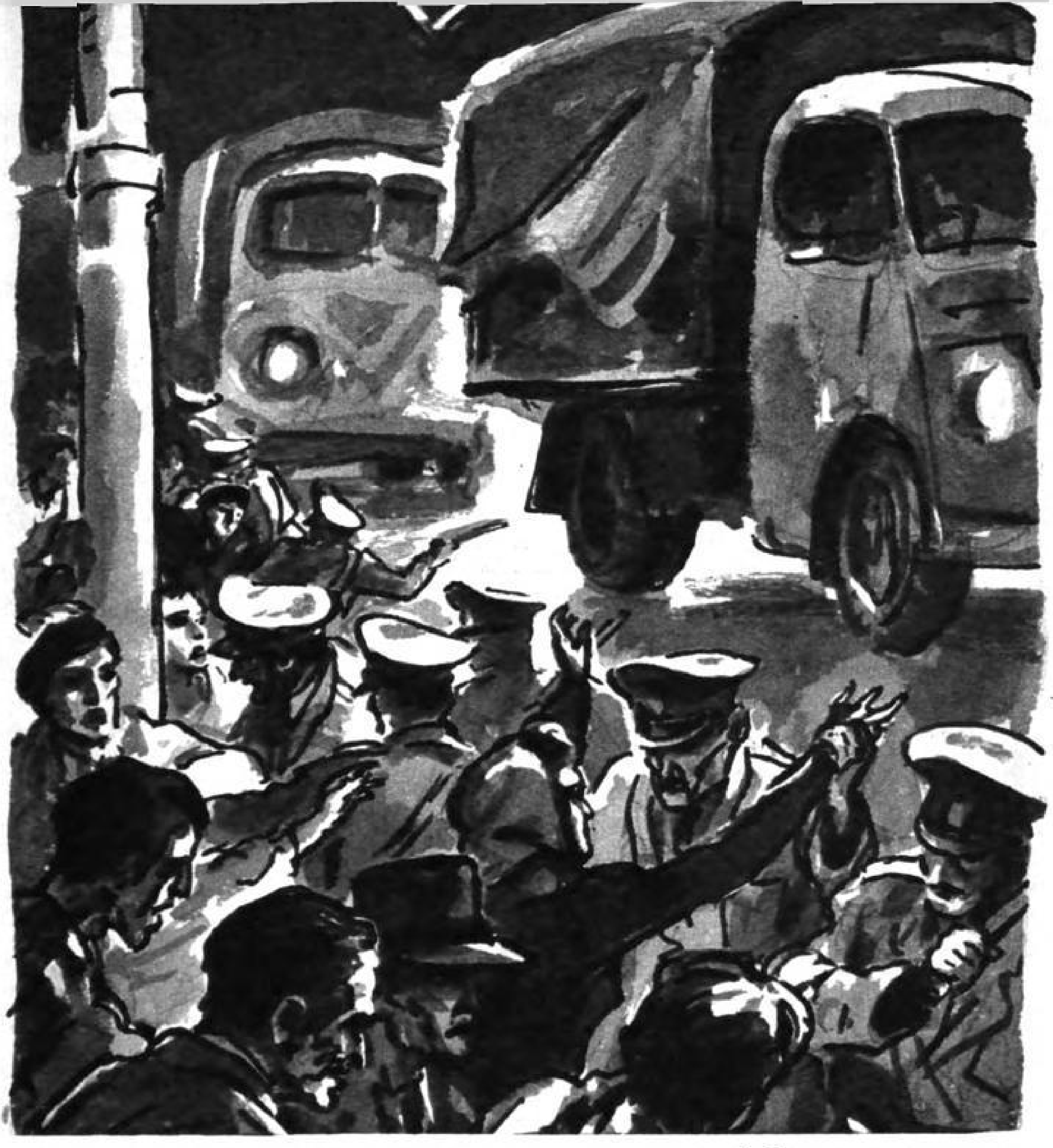
Храбрец, ты через десять лет
Вернулся из изгнанья.
Воздушных замков наших нет —
Одни воспоминанья.

Что Франция? Она
Прогресс признать должна,
Но долго ждать готова.
Жизнь прежняя вокруг,
И нам, отважный друг,
Все делать надо снова.

Тьма государственных людей,
Как трутни, грабят улей.
Чиновники любых мастей
Бюджет страны раздули —
Надули, как шары,
Что ввысь летят, быстры,
Средь неба голубого...
Жизнь прежняя вокруг,
И нам, отважный друг,
Все делать надо снова.

Все так же бедняки живут
Под властью капитала.

[1] Максим Лисбонн — полковник Парижской коммуны, отличавшийся исключительной храбростью. Был сослан в Новую Каледонию.

— Будем надеяться, может, и погода наладится.
Судебный пристав позвонил в колокольчик.
— Я ухожу, Лефтерис...
— Слушай, передай матери...
Публика, защитники и обвиняемые встали, в зал один за другим входили судьи. Они были серьезны и строги от сознания того, что в их руках тридцать шесть жизней.
— Слушаю!
— Матери передай...
— Ш-ш-ш-ш-ш...
Что хотел передать Ларисcинос своей больной старушке матери?

Вечером, когда заседание суда кончилось, начальник хлопнул Петруласа по плечу.
— Везет тебе!
— А что, господин начальник?
— Двое вернулись нынче из отпуска!
Что теперь делать? Сказать, что ему хочется остаться? Он хотел, очень хотел сказать это, но... слава богу, не сказал.
Когда надо было выводить обвиняемых к машинам, прибыла полиция и стала расчищать дорогу. Собралось много народу: всем хотелось увидеть подсудимых. И опять поднялся крик.
На обвиняемых надели наручники.
— Покурите пока,— сказал начальник.— Подождем немного.
Взяв с собою несколько жандармов, он вышел на улицу.
В тесной комнатушке сидели три капитана, у дверей стоял Петрулас.
— О чем там кричат? Тебе не слышно?
Это спросил Ларисcинос, выглядывая из окошечка.
— Не слышно, дядя Лефтерис.
— А-а, земляк! Так ты и не сказал мне, откуда родом.
— Из Ренеси я!
— Да ну! Чей же ты?
— Петрулас. Помнишь деревню, дядя Лефтерис?
— Так ведь и я оттуда ж, сынок, из соседней деревни — Айя Варвара.
— Я знаю!
— И через Ренеси часто проходил.
— Знаю...
— Помнишь?
— Нет, дядя Лефтерис, я тогда был маленький!
— Ну, конечно! Сколько тебе сейчас?
— Двадцать три! Тридцать седьмого года рождения!
— Давно в жандармерии?
— Полтора года, дядя Лефтерис! А... что мне было делать?
— Ну да... Что ж, где бы человек ни был, лишь бы остался человеком...
— Завтра я еду в деревню, дядя Лефтерис! В отпуск, на восемь дней.
— В Ренеси? Завидую я тебе... Как тебя зовут-то?
— Андреас.
— Эх, Андреас, если бы ты только знал, как я тебе завидую! Давно ты не был в деревне?
— Очень давно, дядя Лефтерис. Уже полтора года...
— Ну, это не так уж много. Кто у тебя там, в деревне?
— Мать у меня и невеста... Хочешь, я зайду в Айю Варвару, дядя Лефтерис? Если хочешь, я зайду.
— Зачем это?
— Пойду к твоей матери и передам ей все, что хочешь!
— Что ей передавать? Ничего не надо.
Петрулас посмотрел на него. Помолчал.
— Ладно, дядя Лефтерис. Я думал... ну, да ладно!
— Впрочем, если тебе случится побывать там, зайди и передай привет...
— Зайду! Клянусь памятью отца моего!
— Скажи ей, чтобы не расстраивалась. Я чувствую себя хорошо, здоровье у меня железное. А об остальном пусть не беспокоится, все будет хорошо. Пусть только бодрости не теряет, так, мол, велел передать Лефтерис. Смотри только, говори при ней Лефтерис, а не дядя Лефтерис! К чему пугать старушку! Хоть ты и видишь, что волосы у меня седые...
— Черные, скажу я ей!
— Вот и молодец!
С улицы донесся голос начальника:
— Вперед! Машины по очереди!
— Схлынуло наводнение? — крикнул один из обвиняемых, и остальные засмеялись.— Плотина в порядке?
Полицейские оцепили проход, пропуская машины с охраной. Не смолкали крики людей, оттесненных полицейскими на тротуары.
Была ночь, лил дождь, на улицах горели фонари. На мокром асфальте отражались кокарды и пуговицы полицейских. Ревели моторы, на брезент автомашин и на асфальт потоками лилась вода. Но все равно голоса проникали в автомашины, увозившие обвиняемых в тюрьму. Жандармы не различали отдельных голосов, сливавшихся в сплошной гул, но по опыту предыдущих дней знали, что толпа у здания суда настойчиво требовала справедливости к обвиняемым.
В их машине горели четыре тусклые лампочки. Трое обвиняемых, как обычно, болтали с охраной, и Петрулас опасался, как бы Ларисcинос не заговорил с ним при других.
Но тот все понимал и молчал.

Перевела с греческого
Т. Кокурина.

Рабочим за тяжелый труд,
Как раньше, платят мало.
Вот пролетарий. Он
Насущного лишен,
Его нужда сурова.
Жизнь прежняя вокруг,
И нам, отважный друг,
Все делать надо снова.

Нас убивают дым и чад —
Вампиры паровые.
Хозяев стачки не страшат —
Расстрелы не впервые...
С киркою с давних пор
Ты под землей, шахтер,
Но на земле — без крова.
Жизнь прежняя вокруг,
И нам, отважный друг,
Все делать надо снова.

Все так же духовенство лжет
Хвастливо и упорно.
И знает бог, какой доход
У этой стаи черной.
Кретинов создают,
Морочат глупый люд:
Дурачить им не ново.
Жизнь прежняя вокруг,
И нам, отважный друг,
Все делать надо снова.

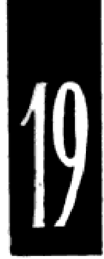
И генералы — что ж, они
Сдаваться лишь умели,
Но повторили б в наши дни
Кровавые недели.
В их «славные» дела
Мильера[2] казнь вошла.
Их лавр в крови багровой.
Жизнь прежняя вокруг,
И нам, отважный друг,
Все делать надо снова.

Ось этой жизни — ложь одна.
Чтоб вырваться из ада,
Переменить не имена,
А жизнь, по сути, надо.
И справедливый бой
Поставит шар земной
Правдивости основой.
Жизнь прежняя вокруг,
И нам, отважный друг,
Все делать надо снова.

Лаваллуа-Пэррэ, 1880.

[2] Член Парижской коммуны, расстрелянный версальцами. Последними его словами были: «Да здравствует человечество!»

Перевел с французского
Александр Гатов.

19 ноября 1915 года властями штата Юта был расстрелян Джо Хилл. Он был осужден по обвинению в убийстве лавочника. С момента ареста до дня казни прошло почти два года. За это время имя Джо Хилла стало известно миллионам людей всего мира. Борьба за свободу Джо Хилла получила поддержку сотен тысяч людей, которые были уверены в его невиновности. Его «дело» было состряпано властями так же, как и «дела» Тома Муни, Сакко и Ванцетти и многих других. Его расстреляли за то, что он был Джо Хиллом—профсоюзным активистом, рабочим поэтом, автором песен, в которых звучал голос рабочего класса, песен, которые пели и поют сегодня в пикетах забастовщиков и на профсоюзных собраниях, на митингах и в рабочих семьях всей Америки.

За гробом Джо Хилла шло около тридцати тысяч человек. Один репортер писал: «Что это за человек, чья смерть отмечается песнями восстания и повергает в траур больше людей, чем смерть любого принца или монарха?» Другой сообщал: «Весь город все еще не может понять, что это за люди, которые выражают свой траур ярко-красным цветом вместо мрачного, черного и которые провожают своего павшего товарища-рабочего в последний путь, распевая боевые песни вместо погребальных песнопений скорби».

О героической жизни и смерти борца за дело рабочего класса в Америке рассказывает книга записок Барри Стейвиса «Человек, который никогда не умирал». Название это перекликается со словами песни о Джо Хилле, которую поет Поль Робсон: «Я вечно буду жить».

Эпиграфом к своему произведению Стейвис взял концовку одного из выступлений на митинге протеста в ночь перед казнью Джо Хилла:

«...Джо Хилл никогда не умрет!
Вы слышите это, все вы? Джо Хилл никогда не умрет!»

Джо Хилл не умер — он стал символом рабочего класса, и его невозможно убить, так же как невозможно уничтожить рабочий класс. И если забастовщики в США поют сегодня песни, то можно не сомневаться, что среди них обязательно будет песня о штрейкбрехере Кэйси Джонсе — песня Джо Хилла. Когда студенты в мае 1960 года в Сан-Франциско пришли с протестом в комиссию по расследованию антиамериканской деятельности и, сопротивляясь нажиму полиции, запели: «Нас не сдвинешь! Мы как дуб могучий у реки»,— это тоже была песня Джо Хилла.

В книге «Человек, который никогда не умирал» есть глава «Последний день Джо Хилла», сокращенный перевод которой мы публикуем.

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ НИКОГДА НЕ УМИРАЛ

В последний день жизни Джо Хиллу нужно было многое сделать. Он послал ряд телеграмм профсоюзным организациям и отдельным лицам по всем Соединенным Штатам. Все эти послания были пронизаны одной мыслью: «Не плачьте обо мне. Организуйтесь!»

Он протелеграфировал Элизабет Гарли Флинн:

«СОЧИНИЛ НА ПРОШЛОЙ НЕДЕЛЕ НОВУЮ ПЕСНЮ С МУЗЫКОЙ, ПОСВЯЩЕННУЮ ГОЛУБЮ МИРА. ОНА ПОСЛАНА ВАМ. А ТЕПЕРЬ ПРОЩАЙТЕ, ГАРЛИ, ДОРОГАЯ. Я ЖИЛ, КАК БУНТАРЬ, И УМРУ, КАК БУНТАРЬ».

Две телеграммы были отправлены Уильяму Хэйвуду в чикагский центр профсоюза. Первая гласила:

«ПРОЩАЙ, БИЛЛ. Я УМРУ, КАК ИСТИННЫЙ, ЧИСТОКРОВНЫЙ БУНТАРЬ. НЕ ТРАТЬТЕ ВРЕМЯ НА ОПЛАКИВАНИЕ. ОРГАНИЗУЙТЕСЬ».

...В этот день Джо Хилл дал интервью репортеру газеты «Геральд Рипабликэн», крайне враждебно относившейся к Джо в течение всех двадцати двух месяцев его заключения в тюрьме.

«...Хиллстром [1] не отказывался от ответа ни на один вопрос. Не проявлял он также нерешительности или стремления уклоняться от прямого ответа или выбирать слова...

В коридоре сидел стражник на деревянном стуле. Репортер и тюремщик должны были стоять на расстоянии шести футов от двери в камеру Хиллстрома, за двумя решетками, расположенными между заключенным и всеми другими людьми.

Хиллстром прислонился к двери камеры и оперся руками на прутья решетки. Он был одет в темно-синюю рубашку, куртку и брюки из грубой ткани. Ворот его рубашки был расстегнут, на шее аккуратно повязан белый шелковый платок.

Хиллстром не проявлял никаких признаков физической надломленности, нервозности. Его руки, продетые сквозь решетку, были спокойны.

Во время интервью его глаза были ясными, яркими и умными, и он ни разу не отвел их.

...Чувство юмора не покидало его, он широко улыбался в ответ на какой-нибудь особенно вызывающий вопрос...

Хиллстром производил впечатление уверенного в себе человека с ясным умом, возвысившегося над собственной смертью, которая, он знал, приближается с каждой минутой. Ничто в его поведении не указывало на жажду мести, бахвальство или раскаяние. Видно было, что им владеет дух уверенности и оптимизма...

Единственный раз он проявил едва уловимое волнение и глаза его увлажнились, когда он заявил, что в одной из заметок в газете по ошибке напечатали, что его мать жива. Она умерла, сказал он... Он также проявил волнение, когда попросил корреспондента напомнить о его просьбе бывшему судье О. Н. Хилтону из Денвера [2].

— Мой ум ясен и тверд. Физически я ослаб в тюрьме, от меня остались одни кости. Отсутствие физических упражнений давно уже лишило меня аппетита, а мои мускулы стали вялыми. Я не думаю, что теперь был бы способен на значительное физическое усилие... Моя ситуация, как вы ее называете, не беспокоит меня ни в малейшей степени... Я хорошо спал все это время, а сегодня, знаю, я буду спать крепче, чем спал когда бы то ни было раньше.

Затем Хиллстрому был задан вопрос: не предпочел ли он виселицу расстрелу, если бы в последний час ему предоставили такую возможность?

— Я избрал расстрел,— ответил он,— потому, что так умирают воины. Я являюсь жертвой неправедного суда и несправедливости.

Всю свою жизнь я справедливо относился ко всем. Я могу искренне сказать, что никогда в своей жизни не сделал ничего такого, о чем мог бы теперь пожалеть... Что касается моего процесса, я все сказал в заявлении, сделанном мною для печати... Процесс вели так неправильно, подло и так все перепутали в нем, что он вызвал во мне отвращение...

Почему должен я теперь делать заявление относительно своего местопребывания в ту ночь? Даже если бы я сделал такое заявление, оно было бы бесполезным, так как оказалось бы неподтвержденным... Я уверен, что моя невиновность была и может быть доказана снова другими средствами.

...Я хочу сделать завещание и пошлю его в свет через Эда Роуэна и моих друзей из ИРМ [3]».

Затем Хиллстром сел на край своей койки и написал прощальные слова, обращенные ко всему миру:

Мое завещание

Нетрудно мне составить завещанье —
Имущество не тяготит меня:
Я в жизни не гонялся за вещами,
Из-за которых ссорится родня.
Мой труп? Ну что ж! Сожгите труп мой тощий,
Чтоб разлетелась легкая зола
По ветру вдаль — в леса, поля и рощи —
И землю удобрить собой могла;
Чтоб где-нибудь увядший на поляне
Цветок вдруг ожил и набрался сил...

Вот вам мое последнее желанье.
Живите. Будьте счастливы!
Джо Хилл [4].

В письме к Элизабет Гарли Флинн, датированном 27 декабря 1915 года, Эд Роуэн описал свое посещение Джо Хилла в ночь перед казнью:

«Я посетил его вечером накануне его смерти. Он был очень рад нашему приходу и отдал мне на память шелковый платок, который носил на шее... Он благодарил нас за то, что мы до последней минуты боролись за его спасение, и очень беспокоился, чтобы мы не похоронили его здесь. Я заверил его, что мы, конечно, выполним его волю. Затем он передал мне свое «Завещание», обращенное ко всему миру, говоря при этом, что мы должны... продолжать доброе дело и забыть о нем, Джо Хилле. Мы не могли пожать ему руки через две решетки, так что он сжал свои руки и потряс ими, говоря: «Прощайте, ребята!»

Около десяти часов вечера он написал свое последнее письмо. Оно было адресовано Элизабет Гарли Флинн:

«Я просто не могу удержаться, чтобы не послать Вам еще несколько строк, потому что Вы были для меня больше, чем товарищем по совместной борьбе, Вы были моим вдохновением, и, когда я сочинял «Девушку-бунтарку», Вы были около меня и помогали мне все время. Так как Вы подали мне идею, я передаю Вам теперь, когда меня уже нет, все права на эту песню...»

[1] Настоящая фамилия Джо Хилла.

[2] Газета «Телеграм» от 20 сентября сообщала: «Судье О. Н. Хилтону из г. Денвера, своему защитнику, Хиллстром вчера поверил свое желание появиться перед строем стрелков без повязки на глазах. Он желает пройти к смертному стулу самостоятельно, без посторонней помощи и хочет, чтобы его не привязывали к стулу и не завязывали ему глаза во время расстрела».

[3] «Индустриальные рабочие мира».

[4] Перевод С. Болотина и Т. Сикорской.

Перевод Б. Завадского.

Уголок выставки «Химия в быту». Фото А. БОЧИНИНА и Д. УХТОМСКОГО.

Приспособился к моде.
Рисунок Г. Пирцхалава.
Тбилиси.

— Что ты делаешь?
— Учу Рябку дачу стеречь.
Рисунок К. Зарубы.
Киев.

Производственная гимнастика.
Рисунок Н. Кобара.
Бухарест.

— Ты говоришь, начальником стал?

— Нашего отдела?

— Что вы говорите?!

Рисунок Н. Гурло.
Минск.

Подводные земледельцы.
Рисунок Л. Самойлова.

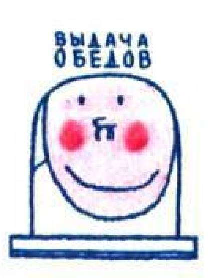

Кибернетическая пишущая машинка критика.
Рисунок Л. Самойлова.

Посрамленный джин.
Рисунок Ю. Черепанова.

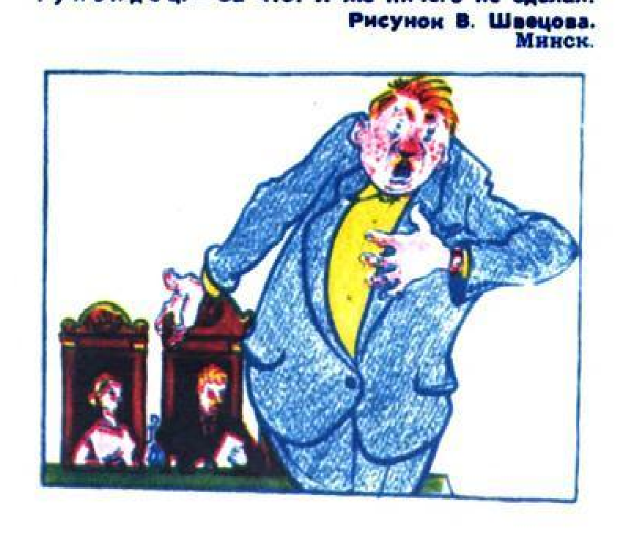

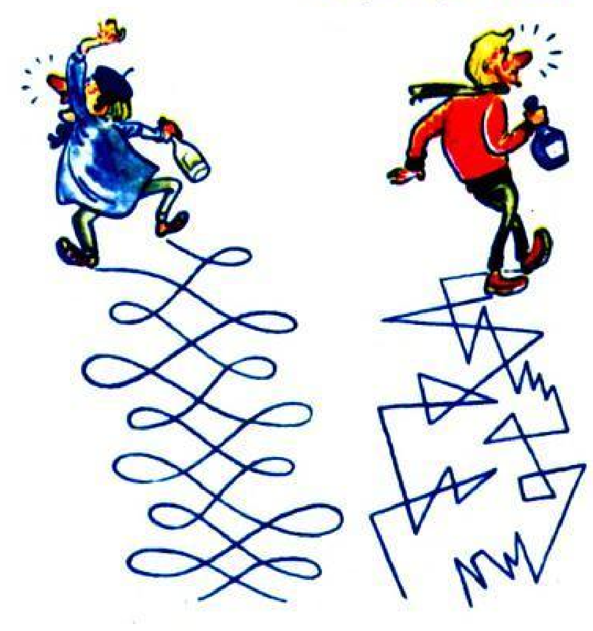
Без слов.
Рисунок М. Вайсборда.

10 ноября — День советской милиции.
Перед балом...
Рисунок М. Ушаца.

Тунеядец.— За что? Я же ничего не сделал!
Рисунок В. Шевцова.
Минск.

Во всем — творческая индивидуальность.
Рисунок Гр. Оганова.

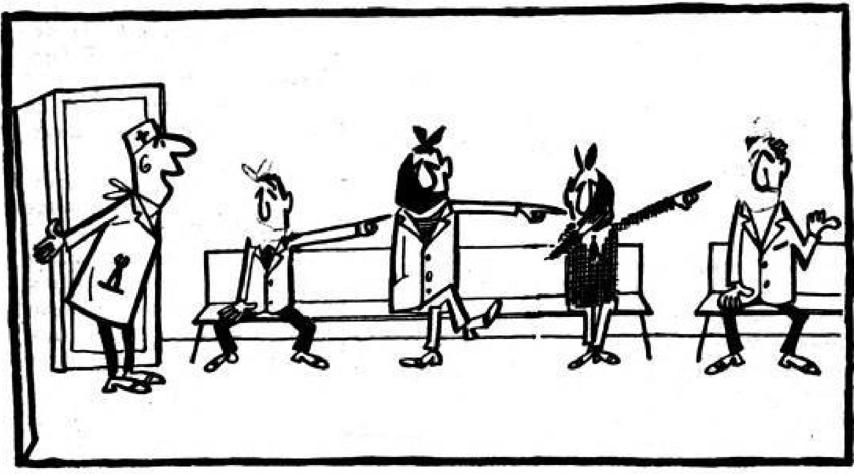
В недалеком будущем.
Грибной радиус.
Рисунок И. Массины.

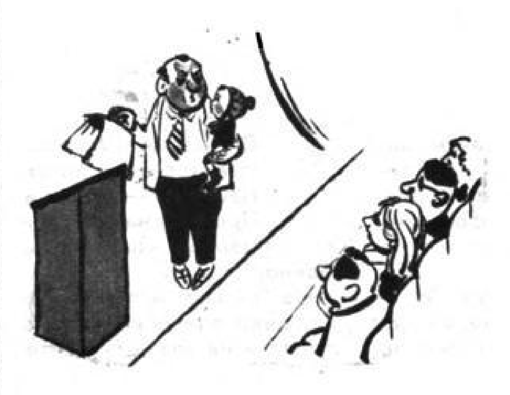
Жизнь или адрес портнихи!
Рисунок В. Дрогалина.

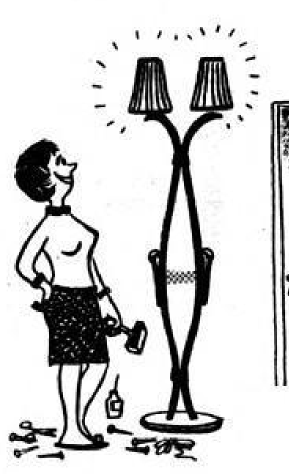
Когда не хватает песен для детей.
Рисунок Н. Гурло. Минск.

Страх...
— Кто следующий?
Рисунок Р. Овивяна.

— Опять ты забыл отнести меня в детский сад.
Рисунок В. Воеводина.

— Ты не видела мои лыжи?
Рисунок М. Каширина.

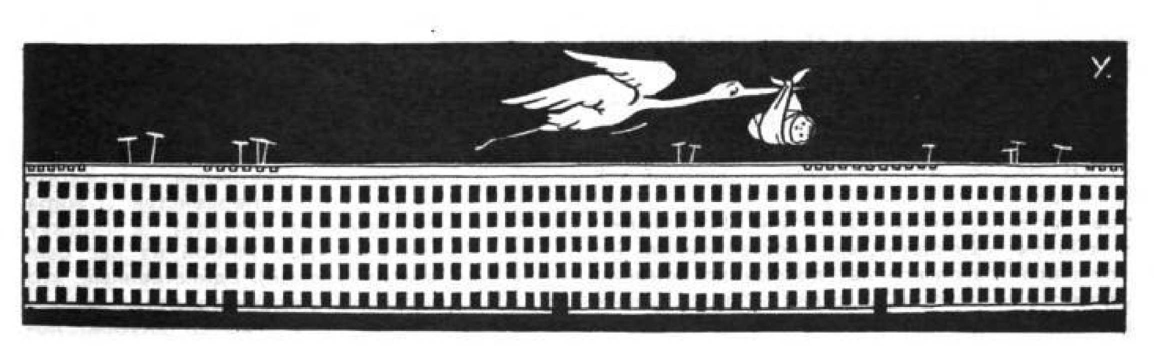
— Извините, к вам так трудно попасть.
Рисунок Х. Хинбуса. Таллин.

На далекой планете.
— Алло, у меня весь штат разлетается, сила притяжения мала.
Рисунок Е. Горохова.

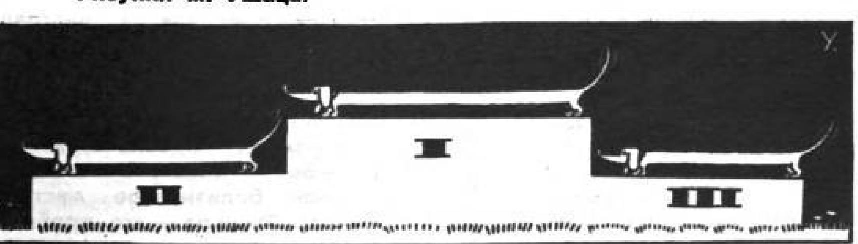

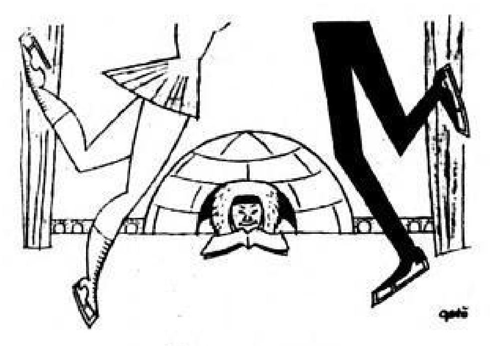
— Не выпускай меня, старче, назад в речку!
Рисунок Бе-ша. Киев.

Победители конкурса.
Рисунки М. Ушаца.

Длинный юмор.
— Не ошибиться бы.

Балет на льду.
Рисунок Шандора Герэ. Будапешт.

СЕГОДНЯ У НАС В ГОСТЯХ:
юмористы, сатирики, карикатуристы Украины, Белоруссии, Грузии, Польши, Чехословакии, Италии.
Театр миниатюр «Огонька» на гастролях в Будапеште и в Бухаресте.

«...КОМПОЗИТОР ОПЕРНЫЙ, РУССКИЙ»

К 75-летию со дня рождения Ю. А. Шапорина

Когда-то Шостакович назвал Шапорина продолжателем русского «богатырского» симфонизма. Это удивительно верное наблюдение.

Действительно, Шапорин вдохновляется большими патриотическими темами, событиями, имеющими в истории русского народа первостепенное значение. Но, обращаясь к славным страницам прошлого, композитор оживляет их нынешним дыханием. Так писали русские музыканты-классики. И Шапорин верен этой традиции.

Наследство это он принял как бы из первых рук. Много десятилетий назад его благословил Александр Глазунов, а учителями Шапорина были воспитанные Н. А. Римским-Корсаковым М. Штейнберг и Н. Соколов.

Не меньшую роль в формировании Шапорина-музыканта сыграла, мне кажется, русская литература — писатели, с которыми он всегда был дружен.

Композитор встречался с Горьким, Алексеем Толстым, Блоком, Фединым... Когда Константин Александрович Федин работал над романом «Братья», одним из главных героев которого является композитор Никита Карев, этот большой мастер прозы обратился за помощью к своему другу Шапорину. Может быть, немногие помнят, что одна из глав его романа — «Симфония Никиты Карева» — написана Юрием Александровичем Шапориным...

Содружество Шапорина с Блоком началось еще в 1918 году. Молодой композитор, увлеченный стихотворным циклом Александра Блока «На поле Куликовом», мечтал переложить его на музыку. Шапорин познакомился с поэтом и просил его о сотрудничестве. И хотя Шапорин был тогда лишь начинающим композитором, Блок согласился. Вскоре поэт переделал специально для будущей симфонии-кантаты свое стихотворение «Я живу в отдаленном скиту» и по указанному Шапориным размеру написал текст для центральной части произведения — хора татар: «Идут века».

Над симфонией-кантатой «На поле Куликовом» Шапорин работал около двадцати лет. Конечно, за это время он создал и многое другое: романсы, симфонии, сюиту «Блоха», две фортепьянные сонаты, наконец, музыку ко многим драматическим спектаклям и кинофильмам. Но все эти годы он вынашивал замысел кантаты. Вообще надо сказать, что Шапорин принадлежит к числу художников, которые работают с удивительной тщательностью и судят свое творчество строже любых критиков. Нередко он возвращается к написанному и ищет новое решение.

Я много раз пел партию Димитрия Донского в кантате и каждый раз, воссоздавая образ русского полководца, испытывал глубокое удовлетворение. Ответная реакция зала убеждала меня в том, что патриотические чувства, с огромной силой выраженные в кантате, получают горячее одобрение слушателей.

Композитор нашел удивительно верный музыкальный «эквивалент» литературному первоисточнику. Когда я пел:

О Русь моя! Жена моя! До боли
Нам ясен долгий путь!
Наш путь — стрелой татарской древней воли
Пронзил нам грудь,—

то чувствовал, что мелодия и слова сливаются воедино.

Не только история вдохновляет Шапорина на большие эпические произведения. Мне случайно попался на глаза пожелтевший от времени июльский номер газеты «Советское искусство» за 1941 год. В эти грозные дни композитор писал:

«...Как непосредственный живой, творческий отклик этих дней, зреют замыслы более крупных по форме, более сложных и емких по содержанию произведений. За отдельными подвигами, за именами отдельных храбрецов должны встать обобщенные, классически ясные, кристальные образы героев народной войны».

В эти годы композитор создает ораторию «Сказание о битве за русскую землю». В ней я неоднократно исполнял партию Воина. В арии, написанной на стихи Константина Симонова («Письмо к другу»), я хотел передать чувства простого русского солдата, защитника Родины, необоримую силу его любви к отчизне.

В начале тридцатых годов академик Асафьев писал Шапорину: «Атмосфера в Москве и в Большом театре как раз для оперы в масштабах Вашего дарования (пластичный, ясный мелос, большой план, сочные контуры, здоровые выдумки и т. д.) ...Я убежден, что Вы, композитор оперный, русский и что Вы можете создать ценное произведение».

Прошло много лет. И Шапорин, словно оправдывая предсказание Асафьева, принес в наш театр оперу «Декабристы». Мне поручили партию Бестужева. Юрий Александрович бывал на репетициях; работать с ним было интересно, приятно и легко. Он передавал нам свою неиссякаемую энергию и упорство, покорял обаянием. Мы часто спорили, но без этого, как известно, не рождается истина и особенно в искусстве. Должен сказать, что маститый автор всегда внимательно выслушивал наши пожелания и всегда шел навстречу исполнителям.

Состоявшаяся в конце сезона 1952—53 года премьера «Декабристов» стала событием музыкальной жизни. С тех пор опера эта, полная героического пафоса и пленительной лирики, не сходит со сцены.

Вскоре после премьеры Дмитрий Шостакович писал: «Опера «Декабристы», поставленная на сцене лучшего театра страны, доходчиво доносит до слушателей волнующий рассказ о благородном порыве первых русских революционеров, выражает силу духа русского человека, красоту его характера. И потому она пробуждает у зрителей горячие, прекрасные чувства...»

Шапорину 75 лет. С трудом веришь в это. Каждая встреча с композитором — в рабочей ли обстановке, или даже случайно, на улице — всегда приносит какое-то необыкновенное ощущение жизнерадостности. И хочется сказать ему: оставайтесь на долгие годы таким же молодым, дорогой Юрий Александрович!

Иван ПЕТРОВ,
народный артист СССР

Сало ФЛОР,
международный гроссмейстер

Ботви

Народ чудесной Болгарии отвоевал у моря за какие-нибудь четыре года замечательный кусок земли — Золотые Пески. Здесь наслаждаются отдыхом люди из разных стран. И в таких прекрасных условиях шахматисты 37 стран отметили свой шахматный праздник — XV олимпиаду.

В «Касино», где велась спортивная борьба, было на что посмотреть. В центре внимания, естественно, оказались такие выдающиеся шахматисты, как М. Ботвинник, Б. Спасский, П. Керес, М. Таль, Т. Петросян, Е. Геллер, М. Эйве и М. Найдорф,— но разве всех перечислишь! Ведь участников было больше двухсот.

Бесспорно, что одной из центральных фигур на олимпиаде оказался Роберт Фишер, юный чемпион США. Как и во многих других турнирах, Бобби Фишер снова оказался героем разных приключений за шахматной доской и за кулисами. В качестве наблюдателя «Огонька» и главного арбитра олимпиады я особенно внимательно присматривался и прислушивался к Фишеру. До встречи с ним в Болгарии мне казалось, что шахматный мир уже привык к «сенсационным» интервью Фишера, к его капризам, к его невероятной самовлюбленности и болезненной самоуверенности. Но в Золотых Песках Боб Фишер снова поразил всех.

Когда речь заходит о Фишере, любой эксперт вам скажет: «Роберт Фишер — крупный шахматный талант». Это совершенно верно. Но, видимо, когда бог наделял людей скромностью, предки Бобби отсутствовали. Бобби Фишер «принципиально» ни с кем не здоровается. Он говорит, что прочитал в какой-то книге, что женщина должна здороваться... первой. Что же касается мужчин, то и они должны здороваться первыми с «вундеркиндом» Америки.

Никто из советских гроссмейстеров не утверждал, что Кубок командного первенства мира обязательно попадет в Москву (хотя в душе любой из нас был в этом уверен). Единственный, кто «точно» предсказал исход олимпиады, был Фишер. «Кубок поедет в Нью-Йорк!» — заявил он. Чем кончилась олимпиада, известно всем: кубок в Москве, серебряные медали в Белграде, бронзовые в Буэнос-Айресе, а американцы заняли четвертое место.

П. Керес шутил: «Американскую команду подвела первая доска — Бобби Фишер».

Самое болезненное место у Роберта Фишера — это проблема

первенства мира. Собственно говоря, «проблемы» здесь для него не существует: молодой гроссмейстер считает себя уже... чемпионом мира. И вот вместо того, чтобы помочь молодому чемпиону излечиться от мании величия, находятся журналисты, которые подхватывают болтовню юного гроссмейстера.

В Золотых Песках Фишер счел возможным повторить, что Ботвинник уже стар, что он ослабел и что в матче из 24 партий он, Фишер, даст ему два очка форы и легко у него выиграет! Мы пишем «повторил», потому что не так давно было опубликовано в английской газете «The People» его нахальное заявление. Больше того, газета сочла возможным развить мысль Фишера и отправила телеграмму Ботвиннику такого содержания: «Фишер на весь мир заявил, что он Вам дает два очка форы. Редакция согласна взять на себя все расходы и провести этот матч в Лондоне. Сообщите Ваше согласие».

Конечно, кроме иронических улыбок, эта глупая шумиха ничего не могла вызвать, но смех смехом, а мне, как главному арбитру олимпиады, предстоял очень тяжелый день: в предпоследнем туре должна была состояться встреча СССР—США. Этот

Cg4 : f3 13. g2 : f3 Лf8—d8 14. d4—d5 Kc6—e5 15. Kc3—b5 Фd6—f6 16. f3—f4 Ke5—d7 17. e4—e5...

Этот вариант защиты Грюнфельда вошел в теорию под названием «вариант Смыслова». Очень любопытную деталь сообщил нам М. Ботвинник после игры. Чемпион мира готовил вариант к своему матчу с В. Смысловым еще в 1953 году. На 17-м ходу Ботвинник оборвал свой домашний анализ и считал, что позиция в пользу белых. Прошло девять лет, а Ботвинник так ни разу и не применил «варианта Смыслова». И вот Болгария, Золотые Пески, и Роберт Фишер идет навстречу всем желаниям белых. Каково же было удивление Ботвинника и всех присутствующих, когда после семнадцатого хода белых Фишер ответил:

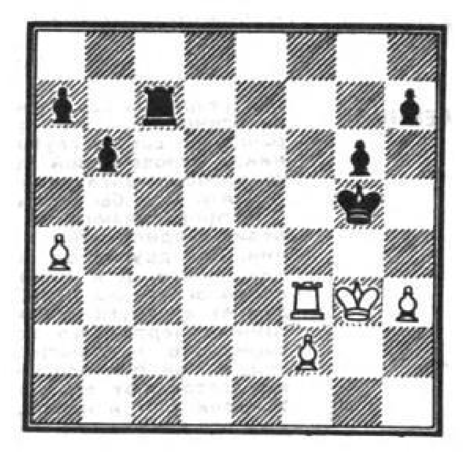
17. ... Фf6 : f4!

Это был для Ботвинника совершенно неожиданный ход. Чемпион мира «зевнул» его, работая над вариантом в своем домашнем кабинете. Не заметил этого тонкого хода и ряд гроссмейстеров в турнирном зале, которые считали, что у Ботвинника явное преимущество. Так Фишер за пять минут нашел то, чего недоглядели многие.

Этот небольшой эпизод подчеркивает, какой замечательный та-

эндшпиль. Фишеру надо бы играть 41... h5 или 41...Лb4.

42. Cc2 : e4 Лd4 : e4
43. Лc3—a3 Лe4—e7
44. Лa3—f3 Лe7—c7
45. a2—a4 ...

В этой позиции Фишер записал свой ход. Итак, партия была отложена, и Фишер, покинув турнирный зал, поторопился сделать такое заявление: «Ботвинник готов! Партия выиграна». Но советские гроссмейстеры совсем не так оценили эндшпиль. Добиться победы будет вовсе не так просто, как думает молодой Фишер.

ке момент капитуляции Ботвинника. Судьи вскрыли конверт, и все мы узнали, какой ход записал Фишер.

45. ... Лc7—c5
46. Лf3—f7 Лc5—a5
47. Лf7 : h7 Лa5 : a4
48. h3—h4 + Кpg5—f5
49. Лh7—f7 + Кpf5—e5
50. Лf7—g7 Лa4—a1
51. Кpg3—f3 b6—b5

В случае 51... Кpf6 52. Лb7 Лa5 53. Кpg4 b5 54. f4 возникает ничейная позиция. Фишер хочет отдать пешку на g6, чтобы быстрее продвинуть свою пешку b. Но Фишер не учел следующий ход Ботвинника. Анализ показал, что сложнее была задача белых после 51... Кpd5!

После окончания партии Ботвинник заявил, что анализ убедил всех наших гроссмейстеров в том, что уже отложенная позиция, несмотря на лишнюю пешку у черных, являлась ничейной! Этот факт еще раз подчеркивает ту легкомысленную поспешность, с которой чемпион США оценил отложенную позицию.

52. h4—h5! Лa1—a3 +
53. Кpf3—g2 g6 : h5
54. Лg7—g5+ Кpe5—d6
55. Лg5 : b5 ...

Важная пешка уничтожена. Теперь исход партии стал ясен всем.

...нник дает Фишеру фору

матч вообще-то ничего решить уже не мог, ибо к этому моменту сборная команда СССР фактически обеспечила себе первое место. Но матч вызывал огромный интерес по другой причине: за первую доску должны были сесть Ботвинник и Фишер.

За несколько дней до этой встречи Фишер сделал еще одно «сенсационное» заявление. «Партия не состоится, ибо Ботвинник от нее откажется!»—заявил юный оракул.

— Бобби, попробуйте все же иногда немного подумать, прежде чем говорить,— советовали Фишеру.— Вы же еще на свет не родились, когда Ботвинник уже побеждал более крупных шахматистов, чем вы сегодня.

Но эти советы пролетели мимо ушей чемпиона США.

...Конечно, Ботвинник от встречи с Фишером не отказался. И вот впервые маститый чемпион мира и молодой претендент на шахматную корону скрестили мечи. Началась волнующая партия, за которой следил, затаив дыхание, весь шахматный мир.

Партия Михаил Ботвинник — Роберт Фишер, как и следовало ожидать, протекала исключительно напряженно, нервно, с приключениями, с бессонной ночью. Но не будем забегать вперед. Вот как протекала борьба.

Защита Грюнфельда.

М. Ботвинник — Р. Фишер

1. c2—c4 g7—g6 2. d2—d4 Kg8—f6 3. Kb1—c3 d7—d5 4. Kg1—f3 Cf8 — g7 5. Фd1 — b3 d5 : c4 6. Фb3 : c4 0—0 7. e2—e4 Cc8—g4 8. Cc1—e3 Kf6—d7 9. Cf1—e2 Kb8—c6 10. Лa—d1 Kd7—b6 11. Фc4—c5 Фd8—d6 12. h2—h3

лант у Фишера. Но посмотрим, как дальше развивалась партия.

18. Ce3 : f4 Kd7 : c5
19. Kb5 : c7 Лa8—c8
20. d5—d6 e7 : d6
21. e5 : d6 Cg7 : b2

Итак, Ботвинник потерял пешку в борьбе с «самим» Фишером!

22. 0—0 Kb6—d7
23. Лd1—d5 b7—b6
24. Ce2—f3 ...

Ботвинник, естественно, разнервничался и не нашел лучшего продолжения. А оно было: 24. Cc4!.. После этого хода у белых появлялась достаточная компенсация за потерянную пешку. Теперь же дела белых ухудшаются с каждым ходом.

24. ... Kc5—e6
25. Kc7 : e6 f7 : e6
26. Лd5—d3 Kd7—c5
27. Лd3—e3 e6—e5
28. Cf4 : e5 Cb2 : e5
29. Лe3 : e5 Лd8 : d6
30. Лe5—e7 Лd6—d7
31. Лe7 : d7 Kc5 : d7
32. Cf3—g4 Лc8—c7
33. Лf1—e1 Кpg8—f7
34. Кpg1—g2 Kd7—c5
35. Лe1—e3 Лc7—e7
36. Лe3—f3 + Кp f7—g7
37. Лf3—c3 Лe7—e4

Сильнее было 37... Лe1.

38. Cg4—d1 Лe4—d4
39. Cd1—c2 Кpg7—f6
40. Кpg2—f3 Кpf6—g5

Проще было увести короля в центр, на e5 и затем на d6, и двигать свои пешки ферзевого фланга.

41. Кpf3—g3 Kc5—e4 +?

Легкомыслие молодости! Фишер меняет своего сильного коня на плохого слона белых и переводит партию в ладейный

Всю ночь шла «шлифовка». Ботвиннику помогали товарищи по команде, и особенно ценные советы, по словам Ботвинника, дал ему Е. Геллер. Утром я встретил чемпиона мира за завтраком (как главный арбитр я не имел права присутствовать при домашнем анализе) и, судя по хорошему настроению самого Ботвинника и капитана команды Л. Абрамова, понял, что борьба будет продолжаться. Я вспомнил Гронинген 1946 года, когда все считали, что Ботвинник в ладейном эндшпиле должен сдаться М. Эйве, но Ботвинник нашел спасение. Вспомнил я и Амстердам 1954 года, когда Ботвинник, играя в ладейном эндшпиле с В. Унцикером, без пешки свел партию к ничьей.

...И вот началось доигрывание. Кинооператоры и фотокорреспонденты заняли выгодные позиции, чтобы запечатлеть на плен-

55. ... h5—h4
56. f2—f4 Кpd6—c6
57. Лb5—b8 h4—h3 +
58. Кpg2—h2 a7—a5
59. f4—f5 Кpc6—c7
60. Лb8—b5 Кpc7—d6
61. f5—f6 Кpd6—e6
62. Лb5—b6 + Кpe6—f7
63. Лb6—a6 Кpf7—g6
64. Лa6—c6 a5—a4
65. Лc6—a6 Кpg6—f7
66. Лa6—c6 Лa3—d3
67. Лc6—a6 a4—a3
68. Кph2—g1

Ничья!

Поднявшись, Бобби что-то проворчал, всего несколько секунд позволил поработать кинооператорам и, прямо как ракета, вылетел из турнирного зала. Через несколько минут он был уже в гостинице и там не смог удержаться от слез. Фишер плакал настоящими крупными слезами, а капитан команды США успокаивал его, как маленького ребенка...

Болгария. Золотые Пески. На этом редком снимке вы видите чемпиона мира Михаила Ботвинника и чемпиона США Роберта Фишера впервые вместе за шахматной доской.

Степан ОЛЕЙНИК

ЮХИМ

Ограда. Система щеколд и запоров.
Разводы по ставням глухим.
Два пса на цепях. Три хавроньи и боров.
Живет здесь хапуга Юхим.

В сарае — мешки кукурузы, фасоли,
На поясе — связка ключей...
Хозяин ни дня не провел еще в поле,
Но много провел там ночей!

Во тьме загребущими шарил руками,
Хватало и нюха и сил:
В июле горох он таскал рюкзаками,
Весь август пшеницу носил.

Колхозной картошки вчера на закате
Черпнул тридцать третье ведро...
И свиньи, и шифер, и коврики в хате —
Все это ночное добро!

К ворюге, видать, в сельсовете привыкли:
Не раз отпускали «сухим»...
Нахапав, стал думать о мотоцикле.
Кататься желает Юхим!

...За то, чтобы не было сел небогатых,
Чтоб вы, хлеборобы-друзья,
Имели и «Волги» и шифер на хатах,
Всем сердцем, конечно, и я.

А раз уж Юхиму езда так приятна,
Пусть срочно прокатится он:
Отправьте на мотоцикле бесплатно
Его под охраной в район!

Перевел с украинского
Валентин КОРЧАГИН.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ КЛУБОК

Вита ЖИЛИНСКАЙТЕ

Юмореска

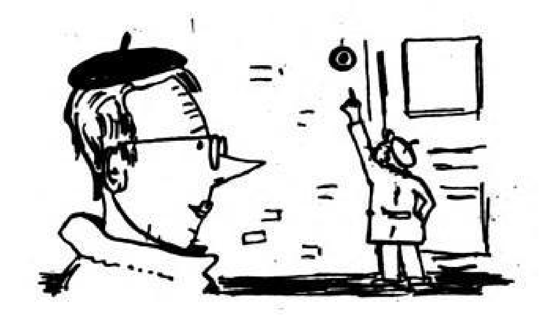
Я стараюсь все оценивать с психологической точки зрения. Добираюсь до самых глубочайших тайников человеческой души. И только, разобравшись, делаю выводы.

Взять хотя бы этот вечер.

Я прогуливаюсь по улице. Впереди вприпрыжку идет мальчик. Для других он просто мальчик, и все. Для меня же клубок психологических нитей. О чем он думает в это мгновение? О каких тайных чертах его характера говорит это подпрыгивание? Наконец, какие психологические мотивы заставляют его подпрыгивать? Ускоряю шаг и наблюдаю за каждым его движением.

Между тем мальчик, проходя мимо доски с плакатами, высоко подпрыгнул и сорвал один из них. Интересно, почему он сорвал именно этот плакат? Я поднял его и прочитал. Красные буквы призывали граждан бороться за порядок и красоту своего города. Каков же подтекст действия ребенка? Участвовало ли в нем сознание?

Неожиданно из ворот выбежал беленький щенок. Мальчик схватил щенка за хвост, тот жалобно заскулил. Он скулил, а у меня сно-

Александр КОВИНЬКА

КАМНИ ПРЕТКНОВЕНИЯ

Когда-то, давным-давно, лет двадцать, может, и тридцать тому назад, в реке Ворскле были обнаружены два камня.

Потрогали, пощупали и признали: исторические. И даже легенда вокруг этих камней родилась такая: будто один человек полез в воду и наступил пятками на камни. Вытащил, а на первом камне выбито долотом: «Быть по сему...», а на втором — «И были у кума пчелы...»

Начали исследовать, кто написал и когда написал.

Во главе исследовательской организации поставили директора, двух заместителей — по научной и по хозяйственной линии. Штат утвердили: старший научный сотрудник, младший научный сотрудник, референт, секретарь-машинистка и три сторожа с крюками и баграми. На случай, если, не дай боже, какой-нибудь камень исчезнет, чтобы баграми немедленно из ре-

ки Ворсклы вытащить новый экспонат и на веревке водворить его в экспозицию с надписью: «Этими камнями наши прапращуры груши сбивали...»

Словом, исследовали...

И работал в этом институте ночным сторожем один честный человек. Ночью сторожил и балансы подбивал, сколько государственных средств забирают эти дьявольские камни. Подбивал, подбивал и подбил: довольно-таки порядочно средств. И решил утопить их, окаянных! Пускай возвращаются на свое старое место. Пускай лежат лучше на дне, а то понапрасну только много денег загребают.

Однажды утром сторож так и сделал: утопил камни.

Теперь на том месте и на те деньги, что уходили на камни, школу построили. Пусть люди настоящей наукой овладевают.

Перевел с украинского
Е. ВЕСЕНИН.

ТМО на гастролях

ЛИЧНАЯ ПРОБЛЕМА

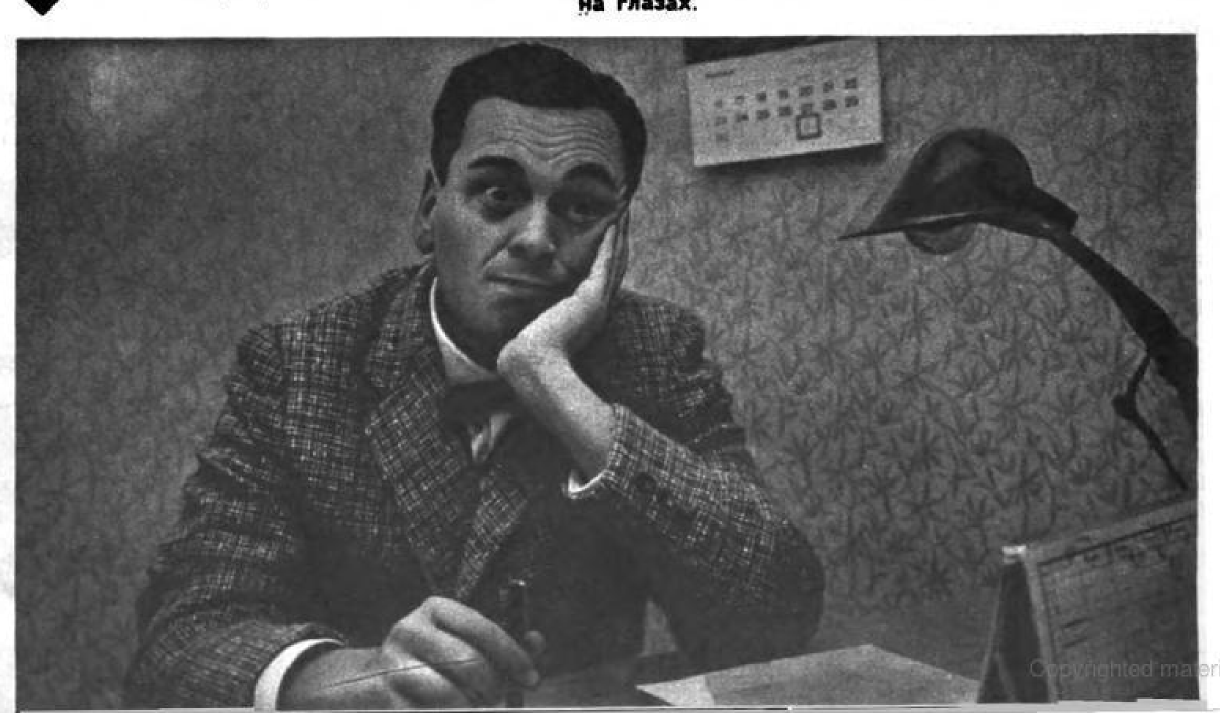
По рассказу Андраша КЮРТИ.

Режиссеры Тибор Фаркаш и Елена Тумаркина. Во всех ролях — заслуженный артист Венгерской Народной Республики Роберт РАТОНИ.

1.— Поглядите на Гедеона,— прошептал сотрудник начальнику отдела.— Вчера он еще шутил, был весел, а нынче сидит, уставившись в одну точку. По-моему, у него возникли проблемы личного характера.
— Что? И вы об этом докладываете только сейчас? Немедленно пошлите его ко мне! Речь идет о человеке!

2. Да, Гедеон в этот момент напоминал статую отчаяния. Он мучился и страдал у всех на глазах.

ва психологическое задание: что за странный рефлекс? Не успел я освободиться от очередной проблемы, как что-то хрустнуло. Это мальчуган сломал ветку каштана. Только я начал кропотливо анализировать это любопытное действие, как родился новый психологический момент. Сломанная ветка угодила в открытое окно. Послышался звон, женский визг...

А мой оригинальный объект уже нажимал звонок у чьей-то двери. Потом, оглянувшись, хитро подмигнул мне и исчез...

Тут же, словно из-под земли, появилась огромная фигура. Пока я анализировал психологические мотивы, побудившие ребенка нажать чужой звонок, мужчина схватил меня за шиворот.

— Наконец-то ты мне попался! — прогремел он.— Думаешь, если я дворник, то можно издеваться?!

К сожалению, такой психологической ситуации я не предвидел.

Вдруг что-то больно ударило мне в спину. Я оглянулся. Психологический клубок показывал мне язык из подворотни.

Перевела с литовского **Е. КАНТОР.**

Точность

Караман КИКВИДЗЕ

Мой приятель отличался большой точностью.

— Где почта? — спросили как-то его.

— Почта? Пройдете мост и завернете направо.

— А длинный мост?

— Около двадцати метров.

Прохожий поблагодарил и пошел к мосту. Он услышал за спиной топот.

— Стойте! — кричал мой приятель.— Вспомнил: длина моста — сорок метров. Остановите его! Ведь он пройдет двадцать метров, свернет направо, как я ему сказал, и с середины моста упадет в реку.

Тбилиси.

ЭРЗАЦ

Г. МЕТРЕВЕЛИ

Режиссер Отар Какауридзе не мог найти героиню для нового кинофильма. «Девушка должна быть бойкая,— размышлял он,— сложена, как тополь, голос — серебряные колокольчики, глаза искрятся, смех заразительный. И, кроме всего, отличная наездница. Но где найти такую?»

Зазвонил телефон.

— Здравствуй, Отар, это я.

— Здравствуйте, Самсон Карпович. И вы уже знаете? Хорошая девушка? Ваша родственница?.. Конечно, желающих много... Но я сам ее посмотрю.

Вечером Отар сидел в гостях у Самсона Карповича, пил чай. Вошла девушка.

— Вот и наша Джульетта,— сказал хозяин.— Ну как, нравится?

Отар будто хлебнул кипятку.

— Конечно, я не против,— заикаясь, сказал он,— но ведь один я решить ничего не могу...

— Даже не знаю, как помочь тебе с квартирой,— кисло проговорил Самсон Карпович.— Звонил всем знакомым, ничего не получается...

Режиссер сразу же изменил тон.

— Мне очень нравится, как она держит чайник,— бодро сказал он.— Изящество, грация... Приходи, Джульетта, на студию.

Джульетта просияла.

На другой день Отар представил Джульетту постановочной группе и потом пожинал горькие плоды.

— Боже мой, что за уродина!

— Какие холодные глаза!

— Голос, как у цапли!

— Типичная флегма!

— Не поймешь, смеется она или плачет.

— Несчастная, еле по земле ходит, куда ей на лошадь!

— Довольно! — прервал критиков режиссер.— Сегодня кино творит чудеса. Будут комбинированные съемки.

— Но что сделаешь с ее фигурой?

— Надену корсет.

— Рост?

— Партнеров поставлю далеко.

— Глаза?

— Во весь кадр широким планом — чужие глаза.

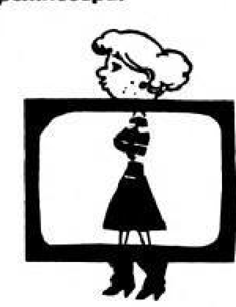
— Голос?

— Озвучит артист оперы!

— Смех?

— Артист драмы. На коня сядет мастер спорта. Снимать буду со спины. Танцевать вместо нее будет балерина.

Спор закончился в пользу главного режиссера.

Через полгода газеты писали о новом фильме. Критики в один голос отмечали: «...особенно следует сказать о том впечатлении, которое произвела на зрителя молодая способная актриса Джульетта. Ее вольтижировка, пляски, песни выше всяких сравнений. Это большая победа не только молодой актрисы, но и всей киностудии».

Тбилиси.

ГОРЯЧАЯ ВОДА

Басня

Владимир КОРБАН

Хозяйка вечером готовить ужин стала.
На примусе вода в кастрюле клокотала,
Кипела и бурлила так,
Что начал пар клубиться,
Густой, как дым, как мрак,
Еще, казалось, миг — и хата загорится.
Сто градусов — не забывай!
И вдруг вода как хлынет через край!
«Ах, батюшки! Беда! Тревога!
Пожарников, пожарников сюда!..»
Но это все-таки вода.
И страха от нее немного.
Хоть очень та вода и горяча была,
Зажечь пожар она, конечно, не могла
И залила лишь пол на кухне до порога...

Недавно делал мой дружок один доклад.
Как ни кричал он, как ни напрягался,—
Никто не загорался.
Наверно, тот доклад водою был богат,
Хоть и горячей.
Не иначе!

Перевел с белорусского **Б. КЕЖУН.**

ПРОИЗВЕДЕНИЕ

Ф. КРИВИН

Скромные однозначные числа Пять и Семь познакомились, понравились друг другу и решили помножиться. И вот в результате появилось на свет их произведение — Тридцать Пять.

Носятся сомножители со своим произведением, не могут им нарадоваться.

— Смотрите,— говорят соседям,— это — наше произведение. Ну, каково? Двузначное число, не то что мы, однозначные.

А произведение и не смотрит на сомножителей. Воротит нос, боится, как бы знакомые сотни чего не заподозрили. Как-никак, сомножители его — однозначные числа, стыдно ему, произведению, иметь такую родню.

— Произведение ты наше единственное, погляди на нас, хоть словечко молви! — просят его сомножители.

Куда там! До того ли сейчас их произведению! Произведение давно забыло, кто его произвел на свет.

Рисунки Е. Горохова, Ю. Масютина, М. Ушаца, В. Каневского.

3.— Ну что вы голову повесили? — приветливо встретил начальник отдела Гедеона.— Вероятно, в этом деле замешана женщина? Стоит ли расстраиваться, расскажите все подробно, и мы найдем выход. Не хотите? Жаль, что вы мне не доверяете.

4.— Беда с нашим сотрудником Гедеоном,— сказал начальник отдела, входя в кабинет директора.— Он страдает, но молчит. У него какие-то личные проблемы.

5. Директор немедленно прореагировал на сигнал и вызвал сотрудника.

— Понимаю,— сказал он ему.— Вы дали слово молчать. Но я обязан вам помочь. Вот бумага, карандаш. Напишите, что произошло...

6. ...— представьте, будто вы пишете родному отцу...

7. «Дорогой папочка! — писал пострадавший.— Сегодня утром, когда я садился в трамвай, какая-то женщина стукнула меня портфелем по подбородку. Я прикусил язык и поэтому не могу разговаривать. Не беспокойтесь, завтра все пройдет. А переживаю я оттого, что растроган и умилен. Десять лет работаю я в нашем учреждении и ни разу не видел со стороны начальства такого внимания, заботы, интереса к своей особе. Крепко целую. Гедеон».

МЕЧТАТЕЛИ

Веслава ЛУБКОВСКАЯ

— Иногда я думаю так: шалаш среди дремучего леса, восход солнца, чириканье птичек и кусочек черствого хлеба...

— Сразу узнаю родственную душу! Кто из нас не мечтает о бегстве от цивилизации, но чтобы так верно, слово в слово... Знает ли пани, что такой дремучий лес снится мне по ночам? Иногда даже по три раза в неделю...

— ...Никаких, упаси боже, удобств, ничего из баловства! На обед — родниковая вода и горсточка ягод, на ужин — лесные плоды, приправленные закатом солнца...

— Оказывается, можно жить в разных концах Польши и ежедневно встречаться мыслями... Пани не знает, как я жаждал лесных ягод и родниковой воды в течение долгой зимы... Что я говорю! В течение всей зимы моей жизни, которая тянулась до минуты, когда я познакомился с вами!..

— И знаете, только умоляю, пусть пан не смеется, порой я думаю, что осталась бы там на всю жизнь. Без руководителя Паперчака, без давки за лимонами, трамвайных очередей, без ожидания мужа...

— Ваши уста говорят моими словами! Мы, люди больших городов, жаждем прежде всего покоя, тишины и полного примитива. В таких условиях особенно...

Поезд остановился. Собеседники бросились к чемоданам, вышли из вагона, кинулись к автобусам. Злая судьба на время их разлучила. Но час спустя они стояли оба в канцелярии дома отдыха и кричали:

— Это, проше пани, скандал! Я занимаю слишком высокую должность, чтобы во время отдыха жить на третьем этаже! И что это за комната — из умывальника капает вода! Завтрак в постель, наверное, будут приносить с опозданием. Я целый год работаю, как вол, чтобы не сорвать план, а пани позволяет себе такую непредусмотрительность!

— Пани разве не знает, кто я такая, предлагая мне комнату на первом этаже! Солнце светит мне прямо в окно, целый день я не смогу зажмурить глаз. Я, у которой муж... Нет, это просто возмутительно, проше пани!

Смущенная заведующая домом отдыха напрасно пыталась вставить хоть слово. На нее смотрели со злостью люди, которые были готовы к бою за исполнение вынашиваемых годами желаний...

Перевел с польского П. БУГОРКОВ.

Иозеф РЕДИНГ (ФРГ)

ПЕРЕД ВЫБОРАМИ В ХАТАНУГА

— Рэндольф Хезикиль, уплатил ли ты избирательный налог?

— Да, сэр. Вот квитанция. Пришлось уплатить два доллара шестьдесят центов.

— Ты говоришь как будто с упреком? Ведь мы платим ровно столько же.

— Правда, сэр, но белому человеку это легче сделать. Он зарабатывает в пять раз больше, чем черный.

— Так, так. Черный зарабатывает меньше потому, что он ленивее. Он либо дрыхнет, пока белый работает, либо наплодит дюжину детей, либо еще что-нибудь придумает. Как бы то ни было, в нашей стране каждый может заработать ровно столько, сколько захочет, если не бездельничать. Ясно тебе?

— Ясно, сэр.

— Хорошо, что ты со мной согласен. Иначе я не мог бы признать, что ты достиг гражданской зрелости. А пока человек не достиг таковой, он не может голосовать, даже если ему... сколько тебе лет?

— Сорок два года, сэр.

— Отличный возраст, Рэндольф. В этом возрасте человек уже обладает необходимой мудростью. А теперь приступим к испытанию. Учти, Рэндольф Хезикиль, что мы хотим добра как тебе, так и всей нашей великой нации. Справа от меня сидит коммерсант Бернард Джагль, а слева — учитель Глен Уортбридж. В соответствии с инструкцией они назначены для того, чтобы подвергнуть тебя испытанию. Это почтеннейшие граждане. Знаешь ли ты их, Рэндольф?

— Только в лицо, сэр.

— Итак, начнем. Когда Алабама была принята в Союз американских штатов?

— В 1819 году, сэр.

— Верно. Совершенно верно. А кто был президентом США между Томасом Джефферсоном и Джеймсом Монро?

— Джеймс Мэдисон.

— Как ты сказал?

— Джеймс Мэдисон, сэр.

— То-то. Здорово ты все заучил, просто здорово. А теперь посмотрим, сумел ли ты проникнуть в глубины истории. Кто выдвигался в 1912 году на пост президента от демократической партии?

— Вильсон.

— Хорошо, а теперь припомни девиз президента Кулиджа!

— С Кулиджем — не скулить.

— А, черт подери! Пусть тебя спрашивает теперь кто-нибудь другой. Джагль, попробуйте вы.

— Ладно. Итак, Рэндольф, что такое ку-клукс-клан?

— Ку-клукс-клан — это тайный союз, возникший после поражения южных штатов в гражданской войне и направленный против негров, евреев, католиков и других элементов.

— Ха-ха-ха! Ну и насмешил ты меня, Рэндольф. Да ведь никакого ку-клукс-клана не существует в природе. Ку-клукс-клан — это плод больного воображения вашей черной братии. Вы читаете слишком много комиксов и забываете о славной истории нашей свободной страны. Увы, Рэндольф, ты меня огорчаешь. Как это ни грустно, ты не выдержал испытания. Ты еще не достиг гражданской зрелости. И не будешь голосовать. Вы согласны со мной, господа?

— Совершенно согласны.

— Тогда ступай домой, Рэндольф, и готовься получше.

— К чему?

— К следующим выборам. Через два года. Ступай!

Когда негр ушел, учитель Глен Уортбридж похлопал по плечу торговца Бернарда Джагля и сказал:

— Молодчина, гроссмейстер! Не посрамил нашего ордена!

Перевела с немецкого С. ФРИДЛЯНД.

МАЛЕНЬКИЕ БАСНИ

Джанни РОДАРИ

ДЫРКИ

Не все дырки находятся в баранках. Одни бывают в сыре, другие в кольцах, через третьи сливают воду из ванны. Одна из дырок оказалась на башмаке и была ужасно недовольна этим.

— Я могла бы быть пулевым отверстием на груди героя, ротиком красавицы, окном артиста, иллюминатором в самолете и летать, летать!..

Пустота всегда претенциозна.

СЛОВА

Один литератор решил поселиться в слове «жилище». Пошел дождь, крыши не оказалось. Литератор промок. Он пытался прикрыться словом «накидка», но схватил жесточайшее воспаление легких. Попробовал лечиться словом «лекарства», но умер и был похоронен на слове «кладбище».

ПУТЕШЕСТВИЕ

Один человек приехал в Рим из Турина для того, чтобы узнать, зачем он туда приехал. Но никто ему не смог разъяснить этого. Он вернулся домой обескураженный и с тех пор больше никуда не ездил.

Перевел с итальянского А. БАТРАКОВ.

В АДРЕС МОСКВА ОГОНЕК

ФОРМУЛЫ НА ШТЕМПЕЛЕ

В столице Дании Копенгагене проходил Международный симпозиум ученых. В дни работы симпозиума в Копенгагене марки гасились почтовым штемпелем с изображением математических формул.

Б. ГРИГОРЬЕВ

Москва.

ТАЕЖНЫЙ ОСТРОВ

Многие думают, что целина — это степь, степь и степь. Но есть там и таежные урочища.

Гигантским таежным островом вздыбился близ курорта Боровое горный кряж. На десятки километров протянулся он с запада на восток. Этот изумительный уголок природы со множеством причудливых скал на берегах озер напоминает и знаменитый Копет-Даг, и озеро Рицу, и даже Байкал.

В. БАРАЕВ

Кокчетавская обл., Боровое.

ФЛОРА ПОЛЬШИ

Почтовое ведомство Польши выпустило новые серии марок, посвященные флоре страны. На восьми из них показаны грибы, на двенадцати — цветы.

В. БОЛЬШАКОВ (Москва), Э. РИСТАУ (Польша)

МОЖНО ЛИ ЩЕЛКНУТЬ МЕДВЕДЯ ПО НОСУ?

К. МИХАЛЕНКО, Герой Советского Союза, полярный летчик

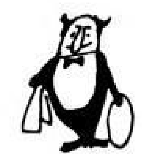
Как вы думаете, можно? Но не жалкого узника в клетке зоопарка, а свободного властелина ледяных просторов, могучего и свирепого белого медведя? Оказывается, можно. Но для этого нужно: во-первых, медвежий нос в непосредственной близости, а во-вторых... Собственно, не следует торопить события. Начну с начала.

Этой весной я прилетел в один из отдаленных авиапортов на Чукотке. Полтора десятка домов на берегу замерзшего океана, укатанная полоса на снегу для приема самолетов да тридцать — сорок жителей. Вот и все.

В раскрытые двери самолета летят мешки с почтой, ящики, тюки. Слышны радостные голоса и звонкий лай собак. Мне не хочется покидать теплую кабину. Я держу в руках фотоаппарат и выглядываю в окошко: что бы такое заснять? И тут... Представьте восторг начинающего любителя! Я вижу, как, перепрыгнув через ледяные торосы, от моря к самолету направляются два белых медведя! Как бы угадав мое желание, они подо-

Самообслуживание

В журнале «Огонек» уже рассказывалось о новой рубрике — «Самообслуживание» — в чешском сатирическом журнале «Дикобраз». Ее ведут сами читатели. Ниже мы помещаем шутки из журналов «Дикобраз» (Прага) и «Рогач» (Братислава).

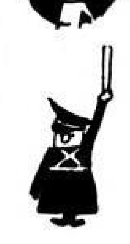

Посетитель в ресторане настойчиво зовет официанта. Наконец тот подходит.
— Я третий раз прошу принести мне бифштекс!
— Ну и отлично,— отвечает официант.— Я рад, что наша кухня вам так нравится.

Разговор двух мальчишек у телевизора:
— Представь себе, наши предки не знали ни радио, ни телевидения, ни электричества. Как они могли жить?!
— Вот они и умерли.

— Мама, а что такое «прислуга»?
— Раньше нанимали женщину, чтоб она стирала, гладила и убирала.
— А теперь ее называют бабушка?

Сын телеграфирует матери:
«Экзамены не сдал, подготовь отца». И получает ответ: «Отец подготовлен, подготовься ты».

— Ваша собака всю ночь лаяла и выла!
— Не беспокойтесь. Днем она выспится!

«ДИКОБРАЗ»

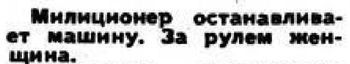
Болельщик:
— Если в воскресенье победит противник, значит, ему везет. Если наши,— это результат наших выдающихся качеств и таланта!

Ключ от автомобиля подходит почти ко всем женским сердцам.

Не один автор пережил свои произведения...

Если можно было бы превратить человеческую речь в электрическую энергию, то пяти соседок хватило бы на освещение целого города.

— Ума не приложу, что купить жене ко дню рождения?
— Спроси у нее.
— Что ты! Где мне взять столько денег?

Молодой дирижер упрекает знакомого комика:
— Не понимаю, почему вы смеетесь во время моих концертов? Разве я хоть раз улыбнулся на ваших?

— Как закончился вчерашний матч?
— 0 : 0.
— А первый тайм?

Милиционер останавливает машину. За рулем женщина.
— Почему превышаете скорость? Едете 90 километров в час?
— Что вы! Ведь я всего пятнадцать минут как выехала!

«РОГАЧ»

Рисунки В. Каневского, Р. Овивяна, Ю. Черепанова.

Перевела с чешского и словацкого Вера ПЕТРОВА.

шли ближе и остановились в какой-то сотне метров. Я выскальзываю из самолета и незаметно направляюсь в сторону медведей. Какой уникальный кадр!

А медведи не обращают никакого внимания ни на меня, ни на шум людских голосов. Один растянулся на брюхе и, кажется, спит, другой сидит и сосредоточенно облизывает лапу. Я ловлю их фигуры в видоискатель аппарата. Слишком мелко. А что, если подойти ближе? Я делаю несколько шагов вперед. Еще и еще. Вам знаком азарт фотолюбителя? Я уже не замечаю ничего. Забыта опасность. Я вижу только редчайший кадр: белые медведи на фоне ледяных торосов! И уже представляю восторг приятелей по поводу моих снимков...

И вдруг медведь делает прыжок — он рядом со мной. Его черные глаза, не мигая, смотрят в мои. Влажный треугольник носа жадно трепещет. Я с лихорадочной быстротой перебираю в памяти всевозможные наставления и инструкции о полетах в Арктике, но в них не говорится о действиях летчика в подобной ситуации! Я делаю шаг назад, в сторону самолета. Медведь делает шаг вперед. Я застываю. Чувствую, как под шапкой шевелятся волосы, ощущаю на губах соленые капли пота и страх, нет, ужас! Предательская вибрация пальцев передается куда-то в область голеностопных суставов. Вот уже колени стучат друг о друга со скоростью отбойных молотков, вибрирует поясница, трясется шея и лязгают зубы. Медведь берет в пасть полу моей куртки и начинает ее жевать, не отводя при этом внимательного взгляда от моего лица.

Я делаю микроскопический шаг к самолету. Медведь следует за мной. На арене действия появляется новый персонаж — второй медведь. С трудом передвигая пляшущие ноги, я едва заметно отступаю. Медведей это, кажется, не беспокоит. Теперь они в две пасти жуют мою куртку. Из последних сил, теряя остатки самообладания, я делаю еще несколько шагов к спасению. Люди все видят, но не решаются стрелять. Неужели среди них нет храбрецов? Зайти с обеих сторон и... Всего два выстрела в упор! Я делаю еще один шаг и чувствую, что он последний. Все. Больше нет сил. Исчерпано мужество, сломлена воля... Всего два выстрела! Где же вы, люди?! Закрываю глаза. А когда открываю, у меня екает сердце: между мной и медведями стоит мальчуган лет двенадцати! Я еще нахожу в себе силы шепнуть непослушным языком:

— Б-бег-ги! Эт-то же дикие звери!

— Дикие? Звери? — произносит возмущенно мальчик.— Сами вы, дядя...

Мальчик легко щелкает по носу одного медведя, потом второго.

— Мишка! Машка! Пошли!

Оказывается, медведя щелкнуть по носу ничего не стоит. Только для этого его сначала надо приручить.

1.— Б-р-р... Какая это тяжелая работа — каждое утро вставать! Подумать только! Делаешь это каждый день уже тридцать лет и все никак не привыкнешь. Но сегодня... сегодня это необходимо: ведь я иду на свидание к ней!

6.— Ура! Ничего страшного не случилось. Но что это? Она ничего не слышит, она ничего не видит. Она занята невероятно важным делом: получасовой массаж лица!

Сцены из юмористической пантомимы ИОНА ЛУЧИАНА (Румыния).

Примите к сведению

ТМО на гастролях

2.— Перед ней надо предстать во всем блеске, во всеоружии. Ведь это же страшно важно, что она подумает о своем будущем муже. Скорее, моя верная нитка! Скорее, моя верная игла!

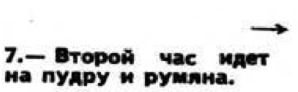
3.— Боже! Я опаздываю.

4.— Д-з-инь... Д-з-инь! Звоню уже пятнадцать минут, и никого. Может быть, ушла?

5.— Это, конечно, очень нехорошо — подсматривать в щель. Извините меня! Но если нет ключа — гостю ничего больше не остается...

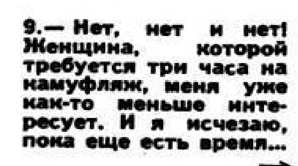

7.— Второй час идет на пудру и румяна.

8.— Брови — тоже необычайно важная деталь.

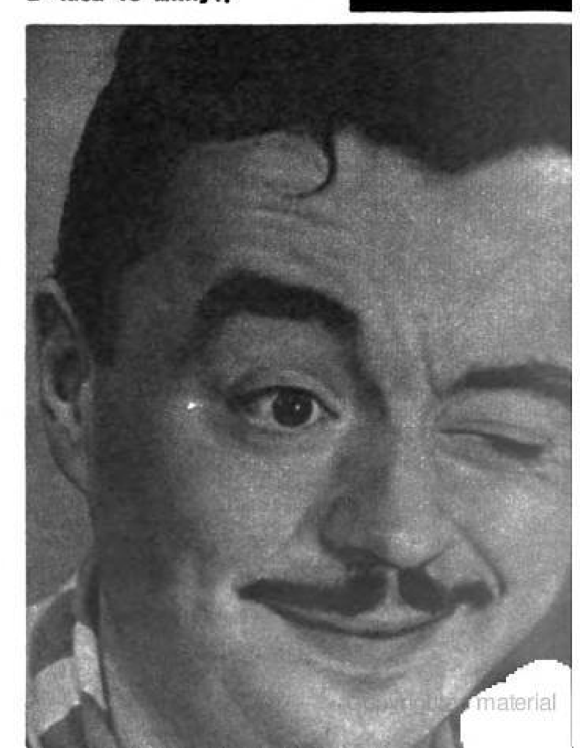

9.— Нет, нет и нет! Женщина, которой требуется три часа на камуфляж, меня уже как-то меньше интересует. И я исчезаю, пока еще есть время...

10.— И знаете что? Мне встретилась сейчас другая девушка с более содержательным времяпрепровождением. Она — идеал. Теперь она моя жена. Я счастлив. Она тратит на туалет только 2 часа 15 минут.

ВЕРА НИКОЛАЕВНА ПАШЕННАЯ

Все чувства умело выражать при жизни одухотворенное лицо Пашенной. Точно так же, как всеми чувствами билось ее благородное сердце, оно не знало только одного — покоя... И вот теперь глубокий, непробудный покой на этом лице, навсегда отрешенном от всех земных волнений. Только он и заставляет поверить, что уже никто из нас больше не увидит Веру Николаевну Пашенную на сцене Малого театра, которому отдала актриса безраздельно всю свою жизнь.

На днях Малый театр отметил 75-летие со дня рождения Веры Николаевны Пашенной. Но все близкие знали, что дни ее сочтены. Видимо, тяжелая болезнь давно подтачивала этот могучий организм, хотя сама Вера Николаевна до последнего времени старалась не обращать внимания на нездоровье и боролась с болезнью, превратив свою жизнь в настоящий творческий подвиг. Не щадя себя, она играла и репетировала, начиная трудиться ранним утром и заканчивая рабочий день в глухие ночные часы. Она еще и после спектакля иной раз находила силы поработать над собственными записками, обдумывая теорию сценического действия.

Продолжая на сцене славную традицию Южина, Федотовой, Ермоловой, Вера Николаевна Пашенная как бы впитала в себя их творческие заветы. В то же время ее отношение к русскому реалистическому наследию было удивительно молодым и новаторским. Это проявлялось в каждой новой работе Пашенной. Каждая из них становилась новым вкладом в сокровищницу театрального искусства.

Переоценить проделанное Пашенной для театра, для сцены невозможно.

А сколько она еще могла бы сделать! С. Ф. Бондарчук вплоть до нынешней весны вел переговоры с Верой Николаевной о съемках в кинофильме «Война и мир». Это предложение Пашенная встретила очень горячо. Она очень хотела сыграть Ахросимову. Репетируя «Грозу», играя «Каменное гнездо» и «Остров Афродиты», Вера Николаевна Пашенная думала и об Ахросимовой. Актриса ясно представляла себе эту могучую русскую женщину, этот несгибаемый, волевой характер. Матерью, женой декабриста видела Пашенная Ахросимову. И готовилась к роли с интересом и любовью.

...Невозможно представить новый современный театр, современное искусство без Пашенной. Талант ее навсегда останется с нами.

Н. ТОЛЧЕНОВА

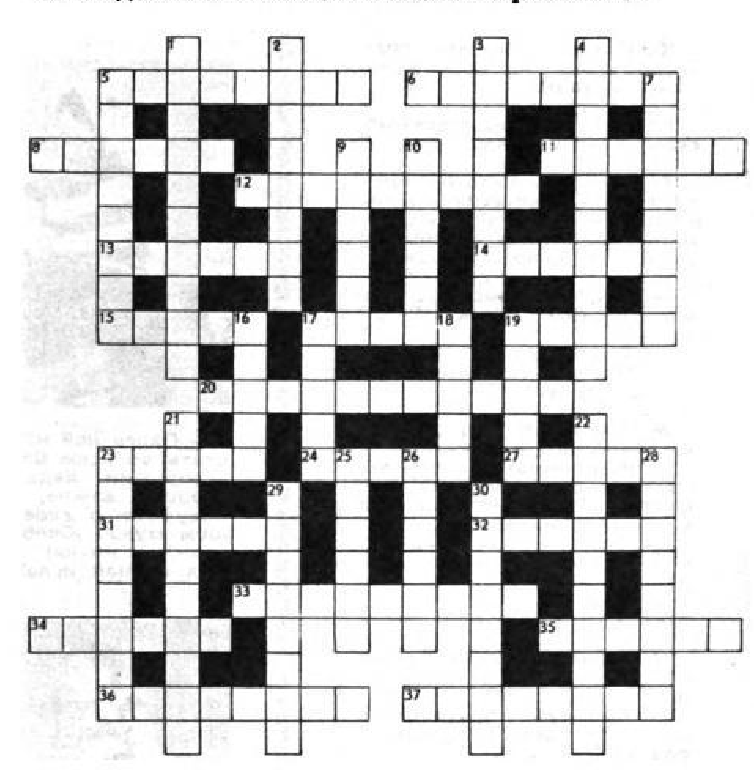
КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Автор картины «Первые дни Октября». 6. Приток Миссисипи. 8. Денежная единица Древней Руси. 11. Сообщение о выполнении взятых обязательств. 12. Математическое равенство. 13. Плечевая мышца. 14. Персонаж оперы Д. Верди «Травиата». 15. Летчик-космонавт. 17. Чертеж земной поверхности. 19. Химический элемент. 20. Декоративное освещение зданий, улиц. 23. Китобойная флотилия. 24. Растение, цветущее один раз. 27. Клоун-сатирик и дрессировщик. 31. Сахаристый сок медоноса. 32. Столица союзной республики. 33. Сжигание пиротехнических изделий. 34. Исполнитель произведений искусства. 35. Персонаж пьесы Н. Погодина «Человек с ружьем». 36. Солист Большого театра. 37. Лед, примерзший к берегу.

По вертикали:

1. Поэма А. Блока. 2. Курьерский поезд. 3. Водная птица. 4. Наглядное выражение результатов труда. 5. Подножие колоннады. 7. Историческое здание в Ленинграде. 9. Революционный крейсер. 10. Указ, закон. 16. Марка автомобиля. 17. Помещение на судне. 18. Курорт на побережье Черного моря. 19. Электронная лампа. 21. Советский поэт. 22. Предпосевная обработка семян. 23. Метеоролог. 25. Советский гроссмейстер. 26. Произведение из симфонического цикла Б. Сметаны «Моя Родина». 28. Вальный танец. 29. Исследователь Дальнего Востока. 30. Балет И. Стравинского.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 44

По горизонтали:

3. Тбилиси. 7. Находка. 8. Кулинар. 10. Рулетка. 11. «Шахтер». 13. Берест. 15. Пресс. 17. Бланк. 18. Марля. 19. Эксперимент. 20. Схема. 22. Гайка. 23. Ласка. 24. Вектор. 25. Ариозо. 26. Шоколад. 28. Инициал. 30. Вакалея. 31. Тротуар.

По вертикали:

1. Линза. 2. Виток. 3. Тендер. 4. Иволга. 5. Галстук. 6. «Разгром». 9. Перекресток. 11. Шолохов. 12. Реактор. 13. «Беднота». 14. Толокно. 15. Пепел. 16. Сумма. 21. Антенна. 22. Глиссер. 26. Шпинат. 27. Диктор. 29. Лоток. 30. Бурун.

На первой и последней страницах обложки: Праздничный салют.

Фото Л. Бородулина и Ю. Кривоносова.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК (ответственный секретарь), И. В. ДОЛГОПОЛОВ, Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-47, ул. «Правды», 24.
Рукописи не возвращаются. Оформление Е. Казакова.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00187. Подписано к печати 30/X 1962 г.
Формат бум. 70×108¹/₁₆. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л.
Тираж 1 850 000. Изд. № 1681. Заказ № 2953.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

— Ей 45 лет, а выглядит она очень молодо.

Рисунок Ежи Флисака. Варшава.

Американский спутник-шпион. Рисунок Юлиуса Пухальского. Варшава.

Рисунок Камба.
Париж.

СССР

МИРНОЕ СОРЕВНОВАНИЕ.
Капиталист: — Таким шагом раньше придет он.

Рисунок Рауля Вердини.
Рим.

— Что вы здесь ищете, господа?
— Свободу.
— Тогда давайте искать вместе.
Рисунок Збигнева Кивлина.
Варшава.

Летучий голландец.
Рисунок Збигнева Кивлина.

Цена номера 30 коп.

